ZEITGEIST

Брюс Стерлинг

Дух времени (ЦИК)

книга/fiction

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Понять Zeitgeist, поймать дух времени — вот залог успеха шоу-бизнесмена Лёхи Старлица, сумевшего организовать поп-группу из безголосых, но симпатичных девиц, устроить промоушн, отправить их в турне по развивающимся странам и добиться мировой известности. Только правильно ли угадал он дух времени?.. Тем более что времена меняются, близится рубеж тысячелетий...

Автор книги, Брюс Стерлинг, один из отцов-основателей литературного киберпанка, сам поймал дух времени, написав постмодернистскую фантасмагорию, закручивая захватывающий сюжет, в котором сталкиваются деятели шоу-бизнеса, спецслужбы, террористы и контрабандисты, космические спутники и духи, русские и гавайцы, Пелевин и некрореалисты...

- Брюс СТЕРЛИНГ
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91

Брюс СТЕРЛИНГ
ZEITGEIST

1

Лето в Стамбуле. Свежемолотый кофе в надраенной ручной мельнице из чеканной меди. Густая вонь, смесь химии и мазута, в разрушенном кафе. Старлиц чуял горячий карамельный дух взрывчатки, еще пробивающийся сквозь запах спекшегося металла и горелых обоев, сквозь цементную пыль.

— Где девчонки? — спросил турок.

— Развлекаются на Кипре.

— С греками?

— Ни в коем случае, — успокоил его Старлиц. — Они в веселой части Кипра. В турецкой части.

Турок улыбнулся. Сняв крышку с кофейника, он всыпал туда большую ложку бурого сахара.

Старлиц откинулся в кованом кресле, сложил пухлые руки поверх сиреневого жилета. Он и турок дружелюбно молчали, пряча глаза за модными солнечными очками и наблюдая за закипающим кофейником.

Турок, представившийся Мехметом Озбеем, был молод и красив, как кинозвезда. Впечатление мужественного шика подчеркивали итальянские кожаные брючки и пиджак из верблюжьей шерсти.

Старлиц пребывал в безмятежном настроении. Местные события вполне его устраивали. В его пестрой карьере были времена, когда он примчался бы в Стамбул двумя днями раньше взрыва автомобиля со взрывчаткой, раскрыл бы заговор и его участников, любовался бы древним городом, снова попавшим в плен фаталистическому напряжению оттоманского прошлого.

Но теперь, в самом конце двадцатого века, Старлиц повиновался обстоятельствам и испытывал от этого наслаждение. Он прибыл в Стамбул двумя днями позже взрыва. Катастрофа уже миновала, наступил черед профессионального устранения ее последствий. Скучающие турецкие полицейские лениво измеряли чудовищную воронку желтыми металлическими рулетками. Безразличные уборщики наметали горы битого стекла. Стамбульские модницы в нарядах от Шанель и в толстых золотых цепочках пытались что-то разглядеть в витринах, забранных вдоль всей улицы фанерой вместо вылетевших стекол.

Банальный домашний терроризм не стал для Мехмета Озбея поводом отменить деловую встречу. Иссеченное осколками кафе было почти пустым, но молодой поп-антрепренер прибыл вовремя — аккуратный, чисто выбритый, собранный, с белым чемоданчиком из телячьей кожи. Выбранное им кафе не потеряло

очарования даже от взрыва, который оставил заведение без витрины. Официанты сдували с Озбея пылинки, растроганные его снисхождением к их затруднениям. Они то и дело подкрадывались к нему на цыпочках, предлагая с лакированных подносов ломтики дыни и пахлаву.

Молодая женщина, шедшая мимо кафе, заметила Озбея, замешкалась, плененная его красотой, и врезалась в полосатое полицейское заграждение.

— Моя подружка Гонка мечтает познакомиться с девушками из вашей «Большой Семерки», — сообщил Озбей вальяжно.

— Уверен, что это можно будет устроить.

— Особенно ей нравится Француженка.

— У каждого есть в «Большой Семерке» своя любимица, — согласился Старлиц.

— Француженка самая одаренная, — рассудительно проговорил Озбей. — Она почти певица.

— У нее манера певички из кафе с парижского Левого берега, — подтвердил Старлиц.

Они позволили пене в кофейнике по традиции подняться раз, другой, третий. Старлиц радовался, что украл у приближающейся смены тысячелетий это редкое мгновение. Он ценил шанс перевести дух среди шума отмирающего века. Это шло ему на пользу, как кислородная подушка.

Озбей снял с горелки кофейник с чеканкой и с преувеличенным рвением исполнил ритуал наполнения чашек.

— Почему в «Большой Семерке» нет русской участницы? — спросил Озбей, отставляя кофейник. — Ведь теперь официально существует «большая восьмерка». Вместе с Россией.

— Странная вещь, — откликнулся Старлиц, принимая свою чашку. — Никто никогда меня не спрашивает, почему в группе нет русской девушки. За исключением самих русских.

— А вы не любите русских, мистер Старлиц?

— Почему же, я их обожаю, будь им пусто, — вежливо отозвался Старлиц. — Просто у русских неправильный коммерческий подход. Они по-прежнему думают, что поп-группа должна торговать музыкой.

Озбей снял солнечные очки, картинно сложил их и убрал во внутренний карман пиджака. Подняв блестящую чашечку, он глянул на Старлица поверх ее золоченого ободка.

— «Продажа всей концепции», — процитировал он.

— Совершенно верно. — Старлиц сделал глоточек, жмурясь от удовольствия. Восхитительный кофейный вкус, тонкий оттенок кардамона. Дела шли отменно.

Озбей склонил набок голову с безупречной прической.

— Мы продаем всю упаковку. Вместе с парафином.

— Таков дух времени, — вздохнул Старлиц. — Дух постмодернизма, так сказать.

— Например, у нас хорошо расходятся пластмассовые куколки.

— Участницы «Большой Семерки» в уменьшенную величину, — поправил Старлиц турка.

— Популярнейший товар у детей. Вместе с блеском для губ, свечами, огромными башмаками.

— Еще чудо-бюстгальтеры «Большой Семерки», их колготки. На всех этих штучках мы и вылезаем.

Озбей поставил чашку и подался вперед.

— Кто поставляет вам одежду?

— Главным образом Индонезия. Вернее, поставляла до валютного кризиса.

Озбей оперся локтями о сверкающий мраморный столик.

— Мой дядя-министр заинтересован в торговле турецкими аксессуарами. Он очень влиятельная фигура в турецкой промышленности.

— Надо же! — Старлиц задумчиво поскреб двойной подбородок. — Чрезвычайно любопытно.

— Мой дядя-министр обладает большим влиянием в Турецкой Республике Северного Кипра.

— Республика — крайне интересное место. — Старлиц тоже подался вперед. — Пробыв на турецком Кипре всего неделю, я понял, что это страна огромных возможностей. — Он насмешливо поднял мясистую руку. — Знаю, знаю, некоторые утверждают, что на греческой части лучше развита туристическая индустрия. Но, на мой взгляд, греческий Кипр — это вчерашний день. Там перестарались и уже исчерпали свои возможности. Все эти ночные клубы, разгул, большие круизные суда из Бейрута…

— Позвольте мне показать вам «Меридиен», — сказал Озбей. — Это казино Тургута Алтимбасака в Гир-не. Заведение очень… как сказать по-английски?

— Изысканное?

— Да! Очень изысканное, место сбора плейбоев со всего света. Господин Алтимбасак — друг моего дяди. Там можно спокойно играть в азартные игры. Вы бы смогли там развернуться, мистер Старлиц.

Старлиц обдумал это смелое предложение. Оно пришлось ему по вкусу.

— Зовите меня Лех, — разрешил он.

— Согласен. — Озбей улыбнулся. — А вы зовите меня Мехметкик. Это все равно, что Джонни.

— Мехметкик, друг мой, будем откровенны. — Старлиц растопырил пальцы. — Раньше мы в «Большой Семерке» были очень недовольны ведением наших оффшорных счетов на Джерси и Бимини. Потом вы обратили наше внимание на банки на турецком Кипре. Ваш дядя-министр здорово нам помог. Теперь все идет как по маслу, без всяких проволочек. Мой бухгалтер совершенно счастлив.

— Счастливые бухгалтеры — это очень хорошо, — сказал Озбей. — Всем бы нам иметь счастливых бухгалтеров.

— Сотрудничество принесет нам счастье, — предсказал Старлиц. — Главное, никогда не забывать первое правило «Большой Семерки».

— Что все должно закончиться до наступления двухтысячного года?

Старлиц довольно откинулся в кресле.

— Мехметкик, я понял, что вы особенный человек, как только вы переслали нам письма фанаток группы.

Озбей удовлетворенно кивнул. Наконец-то разговор коснулся его излюбленной темы.

— Все мне говорят, что я особенный, — проговорил он. — Дядя-министр, жена, подруга, многочисленные друзья в мире поп-бизнеса — все твердят о моем необыкновенном даре.

Старлиц наблюдал за турецкой домохозяйкой, обмотавшейся по оплошности желтой полицейской лентой.

— Понимаю, — пробормотал он.

— Вы не согласны, что у меня дар?

— Полностью согласен, Мехметкик. Достаточно на вас взглянуть. Это сразу бросается в глаза.

— Вы тоже одаренный человек, Лех, — сказал Озбей, довольно выпрямляя спину. — Это очевидно.

Старлиц покачал головой, Озбей сверкнул глазами.

— Не скромничайте! Мне шепчут со всех сторон: Легги Старлиц больше чем бизнесмен, он имам, гуру бизнеса, как говорят в Силиконовой Долине.

— Это все профессиональные сплетни. Музыканты очень суеверны. Всем им не дает покоя приближение нового века.

— Вам известно будущее? Говорят, что да. Старлиц пожал плечами.

— Пожалуй. Отчасти. Недаром я изучаю потребительские тенденции. В поп-индустрии без этого никуда. Демографический анализ, графики спроса. Здесь не обойтись без Интернета.

— Значит, вы действительно знаете будущее?

— Магический кристалл — игрушка для простофиль. — Старлиц нахмурился. — Если вас интересуют сверхъестественные

силы, найдите, где отмывать деньги. Вот где можно творить чудеса!

Озбей насупил брови, изящно ухватил ломтик дыни, но передумал ее пробовать и аккуратно вернул на поднос.

— Трудно высказывать глубочайшие истины, говоря на разных языках. Тайное знание сопротивляется словам. В жизни много важных секретов, которые так и остаются нераскрытыми.

Старлиц громко пыхтел, но хранил молчание. Заполняя паузу, он наблюдал за турецкой вороной, ковылявшей по крыше кафе, — припорошенной пылью, содрогающейся от жадности, с похожими на наконечники пуль глазками воровкой с помойки. Старлиц незаметно бросил кусочек дыни на пол, надеясь, что крылатая бестия поймет намек. Озбей вертел в руке кофейную чашечку.

— Прошу вас, признайтесь, что вам доступны эти тайные истины, для которых у меня не хватает слов.

— Лучше закройте этот сосуд крышкой, Мехмет, и не подходите к нему близко.

— Но ведь мы деловые партнеры! Мне нужна уверенность, что вы понимаете. Я должен быть понятен с самого начала. — Озбей вздохнул и понизил голос. — Я — могущественный тайный владыка глубинной реальности современного мира.

— Я в курсе! — Старлиц устало поморщился. — Настолько в курсе, что можете даже не уточнять, что мне это послышалось.

— Мы с вами можем по желанию нарушать законы природы. Мы — великие посвященные со сверхъестественными способностями, которые глупцы назвали бы фантастикой. — Он уставился на Старица. — Я говорю лишнее?

— Мехметкик, в этой части мира для улучшения сбыта полезно прикинуться дервишем, но у меня всемирный охват, так что меня увольте. Вы — крупный бизнесмен с обширными местными связями, за что я вас очень уважаю. Ограничимся взаимным уважением и рукопожатием, а более глубокие истины оставим под ковром, где им самое место.

Озбей выглядел разочарованным, как ни пытался это скрыть.

— Вижу, вы пожаловали ко мне в город Стамбул, чтобы обсудить покупку ковров. С Легги Старлицем можно говорить только о деле. Очень хорошо. Я хозяин, вы гость. Я буду вежлив и больше не скажу ничего лишнего.

Старлиц снова отмолчался. 6 воздухе плыл сильный запах кофе и роз. Озбей проворно схватил чашечку Старлица.

— Раз я ваш хозяин, позвольте вас развлечь. У нас в Стамбуле сохранилась старинная традиция — угадывать будущее по кофейной гуще.

— Я еще не допил, — возразил Старлиц.

— Я большой мастер гадания. — Озбей с угрожающей ухмылкой покачал чашечкой, взбалтывая осадок. — Что ждет вас в будущем, Легги Старлиц? Сейчас узнаем.

— Не нужно проделывать это со мной, — предупредил его Старлиц.

— Не учите меня, что мне делать и чего не делать, — спокойно ответил Озбей. — Я не ваша несовершеннолетняя поклонница. Я очень хорошо знаю, чего хочу. Гораздо лучше, чем вы.

Озбей погрел кофейную чашечку в ладонях, потом осторожно заглянул внутрь.

Чашка была пустой и девственно чистой.

Черная резиновая лента багажного транспортера ползла как бы сама по себе, внушая суеверный ужас. Одуревшие от смены часовых поясов пассажиры сбились в безмолвные кучки, дожидаясь своей поклажи, как усталые приверженцы отмирающей религии — даров свыше.

Мимо Старлица безмолвно проскользнуло видение: мягкая шляпа из серого фетра, длинный полупрозрачный дождевик, свисающий с костлявых плеч, две камеры в чехлах, сложенная тренога, громоздкий жилет фотографа и штаны с множеством карманов. Все вместе слонялось по аэропорту в нелепых обезьяньих кроссовках.

Старлиц отбросил глянцевый журнал и поднялся с красного пластмассового сиденья.

— Привет, Визел!

Визел крутанул узкой головой, впился в Старлица бесцветными глазками-буравчиками. Узнав его, папа-рацци не скрыл неприязни.

— Какими судьбами в Стамбуле, Легги?

— Разве это Стамбул? Для меня все аэропорты на одно лицо.

Визел передернул плечами.

— Где девчонки?

— У них короткий отпуск. Нежатся у бассейна в одном тайном отеле. Голые, вымазанные кокосовым маслом.

На землистой физиономии Визела невольно появился интерес, который он немедленно погасил.

— «Большая Семерка» — вчерашний день.

— Это в Лондоне они вчерашний день, здесь я с тобой полностью согласен. В Лондоне даже завтра — уже вчера. Зато для Тегерана колготки с искрой и блестки для губ — скорое, желанное будущее.

Визел следил за появившимися на транспортере чемоданами,

разыгрывая безразличие. Старлиц, хорошо его изучивший, видел, что он с каждой минутой слабеет. Скоро глазки Визела сверкнули.

— Ты собрался обдурить мулл, Легги?

— В Иране смена режима, приятель. Большое окно для новых возможностей. Мне снова нужна твоя помощь.

Визел снял с плеча раздутый чехол с камерой и осторожно опустил его на пол.

— Не морочь голову! От вас осталось пустое место. Ваш трюк устарел уже два года назад. Это даже не группа! Ни петь, ни танцевать не умеют, знай шевелят губами под «фанеру».

Старлиц безразлично пожал плечами.

— Они даже безымянные! — не унимался Визел. — Случайные пташки, слетевшиеся на твои объявления.

— Так и задумано, — кивнул Старлиц.

— Теперь тебе придется прочесывать темные глубины Восточной Европы. Твоя группа — пустой звук. Нельзя вылепить настоящих звезд из одного воздуха.

Старлиц терпеливо вздохнул.

— Кому нужны настоящие звезды? Это все отрава. Дело в концепции маркетинга. Первая поп-группа, не продающая музыку. Первая поп-группа с установленным сроком годности.

— Я же говорю, трюк на трюке.

— Посмотрим, как ты запоешь после наших стамбульских гастролей. И это только начало нашего большого тура по исламскому миру. Гениальный замысел!

Визелу было все труднее бороться с собой. Знаменитости его утомляли, но запах хорошо продуманной аферы щекотал ему ноздри.

Внезапно его глазки-буравчики уловили еще что-то, и на его физиономии появилось выражение облегчения, придавшее ему отдаленное сходство с одушевленным существом. Он проворно развернулся на каучуковых подошвах.

К багажному транспортеру стремительно приближалось самоходное кресло. В нем сидела особа в обтягивающем платье с открытыми плечами, в нелепом белокуром парике с огромной челкой; у нее были большие голубые глаза и столь чудовищно выпирающая грудь, что в ней можно было заподозрить снаряд из гимнастического зала.

Кресло с визгом затормозило, его пассажирка оглядела Старлица с головы до ног, отдав должное мягкому костюму цвета незрелого лимона, кольцу с бриллиантом на пальце, ботинкам от Гуччи. Из ее рта медленно выплыла струйка дыма.

— Твой дружок, Бенни?

— Деловое знакомство, Принцесса. — От желания угодить Визел так напрягся, что окаменел. — Это Легги.

— Лех Старлиц. — Старлиц сердечно вытянул в сторону кресла руку. Женщина взяла сигарету левой рукой, небрежно стряхнув пепел на переливающуюся ткань платья, обтянувшую ее пышное бедро, и одарила пальцы Старлица снисходительным влажным пожатием.

— Можете называть меня Дианой, — сообщила она. — Большинство людей не возражают.

— Дистрофия? — сочувственно осведомился Старлиц.

— Нет, — улыбнулась она.

— Множественный склероз?

— Тоже мимо.

— Неужели ожирение?

— Еще чего! Я не ем гамбургеров. Я танцовщица!

— Автоимунный синдром, — пришел на выручку Визел. — Аллергия на саму себя. — Он указал на транспортер. — У меня с собой результаты ее компьютерной томографии, ядерного магнитного резонанса. Ты это видел, Легги! Красота!

Женщина указала пальцем с ослепительным ногтем на ленту.

— Мои баулы, Бенни! Тащи их сюда.

— Будет исполнено, ваше высочество. — Визел протиснулся сквозь толпу и вступил в борьбу с несколькими неподъемными желтыми чемоданами.

— Сколько багажа! — уважительно сказал Старлиц Принцессе.

— А как же! Мы переезжаем. Мы покидаем Лондон. Попробуем поиграть в свой дом. Я и этот король подглядывания.

— Вы уже знаете, куда едете, ваше высочество? Она попыхтела сигаретой, подняла глаза, прищурилась.

— Вы бывали на Гоа, мистер Старлиц?

— Гоа — бойкое местечко, — одобрил Старлиц. — Недаром в честь него назвали особый звук.

— Что еще за звук? — замигала она.

— «Звук Гоа», конечно.

— С чем это едят?

— На Гоа процветает «транс-энд-данс». Повсюду «техно». — Принцесса по-прежнему ничего не понимала. — Ну, «техно». Электроника. — Понимания не прибавилось. — Музыка, — перешел к расшифровке Старлиц. — Ну, та, которую заводят на вечеринках с помощью пленок и миксеров. «Брейк-бит». — И, опускаясь на рудиментарный уровень, Старлиц объяснил: — На Гоа играют много «диско».

— О! — просияла она. — Танцевальная музыка!

— Она самая. Гоа — один из законодателей музыкальной моды.

— А стриптиз-клубы? Гоа — это ведь Индия, да? Там есть экзотические танцы, ролевое исполнение полового акта?

— На Гоа много нудистских пляжей.

— Вечно эти паршивые любители-хиппи все портят! Визел притащил один из желтых чемоданов, едва

не лишившись обеих рук. Чемодан был перетянут пленкой и перевязан веревками, но все равно зловеще раздувался.

— На Гоа процветает ведическая медицина, — пропыхтел он. — Многовековая мудрость травников. За ней будущее.

— Я тоже много слышал об индийском лечении травами, — милосердно проговорил Старлиц. — В нем широко применяется коровья моча. Надо следить за тщательной стерилизацией игл для уколов. — Ион изобразил букву V, растопырив указательный и средний пальцы на добрые четыре дюйма. Потом, глядя в кресло с отеческой заботой, продолжил: — Знаете, что вам поможет, Ди? При автоимунном нарушении полезно натуральное обеззараживающее средство: женские турецкие бани в Эдирне. Сплошь мрамор, чисто женский персонал. Лечебные грязи, целебная минеральная вода. Там уже четыреста лет не было ни одного мужчины. Служительницы — сплошь ассирийки с Кавказских гор, где люди легко доживают до ста двенадцати лет.

— Господи! — пролепетала Принцесса, часто мигая.

— Главное снадобье — йогурт. И массаж.

Она сделала последнюю затяжку и уронила окурок рядом с кроссовкой Визела.

— Где это?

— Здесь, рядом. Неподалеку от Стамбула. Конечно, у них все зарезервировано на годы вперед. Они истовые мусульмане и не принимают христианок. Чтобы туда попасть, вам придется заделаться султаншей Валид-Роксаной.

— У нас билеты в Гоа, — напомнил Визел, преданно подбирая с пола Принцессин окурок.

— Ничего, мусульмане меня тоже устроят, — возразила Принцесса. — В том случае, если у них водятся денежки.

Старлиц схватил папарацци за тощее плечо в полупрозрачном плаще.

— Визел, — проговорил он значительно, — видишь этот транспортер? Возможно, по нему как раз сейчас едет черный непомеченный чемодан, предназначенный для тебя, а внутри двадцать тысяч американских долларов.

Визел и Принцесса обменялись многозначительными взглядами.

— Успокойся, его там нет. — Запустив руку в карман своего жилета цвета лайма, Старлиц выудил оттуда золотой пластиковый прямоугольник. — Ведь наличность — это вчерашний день. Таможенники научились ее нащупывать. Поэтому вместо нее я приготовил для тебя эту удобную карточку «Виза», выписанную на твое любимое имя. Свидетельство о кредитной линии на двадцать тысяч долларов, открытой оффшорным банком на турецком Кипре.

Визел инстинктивно потянулся за подарком, но тут же отдернул руку.

— Откуда я знаю, что это правда?

— Возьми и позвони по их бесплатному номеру. Вот он, на обратной стороне карточки. Кипр — страна Содружества, поэтому кипрские банкиры прилично говорят по-английски. Как только доберешься до апартаментов в «Истанбул Пера Палас», которые я вам заказал, первым делом звони в банк.

— Боже… — пробормотал Визел.

— Кстати, «Пера Палас» — очень фотогеничный отель. Построен в 1892 году для пассажиров Восточного экспресса. Сплошное красное дерево, турецкий стиль, свет сквозь шторы, арак Сиднея Гринстрита в баре. Как раз для тебя, Визел. Уверен, тебе понравится.

Визел достал из кармана очки для чтения и принялся их полировать специальной тканью для линз.

— С чего это вдруг, Легги?

— На эту дискету я записал схему действий. Вставишь в компьютер и ознакомишься. — Легги вручил ему пластмассовый квадрат с информацией. — В двух словах: свяжешься со своими знакомыми папарацци. Причем не с лучшими, а именно с самыми худшими, самыми дрянными и никчемными. С людьми без тормозов. Ну, знаешь, из тех, кто подкупает официантов, прячется в мусорных баках, врывается с видеокамерой в туалет. Последние отбросы ремесла папарацци. Скажешь им, что таблоидам нужны фотографии выступлений «Большой Семерки» в Стамбуле. Что за снимки девчонок им отвалят кучу денег.

— Кто же станет за такое платить? — спросил Визел со вздохом.

— Слухи о романтических приключениях! Мы намеренно допустили утечки, приспособленные к национальным вкусам. Француженка связалась со звездой футбола, обладателем кубка мира. Американка подцепила конгрессмена.

— Значит, все как обычно?

— Нет, приятель, на сей раз все по-настоящему. Мы не сидели сложа руки. Самое главное, мы собираемся заплатить за

снимки. Тебе не придется никого надувать. Ты действительно купишь все, что они нащелкают! Расплатишься с ними честь по чести.

— Опомнись, таблоиды не клюнут на этот мусор! Слишком часто ты их облапошивал.

Старлиц терпеливо вздохнул.

— Мы целим в турецкие масс-медиа. Турецкие таблоиды, турецкие модные журнальчики, особенно турецкое телевидение. Обычная западная реклама им чужда. Но когда они убедятся, что твои ребята перевернули вверх дном весь Стамбул, они расхватают снимки, как горячие пирожки. — Старлиц понизил голос. — Мы просто хотим, чтобы девчонок увидели в их тряпках, только и всего. На нас заработают мастерские-потовыжималки в Анатолии, из тех, которые научились строчить подделки под «Версаче». Они завалят турецкий рынок блузками, как у «Большой Семерки», и их туфлями на платформе. Мы сумеем неплохо заплатить твоим иностранным папарацци, потому что это нам обойдется всего в пять-шесть процентов от всего барыша. Не говоря о том, что мы отмоем всю выручку на турецком Кипре, так что никаких налогов!

Глаза Визела стали круглыми, как линзы его фотоаппаратов.

— Проклятье!

— Так что успевай крутиться, приятель: ты их нанимаешь, принимаешь у них работу, расплачиваешься с ними от нашего имени. Ты мой аккредитованный представитель, Визел. Обо мне они знать не должны. Если кто-нибудь из твоих ребят отстегнет тебе комиссионные, меня это не касается, босс — ты. — Старлиц перевел дух. — Ну, что, мы поладим?

— Никто не умеет уговаривать так, как ты, Легги, — пробормотал Визел. — Но штука в том, что бизнес мне теперь ни к чему. Я решил остепениться, понимаешь? Я забочусь о ее здоровье. Как насчет моей жены?

— Мы не женаты, — поспешно уточнила Принцесса.

— Зато официально помолвлены, — поморщился Визел. — Соображаешь?

Старлиц расплылся в улыбке.

— А вы попробуйте пожениться по-турецки. Такой брак можно будет расторгнуть, всего лишь трижды повторив: «Я с тобой развожусь».

— Ух ты! — восхитилась Принцесса, сразу оживившись. — Очень заманчиво.

Визел уже готов был признать поражение, но ухватился за последнюю соломинку.

— Ты что-то говорил о турецких водных процедурах? Старлиц

нахмурился, изобразив озабоченность.

— Для этого мне бы пришлось использовать все мои связи…

— Вот и используй, Легги. Либо ты помнишь о моей Принцессе, либо мы ни о чем не договоримся.

— Я тебя не узнаю, Визел. Что за манера выкручивать руки?

С этими словами Легги взглянул на инвалидную коляску. Принцессу его уловки не могли обмануть, но она все равно выглядела довольной. Ее тронуло, что Визел о ней не забывает, хотя бы для того, чтобы навешать ей на уши лапшу.

— Ладно, — сказал Легги. — Будь по-твоему. Я постараюсь. Добьемся для принцессы Ди обслуживания по первому классу.

Кипрский бриз обдувал террасу чувственным ароматом олеандра, водорослей и неисправных автомобильных двигателей. Озбей подписал счет на пиццу «Маргарита» для своих ребят.

В казино Тургута Алтимбасака благосклонно взирали на азартных игроков. Огромное заведение на морском берегу привлекало состоятельных людей из Стамбула и Анкары, вроде Озбея, путешествовавших в сопровождении вооруженной охраны. Флигели казино в византийском стиле и его многоэтажные корпуса при необходимости легко можно было отрезать от окружающего мира, как шулерский бункер.

Головорезы Мехмета Озбея неизменно присутствовали при важных деловых сделках. Дрей, Халик и Айдан, все в шрамах, потные и нетрезвые, никогда еще так не наслаждались жизнью. Нынче их босс не жалел денег.

Озбей значительно устремил взгляд мимо белых парусов в гавани Гирны, мимо старых венецианских вилл и голубых романтических холмов, в самые прозрачные глубины мерцающего Средиземного моря. Его красивое лицо выражало мечтательность.

— Наше деловое сотрудничество обречено на процветание.

Старлиц уперся башмаком от Гуччи в беленую стену.

— Именно так. Тебе крупно повезло.

Здесь, на свежем воздухе, на дневном свету, он чувствовал себя гораздо лучше. В сыром чреве казино, среди могучих гаремных стен, без часов, ему было сильно не по себе.

— Ты сам создаешь реальность, — изрек он. — В одном кармане у тебя пресса, в другом полиция. Полиция и пресса — вот и вся реальность, которая когда-либо потребуется людям.

Озбей кивнул.

— Мы поймали дух времен! Мы изготовляем реальность!

— Поп-хиты быстро завоевывают популярность и так же быстро ее теряют, в этом вся прелесть. Деньги — другое дело. Деньги — неизменная реальность.

— В казино деньги никогда не бывают реальными, —

вспомнил Озбей. — Казино — это заводы по уменьшению реальности денег.

— Совершенно верно. Ты начинаешь схватывать. Айдан, Халик и Дрей плохо понимали по-английски,

но все равно были очарованы. Внимая разглагольствованиям Старлица и Озбея, они походили на туземцев Новой Гвинеи на просмотре порнофильма.

— Дело в том, — громко продолжал Старлиц, — что казино сбывает клиентам чрезвычайно лакомый товар — их собственную алчность. Алчность — один из важнейших виртуальных предметов потребления, вроде сетевого доступа или длины волны. На них и зиждется экономика будущего, так что…

Старлиц осекся и удивленно вытаращил глаза. Озбей учтиво поднялся.

— А вот и Гонка. Как всегда, с опозданием. — Он немного потрещал по-турецки и расцеловал актрису в розовые щечки, не дотрагиваясь до них губами.

Гонка изящно поправила белую бутоньерку Озбея, после чего одарила Старлица парализующим взглядом темно-синих глаз, выпустив вслед за этим беззвучным выстрелом очередь певучих турецких звуков. Озбей немного пообщался с ней на родном языке и опять перешел на английский.

— Познакомься с Гонкой Уц, мисс «Турецкое кино» 1997 года.

— Я очарован, — пролепетал Старлиц. Мисс Уц протянула ему руку. Старлиц рискнул стиснуть кончики ее безупречных пальчиков, после чего счел за благо сесть и привести в порядок дыхание.

— Мисс Уц не говорит по-английски, — предупредил Озбей.

— Какая жалость!

— Зато блестяще владеет французским, — пригрозил Озбей. — Она выросла на сирийской границе.

— C'est triste [1]. Империалисты с обеих сторон, — посочувствовал Старлиц.

Гонка Уц слегка приподняла золотистый подол своего синего платья от Сен-Лорана и сделала медленный пируэт. Изумленные нефтяные тузы из Брунея, сидевшие за соседним столиком, наградили ее простодушными аплодисментами, но зловещие взгляды Дрея, Халика и Айдана заставили их успокоиться. Казино было большое, а терраса маленькая.

Повинуясь приподнятой брови Озбея, один из его мускулистых ребят уступил мисс Уц место за столиком. Никто из присутствующих не возражал бы оказаться на месте стула — так сладострастно уселась на него актриса. Последовал тщательный ритуал извлечения сигареты.

— Мисс Уц снималась в совместном турецко-итальянском проекте, — сказал Озбей, щелкая платиновой «Зиппо». — Роль досталась ей после конкурса красоты. Но фильм показали только в Турции. Турецкое кино уже не то, что прежде, в славные дни Мухсина Эртугрула [2]. А все иностранные видеокассеты…

Старлиц поправил темные очки, наблюдая, как мисс Уц выпускает дым. Гонка Уц была дремлющим гейзером первобытной женской притягательности. От одного взгляда на нее любой мужчина начинал пузыриться и испускать пар.

— Она танцует? — спросил Стралиц.

— Конечно танцует.

— И поет?

— Ангельски.

— Я уже вижу, к чему все идет, Мехметкик. — Старлиц нахмурился. — Твоя проблема в данном случае — слишком хороший вкус. Эта женщина — настоящая звезда. В любой стране с развитой киноиндустрией она бы многого достигла. С таким талантом стыдно опускаться до подросткового шоу.

— Она молода, — возразил Озбей. — А тебе в «Большой Семерке» нужна мусульманка. Это поможет сбыту продукции в Тегеране.

— Правильно, я тоже так думаю. Я бы с радостью ввел в группу мусульманку. Чтобы отличалась от остальных блестящей чадрой. Искры полетят снопами, даю гарантию. Только она должна быть настоящей фальшивкой, как остальные девчонки в «Большой Семерке». Случайной, самой обыкновенной мусульманской девушкой. Вытащенной из толпы, взявшей несколько уроков и пользующейся услугами гримера.

— То есть не настоящей звездой.

— Совершенно верно, не звездой. Но беда в том, что статистика плохо знает мусульманских девчонок. Стандарт потребительницы-мусульманки в возрастной категории от пятнадцати до двадцати одного года еще не разработан. Мы же оперируем сейчас в огромном масштабе — от Магриба до Малайзии! У нас не меньше ста миллионов девушек тридцати с лишним национальностей, одних только языковых групп пара дюжин!

— Гонка так красива! — с сожалением проговорил Озбей.

— Согласен, фантастически красива.

— Неужели это не имеет значения?

— Имеет, еще какое! Но не в данном случае. «Большая Семерка» — это маркетинг, всякие другие значения здесь совершенно ни при чем. Когда речь заходит о поп-группе, приходится иметь дело с совершенно особой реальностью.

Как Озбей ни разыгрывал безразличие, было видно, что он жаждет разъяснений.

— Расскажи мне об этой своей реальности. Я должен это знать. Это важно.

Старлиц поскреб подбородок.

— Сейчас я тебе растолкую, что почем в исламской поп-музыке. Знаешь, кто в ней котируется? Паршивые музыканты стиля «рай» из Алжира, вот кто. У них фоновый ритм, электрогитары, и поют они про секс и про наркотики. Алжирские фундаменталисты так их ненавидят, что готовы разорвать на части. Например, Чеб Халед. Слыхал про Чеба Халеба?

— Нет, — задумчиво признался Озбей, — об этом Халебе я не слыхал.

— Вот кто у них ходит в звездах. Ему приходится жить в Париже, потому что дома его записи швыряют в огонь. Или Чеба Фадела, она поет «Н'сел Фик», величайший хит в стиле «рай». Она и ее поклонники околачиваются в Нью-Йорке, надеясь на контракт и на то, что их не постигнет участь Джона Леннона.

— Про Джона Леннона я слыхал, — оживился Озбей. — Отлично помню, как это было. Его подкараулил на улице тип с револьвером.

— Вот кто много значил — Леннон! Даже когда он сам больше этого не хотел. Он не имел срока годности. В этом сейчас наша главная проблема.

— Что, если я тоже хочу много значить? И имею для этого деньги? Деньги и деловые связи. Еще Гонку, то есть талант. Мне бы хотелось значимости.

— Валяй, пробуй! Только не в моем проекте. Потому что мы навсегда сворачиваем шатры с наступлением двухтысячного года.

Озбей горько улыбнулся:

— Правило номер один… Не бойся, насчет правила номер один я дал тебе слово. — Он понизил голос. — Но как мне быть с моей подружкой? Она так хороша и так честолюбива!

Старлиц собрался с духом и надолго уставился на мисс Гонку Уц. Это было все равно что смотреть на воду против солнечного света.

— Хочешь профессиональный совет, Мехметкик?

— Конечно хочу. — Озбей откинулся в кресле. — Только не предлагай мне ее бросить и вернуться к жене.

— Протолкни ее на телевидение, — изрек Старлиц. — Пусть ведет турецкое игровое шоу.

— Телевидение? Вот твой совет?

— Учти, этот совет на вес золота. Кино умирает всюду, где оно не может себе позволить специальные цифровые эффекты.

Так что ей прямая дорога на турецкое телевидение. Телевидение ее заездит и спалит, но сначала она успеет блеснуть.

Озбей с сомнением покивал.

— А когда у нее начнутся проблемы с внешностью, пусть баллотируется на выборную должность.

— Политика?! — просиял Озбей.

— Она самая. После телевидения ей уже не подойдет ничего, кроме политики. Пусть избирается в турецкий парламент. Партия левого центра, умеренно-прогрессивная позиция, женская проблематика, активная избирательная компания с целованием младенцев перед камерами. Но с затаенным стальным стержнем. Стиль железной леди. Улавливаешь?

— Да. По примеру миссис Тансу Чиллер?

— Ты должен понимать, что миссис Тансу Чиллер не случайно стала турецким премьер-министром.

— Знаю, знаю. Все это мне хорошо известно. — Озбей определенно прозревал. Он уже мыслил по предложенной программе, расставляя предварительные вехи. — Я знаком с миссис Чиллер, — поведал он. — Мы с дядей-министром ужинали с ней в Анкаре в прошлом месяце. С нами был ее муж, Озер Чиллер, видный бизнесмен, финансирующий политические партии. Чрезвычайно умный человек.

— Серьезно? Ты знаком с премьер-министром?

— Мы все добрые друзья. Мы очень близки. Я проучился два семестра в ее альма-матер в Америке. Оттуда у меня американский английский.

Старлиц обдумал эту новость, многое ему объяснившую.

— Ты очень ценный знакомый, Мехметкик. Эти наши неформальные обмены мнениями мне чрезвычайно важны. Они выводят нас в новый мир расширенных рыночных возможностей и мультикультурного согласия.

Озбей развел руками.

— Дела идут отлично! «Большая Семерка» наделает в Турции большого шуму. Ты только скажи, насколько большого. — Он прищурился. — Твое дело — вовремя доставить семерых девчонок в правильных тряпках и в готовности петь и плясать.

— Никаких проблем, дружище. Девочкам нравится Кипр, они загорели, отдохнули, теперь они наготове. Я уже привез им гастрольных администраторов и инструкторов, и те взялись за дрессировку.

Озбей поглядывал на свою мисс Уц с изнуряющей восточной чувственностью.

— Можешь не убеждать меня, что проблем нет, я все равно не поверю. Женщина — всегда проблема для мужчины, такова ее

природа. А тут их целых семь! В моей жизни их только две, и то я очень занят.

Гонка разразилась вдруг капризной тирадой. Озбей выслушал ее с благоговейным вниманием, как подобает учтивому кавалеру, и снова повернулся к Старлицу.

— Когда Гонка встретится с Француженкой?

— Сегодня вечером, — пообещал Старлиц. — В казино. Все будет в порядке. У Француженки немного нестандартная матушка, но сама Француженка очень обходительна со своими поклонниками.

Гонку разбирало нетерпение. Ждать было не в ее характере.

— Мне пора, — вежливо сказал Старлиц, вставая и бросая взгляд на свой поддельный корейский «Ролекс». — Вечером у меня еще одна встреча.

— Вечером? А я заказал столик в «Ниази».

— Увы, дружище, никак не могу. Меня ждет разговор о железках с одним русским.

Эти слова не могли не задеть Озбея, как Старлиц и рассчитывал. Как Озбей ни корчил из себя космополита, он продолжал считать себя образцовым турецким патриотом, поэтому люто ненавидел греков, курдов, армян, арабов, иракцев, сербов, иранцев, евреев, черкесов и хорватов. Русские тоже фигурировали среди заклятых врагов Турции, но, в отличие от вышеперечисленных народов, никогда не были подданными Оттоманской империи. Поэтому Озбей смирил свой патриотизм и позволил себе полюбопытствовать:

— Ты наверняка заметил, сколько в казино русских шлюх?

— Понятное дело, этих Наташ трудно не заметить.

— Сейчас на турецких землях много русских. Россия — крупнейший торговый партнер Турции. Мой дядя-министр не устает нам это твердить.

Старлиц кивнул на прощанье мисс Уц. Та прицелилась и выстрелила в него сногсшибательной улыбкой.

Оставив позади казино, Старлиц прошел мимо портового кафе с щербатыми столиками и рекламой сигарет на зонтиках и аккуратно расковал прокатный велосипед, дожидавшийся его на цепи у столба. До того как попасть на турецкий Кипр, он не был заядлым велосипедистом. Его объемистый зад опасно свесился по обеим сторонам узкого велосипедного седла.

Заметный в своем мешковатом зеленоватом костюме, как неоновая реклама, он медленно поехал по узким улочкам Гирны. После пяти минут работы педалями он слез с велосипеда и поволок его вниз по лестнице. Это позволило ему избавиться от турецкого «хвоста», не проявив невежливости.

На содержании у Озбея состояло много людей, ему приходилось кормить много ртов и находить для них занятия. Старлиц не удивлялся, что количество шпионящих за ним утроилось. Он был заранее готов к пониманию таких тонкостей.

Он уже успел полюбить турецкий Кипр. Турецкая Республика Северного Кипра была придумана словно специально для него. Это маленькое государство-парию часто называли «неиспорченным», но это определение не передавало всех преимуществ его анонимного положения в мире. Сказать о турецком Кипре просто «неиспорченный» — значило ничего не сказать: двадцать пять лет этнической ненависти и стояния в политическом тупике привели его в полнейший упадок. Крохотное государство не было признано ни одной страной, кроме Турции. Невидимая рука мирового рынка еще не ухватила этот колючий эксклав.

Весь кипрский пейзаж был отмечен печатью нетронутости. Взять хотя бы местные руины. Турецкая Республика Северного Кипра была одним из последних уголков в Европе, где античные руины были натуральными, неподдельными античными руинами. Их никто не лакировал, никто не пытался в них прибраться. Они еще не превратились в памятники и достопримечательности, оставаясь попросту чудовищно старыми и заброшенными. Развалившиеся стены и колонны по-прежнему были повергнуты наземь, являя собой невообразимую смесь эпох — Древней Греции, Рима, арабов, крестоносцев, Оттоманской империи. То была размозженная история, безмолвно всасывающая в себя росу и запекающаяся на палящем солнце.

В редкие моменты одиночества Старлицу нравилось посидеть среди кипрских руин. Ему было полезно вырываться из сумасшедшей суеты вокруг «Большой Семерки» и превращаться ненадолго в бесформенный камень нового времени среди древних камней. Это доставляло ему странное наслаждение, сродни прикосновению к ноющему зубу. Здесь, среди забытых, заросших сорняками развалин, останавливалось время. Спешить было больше некуда, вокруг ничего не происходило, пропадал вектор развития. В эти редкие моменты свободы Старлиц буквально прекращал существование.

Кипр переживал губительное лето. Летняя жара 1999 года ставила рекорды по всему миру и привела к чудовищной засухе. Старинные островные акведуки все больше приходили в негодность. Местные виноградники покрылись пылью и увяли, овечьи пастбища побурели и высохли. Все это не мешало киприотам-грекам и киприотам-туркам упорно оспаривать друг у друга грунтовые воды острова.

Наибольшей причудой Кипра уже четверть века оставалась безлюдная линия прекращения огня. Бывшая линия фронта, нареченная Зеленой линией, прорезала весь остров, его вершины и долины, разделила его столицу и протянулась от берега до берега. Ничейная земля, достигавшая кое-где в ширину пяти миль, была щедро напичкана ржавыми противопехотными минами, увита почерневшей колючей проволокой, изъязвлена осыпающимися окопами и блиндажами. Это чистилище патрулировали «голубые каски» ООН, за которыми с покосившихся наблюдательных вышек следили вооруженные греческие и турецкие призывники.

Благодаря множеству незаконных стоков на Зеленой линии хватало воды. Свободная от человеческого бремени, зона цвела наперекор окружающей суши. То была случайно возникшая полоса дикости, подобие постмодернистского неолита. Впрочем, безжалостная погода повлияла даже на Зеленую линию: в выросшем там лесу то и дело вспыхивали пожары, играючи подрывающие мины и заволакивающие весь остров дымом.

Хозяева острова, греки и турки, вели непрекращающуюся культурную войну со своими меньшинствами — соответственно турками и греками. У греков была мощнее пропагандистская машина, зато вооруженные до зубов турки были сильны близостью метрополии и более свирепы, более экстравагантны.

В разгар летнего зноя безвестные гении в турецком министерстве окружающей среды придумали, как бороться с засухой. Турки создали целый флот из гигантских поливиниловых водоналивных шаров. Большие буксиры поволокли эти водные дирижабли, раздувшиеся от пресной воды и похожие на могучих китов, из портов Анталия и Хатай к Кипру. С помощью пожарных насосов воду перекачали в цистерны Турецкой Республики Северного Кипра, и Турецкий Кипр стал обладателем бесценных водных запасов. Тем временем Греческий Кипр вынужден был экономить воду, довольствуясь гневными радиотрансляциями и русскими зенитными ракетами.

Однако схема была не без изъянов. Как выяснилось, район возделывания мака вокруг Хатая мог дать фору знаменитому Золотому треугольнику по части наркоторговли и связанной с этим коррупции. Местные жители мгновенно сообразили, какие огромные возможности таят подводные перевозки.

Старлиц, мирно катясь на велосипеде по пригородам Гирны, быстро переехал из прозрачных средиземноморских сумерек в роскошную звездную ночь. На узкой прибрежной дороге путь ему преградил блокпост: скучающие юнцы в военной форме проверяли документы. Старлиц слез с велосипеда и

беспрепятственно миновал заставу пешком, а потом покатил с песчаного холма к пляжу. Там он тщательно приковал велосипед к бетонному телефонному столбу, не поленившись обмотать толстой стальной цепью раму и оба колеса.

Пляж был усеян старыми машинами, изъеденными ржавчиной. Под прикрытием откинутых капотов, при неверном свете подкапотных лампочек и керосиновых фонарей люди шустро занимались куплей-продажей. Кое-где на углях жарили кебабы. Все контрабандисты были мужчинами, почти все — средних лет, поголовно в местной униформе — мешковатых серых штанах, клетчатых рубахах, вытянутых на брюхе шерстяных свитерах и в кепочках. У многих висел на плече дробовик, однако картина оставалась мирной. На пляже под звездами процветал выгодный бизнес.

Появление Старлица никого не удивило. На такие встречи не приходят без серьезной цели. У Старлица цель была: он искал своего связника, русского эмигранта Пулата Хохлова.

Хохлов нашелся рядом с надсадно ревущим тягачом, увязшим задними колесами в песке и обложенным для надежности кирпичами и принесенными морем стволами деревьев. От машины тянулся к морю звенящий от напряжения толстый трос.

Пулат Хохлов был ветераном афганской войны, бывшим пилотом советского истребителя, сорока с чем-то лет. Он даже не пытался походить на киприотов: в отличие от них, он щеголял в черной рыбацкой фуражке, туристической футболке, шортах и сандалиях. Он обгорел дочерна и был неимоверно тощ. Хотя из-под его фуражки выбивались белокурые вихры, на самом деле голова его была с проплешинами, как после химиотерапии.

— Как жизнь, ас? — обратился к нему Старлиц по-русски. — Давно не виделись!

— Что за наряд, Леха? — отозвался Хохлов, рассматривая зеленый костюм Старлица. — Ты похож в нем на фруктовое мороженое на палочке.

— Рад тебя видеть, Пулат Романович. — Старлиц заключил русского в медвежьи объятия. Хохлов стал ужасно щуплым, ребра у него были, словно тефлоновые.

Хохлов кисло улыбнулся, высвобождаясь из объятий.

— Ты по-прежнему толст и доволен жизнью.

— Я перешел в «мужики», — сообщил ему Старлиц. — Со старым покончено. Теперь я веду мирную, цивилизованную жизнь.

Хохлов опустил руки и тихо попросил сигарету. Старлиц похлопал себя по карманам, пожал плечами.

— Я бросил, ас. Расстался со старыми привычками.

— Я тоже, черт побери. — Хохлов вздохнул и болезненно закашлялся. — Сейчас я познакомлю тебя с сыном моей сестры. Он мой помощник.

Племянник Хохлова ел кебаб, запивая его «фантой», и не сводил глаз с моря. На русском парне была фуфайка с эмблемой хоккейной команды «Торонто Мейпл Лиф» и джинсы «рейв» с такими просторными штанинами, что они налезли бы на африканского слона. На подбородке у хохоловского племянника торчала неуместная в его возрасте светлая козлиная бородка. Расширенные от наркотика глаза походили на две суповые тарелки.

— Познакомься, Виктор, это мистер Старлиц, — сказал Хохлов, не обращая внимания на вид племянника. — Лех Старлиц — международный финансист и музыкальный импресарио.

Паренек нехотя привстал и стряхнул со штанов песок. Ему можно было дать не больше семнадцати лет. Взгляд его был неподвижен, но вполне благодушен — результат большой дозы «экстази».

— Мой племянник, Виктор Михайлович Билибин, — сказал Хохлов. — Он из Ленинграда.

— Из Петербурга, — вежливо поправил племянник дядю.

— Мы вместе колесили по Прибалтике, — продолжил Хохолов. — Финляндия, Германия, Калининград. Там мы затеяли финансовую аферу, вроде той, что мы с тобой раньше пытались провернуть на Аландских островах. За мной стоял Виноградов. Помнишь Виноградова? Один из легендарной «Семибанкирщины». Стралиц кивнул.

— «Семеро московских гномов»? Как же мне их не помнить, ас!

— Но меня подвело здоровье. А потом грянул российский финансовый кризис. Виноградов смылся, с «гномов» взятки гладки. — Хохлов пожал тощими плечами. — Юг, теплое ласковое Средиземноморье… Кипр мне полезнее.

— Я слыхал, что ты прохлаждался в бывшей Югославии.

— Было дело… — подтвердил Хохлов, насупившись.

— Я тоже туда собирался в девяностые. Но все как-то не случалось.

— Тебе там нечего делать! — отрезал Хохлов. — Можешь поверить мне на слово.

— Там классно, — неожиданно вмешался Виктор на английском. — У сына Милошевича самая большая дискотека на Балканах. Марко Милошевич — клевый парень. Он вроде вас, мистер Старлиц, — музыкальный импресарио.

— Какой хороший английский! — похвалил его Старлиц. —

Это полезно для бизнеса.

— Виктор — мой английский переводчик, — сказал Хохлов. — Он вырос, слушая радио «Свободная Европа» и пиратские кассеты, всякий «панк» и «рейв». Но потом «тамбовская» группировка сожгла его киоск в Петербурге. Так что Россия теперь вредна и для его здоровья. Сейчас мы с племянником работаем вместе. Мы с ним международные бизнес-консультанты. Наша специализация — романтические путешествия на экзотические курорты.

Они побрели назад, к надрывающемуся тягачу. Виктор тащился за ними радостный, с перепачканной жиром от кебаба физиономией.

— У меня к тебе деловое предложение, — начал Старлиц. — Очень заманчивое. Рассказать?

— Я тебя давно знаю, Старлиц! — пробурчал Хохлов. — Еще с Азербайджана. Вспомнить хотя бы банковскую аферу на Аландских островах. Никогда еще наше знакомство не приносило мне барыша. — Хохлов вздохнул, костлявые плечи поднялись и опустились под дешевой футболкой. — Когда мы познакомились, я еще поднимал МИГи с авиабазы в Кабуле. Тогда я был счастлив. Я был молод и воевал за социализм. Самые счастливые дни в моей жизни. А после этого все пошло вразнос.

— Будешь сетовать на свою злую судьбу или выслушаешь мое предложение? — жестко спросил Старлиц.

— Теперь я одинокий изгнанник, — не унимался Хохлов. — Стервятники мафии пожирают труп России. Мэров отстреливают прямо на улицах городов, бизнесменов травят ядом, все банки лопнули, Ельцин — пьяница и скоро помрет. Российскую армию кормят собачьим кормом. Русские солдаты подыхают в своих казармах от голода!

Старлиц запустил руку во внутренний карман, вытащил толстую пачку купюр и отсчитал пять стодолларовых бумажек.

— Возьми и заткнись. Хохолов уставился на деньги.

— Новые американские сотенные? Те, что еще не научились подделывать?

— Они самые.

— Тогда давай. — И Хохлов спрятал подношение.

— А мне? — сунулся Виктор.

— Позже, парень.

Звук, издаваемый тягачом, внезапно изменился: вместо мучительного скрежета берег огласился пронзительным визгом. Экипаж машины пытался перекричать его на гортанном турецком. От их усилий пришпорить двигатель все вокруг заволокло синим дымом. У воды скопилась оживленная толпа с фонарями и

рыбачьими баграми.

— Вот и наш мешочек, — прокомментировал Старлиц.

— Виктор! — окликнул Хохлов племянника. — Не суйся раньше времени! Берегись турок, у них бывают при себе длинные острые кинжалы.

— Посмотри, какая красота! — Виктору не терпелось присоединиться к волнующейся толпе. — Замечательная ночь! Ты только взгляни на эти звезды!

— Вокруг нас мусульмане. Лучше гляди в оба! Виктор посмотрел на Старлица с извиняющейся

наркотической улыбкой.

— Мой дядя такой старомодный! Он патриот.

— Лично я в этом деле новичок, — сказал Старлиц, не отвлекаясь на эмоции. — Как в такой толчее забрать свой товар?

— Тебя удивит, как четко тут все организовано, — сказал Хохлов. — Перед тобой завершение подводного этапа героиновой сети. Торговцы героином имеют теперь свои собственные автобусные линии, компании грузовых перевозок… В Азербайджане, Таджикистане, Туркмении на наркотиках выросла новая мафия. От старых границ ничего не осталось. Торговцы героином очень шустрые, это совершенно свободный рынок. У них есть даже почтовые индексы.

Мужчины вошли в полосу прибоя и, дружно ухая от напряжения, медленно вытянули на пляж огромный баллон. В неверном свете переносных фонарей этот спущенный пузырь больше всего походил на чудовищный использованный презерватив.

Старлиц и двое его компаньонов подошли ближе, чтобы лучше видеть происходящее. Внутри огромного пузыря виднелся водонепроницаемый пластиковый мешок, похожий на кисту, выросшую изнутри на шкуре этого прозрачного выпотрошенного кита. Появились контрабандисты с автоматическим оружием, которым надлежало обеспечить порядок при дележке. С ними был человек с видеокамерой.

— Это еще зачем?! — прошипел Старлиц, вздрогнув, как от укуса. — Мне это не нравится.

—Лучше стой спокойно и не мешай героиновым почтальонам, — посоветовал ему Хохлов. — Камера наблюдения помогает бизнесу. Она действует на людей успокаивающе.

С этими словами Хохлов задрал футболку. Под его торчащими ребрами обнаружился широкий марлевый пояс. Запустив в него один палец, Хохлов извлек наружу картонный пропуск.

— Держи, парень.

Виктор тупо посмотрел на пропуск. Под действием «экстази» он пришел в состояние, когда великолепное самочувствие сочетается с полной утратой инициативы.

— Смотри не вырони! — прикрикнул на него Хохлов. — И пакет не потеряй! Дуй туда. Осторожно мне!

Виктор послушно побежал к морю.

— Лучше, когда он под кайфом, — сказал Хохлов с нескрываемым отчаянием. — Так он хотя бы счастливый. А когда у него депрессия… В общем, лучше тебе не видеть Виктора в депрессии. Тогда он превращается в поэта.

— Дети… — отозвался Старлиц, горестно накрывший ладонями голову.

Представители синдиката контрабандистов уже вскрыли пузырь и тащили вынутый из него груз в яркий квадрат света, посылаемого множеством ручных фонарей. Старлиц чувствовал, как тяжел зловещий порошок в мешке: каждая его крупица обладала собственной дьявольской гравитацией. То был самый лакомый товар на свете, бездымный порох, способный взорвать весь мир, материализовавшееся зло максимальной концентрации и плотности. Реальность внезапно покрылась новым слоем лака — холодным синим мерцанием наркотической тошноты. Мешок был подобен ковчегу, обиталищу божества боли и страха, покорившего мир потребления при помощи нагретой докрасна ложечки — проклятья века, всех его правительств и советов. Это божество вырывалось наружу в виде миллиона грязных доз, впрыскиваемых в туалетах и превращающих людей в насекомых, в безмозглые растения, в отребье, стоящее на карачках на стартовом рубеже нового века…

Хохлов покосился на Старлица со смешанным выражением удивления и сочувствия.

— Тебе тоже небезразличны дети,Леха? Верно, у тебя ведь есть дочь. — Хохлов пытался установить с партнером хоть какой-то душевный контакт. — Как она? Расскажи мне о ней.

— Понятия не имею, — пробормотал Старлиц, с трудом поднимая раскалывающуюся голову. — В последнее время я почти не имею вестей от Мамаши Номер Один и Мамаши Номер Два. Черт их разберет, что творится на их лесбийском континенте нового века.

— Сочувствую. — Хохлов тяжело вздохнул. — Представляю, каково тебе. Неприятная штука — жизнь.

— Все равно от неприятностей никуда не денешься, ас. От них избавлены только люди, живущие вне времени. Но жизнь можно сделать легче. — Старлиц собрался с силами и выпрямился. — Я уже обеспечил поступление дохода и заручился

поддержкой на самых верхних этажах турецкого правительства! У меня ушло на это три года, но дело того стоило: такой отлаженной схемы у меня еще не бывало. Теперь, дружище, я зажил на широкую ногу. Я так богат, что почти готов легализоваться.

— Ты говоришь, что разбогател, Лежа? — удивленно переспросил Хохлов.

— Представь себе! На меня вкалывает штатный бухгалтер и еще три десятка служащих.

Поредевшие брови Хохлова взлетели на обожженный лоб.

— До чего интересные новости! Этого я от тебя не ожидал.

— Я тебе все растолкую. Наконец-то я смекнул, что к чему. Раньше мы все делали неправильно. Занимаясь подпольной интригой и сильно рискуя, большого коммерческого успеха не достигнешь.

— Неужели?

— Уж поверь мне. А в шпионские дела лучше вообще не соваться. Это все для молокососов и неудачников. Ни к чему поражать умы, казаться загадочным или героем с первых страниц газет. Вместо этого надо сделать так, чтобы люди чего-то захотели, и дать им то, что они хотят. Вот и весь секрет, дружище. Секрет успеха.

— Что ты несешь?

— Все крайне просто, ас. Создавай спрос и удовлетворяй его. Люди сами станут возить тебе деньги самосвалами, гордые и счастливые. За это они тебя крепко полюбят. Им захочется, чтобы у тебя была машина, дом, женщина, чтобы ты вошел в городской совет, был избран конгрессменом. Они станут пудрить тебе задницу и без стеснения ее целовать. Все поразительно просто!

— И ты добился большого коммерческого успеха?

— Именно так, ас. Я делаю хиты.

— Я не доверяю туркам, — задумчиво проговорил Хохлов. — Не люблю мусульман, никогда не любил и никогда не полюблю.

Старлиц согласно покивал.

— Я тоже никому не доверяю. Потому и хочу предложить тебе, Пулат Романович, работенку. Недоверие — твой конек, ас истребительной авиации.

— В охране, что ли? — поморщился Хохлов. — Что ты, Леха, физический труд уже не по мне. У меня же одно легкое!

— У дока Холидея тоже было одно. Тут главное не мышцы, а нервы.

— Кто этот доктор Холидей? Известный онколог? Старлиц покачал головой.

— Слушай, я знаю, что ты уже не тот летчик, который летал

из Кабула с грузом гашиша для номенклатуры. Но речь больше не идет о полетах на сверхзвуковой скорости. Все просто до смешного. Есть семь девчонок — певичек и танцовщиц. Мне нужен сообразительный сотрудник, который прикрывал бы меня, когда я буду раскручивать турок на наличные. С них причитается, и немало. Я хочу, чтобы они платили и не злились.

Хохлов обдумал услышанное.

— Большие бабки, говоришь?

— Немалые. И не облагаемые налогом. У тебя будет двоякая задача, ас. Первая — полагаться на свой инстинкт, вторая — иметь такой вид, словно ты готов всех вокруг поубивать. В твоем инстинкте я уверен. И убить кое-кого ты не прочь, так что все в ажуре.

Возвратился Виктор с большой коробкой из белого картона, плотно упакованной в непромокаемый целлофан. На коробке красовался штрих-код и почтовый адрес на кириллице, по-турецки и по-арабски.

— Есть карманный нож? — спросил Старлиц Хохлова.

Виктор достал из своих безразмерных штанов восьмидюймовый тесак с обмотанной проволокой рукоятью и стал с неловким рвением кромсать водонепроницаемую упаковку коробки, потом сам картон.

Внутри оказался металлический снарядный ящик советского производства, щедро набитый измельченными русскими газетами. Виктор запустил руку в бумажную труху и выгреб несколько пригоршней, а затем толстую стеклянную колбу.

— Ты знаком с электронными лампами? — спросил его Старлиц.

— А как же! — ответил Виктор. — Недаром я работал на дискотеке «Рыбозавод» в Петербурге. Я специалист по усилителям, микрофонам и лампам.

— Молодец! Это что же, синий неон, реликты шестидесятых годов — SV-581 [3]?

Виктор пожал плечами.

— Тут темно, не прочесть, что написано.

— Успокойся, это военные электронные лампы, — заверил Старлица Хохлов. — Выковыряны из компьютеров слежения в Магнитогорске. Они там распродают пусковые установки со всеми потрохами: микросхемами, разъемами, всем, что могут спереть. Шахты баллистических ракет превратились в выгребные ямы. — Хохлов закашлялся. — Если будет желание подорвать Нью-Йорк, можно просто нанять грузовики и напихать в них боеголовки.

— Я насчитал девять штук, — сообщил Виктор, поднимая

голову. — Мы просили десять. Ладно, пусть будет девять. Где наши деньги?

— Не торопись, Вик. Я должен убедиться, что все эти хрупкие диоды с триодами не пострадали при перевозке. Где вы остановились?

Русские переглянулись.

— Назовем это пляжным домиком, — прохрипел Хохлов.

— Поступишь к нам в «Большую Семерку» — поселишься в номере казино «Меридиен» в Гирне.

— Пожалуй, пятизвездочное казино будет нам в самый раз, — сказал Хохлов.

Виктор пожал плечами и захлопнул снарядный ящик.

— Считайте, что вы приняты, — сказал Старлиц русским. — А теперь мотайте на ус главное правило «Большой Семерки». Нет, для вас, пожалуй, главных правил будет целых два. Первое: весь проект сворачивается перед наступлением нового, двухтысячного года. Это железно, исключения не допускаются. Второе: ни капли спиртного до семи вечера. Возражения есть?

— Есть! — брякнул Виктор.

— Нет, — сказал Хохлов. — Он имел в виду «нет».

— Как у вас насчет машины?

— Мы передвигаемся автостопом, — бесхитростно доложил Виктор.

Старлиц ослабил галстук и поскреб шею.

— Попробуем нанять кого-нибудь из местных, чтобы провез нас мимо патруля. И очень прошу, не уроните коробку!

2

«Большая Семерка» специализировалась в рекламе, потому что задача торговать музыкой перед ней даже не ставилась. Проводить «Семерку» с Кипра съехалось человек шестьсот. Роль радушного хозяина исполнял хозяин казино Тургут Алтимбасак. В этот вечер он греб деньги лопатой. Большинство гостей были молоды, и древний соблазн азартной игры был для них в новинку. Легги предусмотрел, чтобы его группе тоже досталась доля от жирного куша, который казино сорвало по этому случаю с помощью игральных автоматов и рулетки.

Стараниями Алтимбасака на торжество были приглашены многие денежные тузы, по большей части арабы из Ливана и стран Персидского залива, с радостью расстающиеся со своими денежками. На выступлениях всех западных девичьих групп публика этого сорта с трудом скрывала вожделение, тараща глаза наподобие сексуально озабоченного волка из мультипликационной серии Тека Эйвери [4].

На краю ковра в сверкающем зале топталась кучка аппаратчиков из партии турок-киприотов. Все они были политическими клиентами дяди Озбея, все сверкали очками, топорщили усы, блестели башмаками и потели в дешевых костюмах, с переменным успехом предпринимая попытки влиться в танец. Здесь же присутствовала пресса турецкого Кипра. Подобно всем журналистам на свете, эти искренне игнорировали повод сборища и усиленно набивали карманы едой.

Среди мигающих и издающих идиотские звуки игральных автоматов расхаживали владельцы магазинов детской игрушки и розничные торговцы одеждой с местных базаров. Для прямой трансляции из Стамбула прилетели два диск-жокея с радиостанций.

Озаренный неоном бар осаждали сильно пьющие финны и датчане из миротворческого контингента ООН. К толпе «голубых беретов» примешивались девочки, выигравшие конкурс за право проститься с «Большой Семеркой», чтобы пьянеть от бесплатного бренди, не положенного им по возрасту. Они представляли главный контингент поклонниц «Семерки». На банкете они находились под сильным впечатлением от происходящего и выглядели растерянными.

Бдительность охраны казино удалось обмануть кучке подростков, живущих в стиле «евротрэш-рейв». Именно эта обгоревшая на солнце молодежь привлекала к себе главное внимание на танцполе, увлеченно демонстрируя танцевальные

приемы, освоенные на Ибице. В коротких передышках между приступами корчей они заправлялись жидкостями и сушеным кальмаром.

По необходимости на банкете присутствовали и легендарные девушки из «Большой Семерки». Американка, Британка, Француженка, Немка, Итальянка, Японка и Канадка профессионально щеголяли в обтягивающих национальных нарядах с глубокими вырезами. По привычке, выработанной на сотнях подобных сборищ, все семеро игриво толкались и царапались, изображая кровожадных хищниц, готовых разорвать друг дружку, но успевая улыбаться вспышкам фотокамер.

Формально они были центром внимания, но в действительности представляли собой лишь грудастые аксессуары, торчащую над водой верхушку тяжелого айсберга — темного проекта «Большая Семерка». Трудящийся персонал проекта состоял из дюжины гастрольных администраторов, звукорежиссера, инструктора вокала, двух хореографов, бригады гримеров и компании осветителей. Сами девушки держали при себе блошиный цирк личных ассистентов, дружков и подружек-подлиз, сценических мамочек и бойфрендов.

Однако подлинной душой «Большой Семерки» был бухгалтер Ник. Именно ему Старлиц уделял основное внимание, ибо Ник подписывал счета. Девчонки и гастрольный персонал были расходным материалом, один Ник, владевший редкими навыками и эксклюзивной информацией, замене почти не подлежал. Он был продуктом лондонской банковской системы тридцати двух лет от роду, заигравшимся с финансовыми инструментами в Бангкоке. Как финансист Ник был чрезвычайно одарен и явно обладал избыточной квалификацией, чтобы состоять при дрянной девичьей поп-группе, неспособной подняться с позорно низкого места в чартах. Но «Большой Семерке» повезло: Нику грозил немедленный арест за мошенничество при пересечении границы любой страны, дружественной Скотланд-Ярду, поэтому он считал, что удачно устроился.

Старлиц восседал за длинным банкетным столом, накрытым красной скатертью и уставленным блюдами размером с колесо рулетки, полными колотого льда, долмы и сладких рулетов. Бухгалтер Ник был замечен им при выходе из мужского туалета и подозван под хозяйские очи.

— Как поживают наши денежки, Ник?

Ник вытер вымазанный кокаином нос и отхлебнул итальянской шипучки.

— Очень неплохо. Главное, не вывозить их с этого острова.

— Подойди ближе, Ник, я тебя плохо слышу. Сядь, съешь

чего-нибудь.

Звукорежиссер «Большой Семерки» Лайэм безжалостно вколачивал в толпу оглушительную шумовую смесь. За три года беспрерывных турне список композиций для смеси сильно разросся. В этот раз Лайэм запускал весь каталог своих фирменных ремиксов: здесь были «транс», «трип-хоп», «балеарик», «джамп-ап», «чикагский хаус», «хард-степ», «спид-гараж» и другие электронные стили цифровых диско-джунглей.

Музыка «Большой Семерки», не предназначенная для продажи, тем не менее широко распространялась на виниловых двенадцатидюймовках с белым ярлыком, на пиратских кассетах из Восточной Европы, через пиратские аудио-веб-сайты в формате MP3. Звуковая продукция «Большой Семерки» была сдобрена чужими, украденными музыкальными находками и цепляла вернее, чем колючая проволока под Верденом. Самым известным во всем мире хитом «Семерки», которым Лайэм свирепо долбил публику в данный момент, была всем опостылевшая песенка «Делай, как я говорю, а не как я делаю!».

Сегодняшнее меню включало также навязчивую безделицу «Говори на моем языке», бодренькую «Свободен быть (как я)», пульсирующую «У нас есть власть» и грозную, отягощенную звуком «техно» «Дистанционный контроль». Напористо-девичья «Это единственный способ жить» завоевала много поклонниц по всему миру среди детей от восьми до двенадцати лет. Абсолютным хитом «Большой Семерки» от Тайваня до Словакии была песня «Заткнись и танцуй». Следующим ударным номером, специально предназначенным для тегеранского дебюта, должен был стать гибрид иранского фольклора и «калипсо» под названием «Эй, мистер Талибан, сорви мне банан».

— Поешь пахлавы, Ник. Или вот курочки с грецкими орехами… — Старлиц сунул в трясущуюся бухгалтерскую руку вилку. — Как насчет перевода доли босса на Гавайи?

— Продвигается с большим трудом, — ответил Ник вежливым голосом. — С дутыми компаниями — никаких проблем! С переводом фондов в Стамбул и из Стамбула — тоже. Как и с уклонением от налогов. Но с переводом больших сумм евро-йен из «Акдениз банка-си» в филиал японского банка на Гавайях проблем не оберешься.

Старлиц напрягся.

— Это совершенно необходимо сделать, Ник!

— Местным это не нравится, — возразил Ник. — И мне не нравится. — Ожив от восхитительной долмы, Ник перешел к чревоугодию: стал макать баклажаны в перченое оливковое масло. — В этом году с японскими банками совершенно

невозможно работать. Стоят стеной, как склеенные. Когда в их двери входит полиция, из окон выпадают вице-президенты.

— Для босса это только дополнительный повод хотеть денег. Надувай кого хочешь, Ник: турок, девчонок, гастрольную команду, только не Макото. Я хочу, чтобы Макото был жирным и довольным, чтобы его гавайская рубаха трещала по всем швам!

Ник нахмурился.

— Макото — рок-музыкант и больше ничего. Он никогда не проверяет свою бухгалтерию, даже не умеет ее читать. С Макото мы могли бы сделать что угодно. Он бы никогда не догадался. Ему вообще все равно!

— Ты все очень правильно анализируешь, Ник, я с тобой полностью согласен. За это я тебя и люблю, потому и рад, что мы вместе. Ты профессионал, один из самых лучших. Только одно «но». — И Старлиц отнял у Ника вилку. — Ты будешь делать то, что я тебе велю, заруби это себе на носу! Иначе жрать тебе с пластмассового подноса в вонючей тюряге. Ник нервно прыснул.

— Успокойся, Легги, я держу все под контролем. Стамбул у нас в кармане. Даже Иран обещает принести доход. Все в порядке, никаких проблем!

Старлиц со значением кивнул, оставил Ника и стал проталкиваться к рабочему месту Лайэма. Путь ему ежесекундно преграждали юные киприоты, потные и полуоглохшие. Это были образцовые поклонники «Большой Семерки» — одурманенные полукровки, лишенные корней и податливые, как воск. Половина населения турецкого Кипра проживала в Лондоне, и дети беженцев стояли одной ногой на острове в Северном море, другой — на острове в Средиземном море. Как подросткам, им было бы неуютно в любом уголке мира. Сейчас они дергались, как маньяки, стараясь подстроиться под всемирный ритм.

Звукорежиссер Лайэм тонул в тени позади своей проигрывающей аппаратуры и многоэтажной клавиатуры. Это был лысеющий толстячок в сдвинутой на затылок бейсбольной кепке и в африканской рубахе, с сигаретой «Плейере», зажатой в желтых клыках.

— Как тебе новая аппаратура, Лайэм? Лайэм обернулся и осклабился.

— Сам не чувствуешь? — Он похлопал себя по брюху, заметно вибрировавшему от басов.

— Я лишен музыкального слуха, — напомнил ему Старлиц. — Расскажи-ка мне про электронные лампы.

Лайэм передвинул несколько рычажков, превратив высокие частоты в своих наушниках в еле слышный писк.

— Два года я довольствовался всяким дерьмом, теперь и

вспомнить противно. Ты только вслушайся, как богато шлепают эти штуковины с русских ракет! В середине лохмато, внизу подобрано — красота! — Лайэм постукал себя по голове желтыми от никотина пальцами. — Правда, верхи тонковаты, но это пройдет, просто лампы еще толком не пригорели.

— Значит, они тебя устраивают?

— Лучше не бывает! — пробулькал Лайэм. — Одну лампу я продаю на интернет-аукционе. Хочешь знать, сколько за нее готовы отвалить профессионалы? Последнее предложение — пять тысяч!

Старлиц приподнял густые брови.

— Пять тысяч баксов за паршивую электронную лампу? Господи, я занимаюсь не тем бизнесом!

Улыбка Лайэма уползла за уши.

— Пять тысяч фунтов, босс! Янки не соображают в лампах.

Старлиц довольно показал ему большой палец и снова нырнул в шум. Лайэм был незаменим. И к тому же предсказуем. Некогда он объездил четыре континента, изображая с помощью гитары тантрического монаха британского психоделического блюза. Лайэм пережил шестидесятые, оставил позади славу, давно наплевал на фанатичных поклонниц, не погиб даже в чудовищной Ниагаре наркотиков и выпивки. Лайэм полностью оправился от рок-н-ролла, если не считать неизлечимого пристрастия к первоклассному звуковоспроизводящему оборудованию. Он был профессиональным музыкантом и не требовал зарплаты, крыши над головой, стоматологической, даже просто медицинской страховки. Но оборудование у него должно было быть самое лучшее.

У Лайэма был лакированный полый «Гибсон» 1957 года. Басовые струны ему делали в полной темноте слепые португальские цыгане. Его турецкие цимбалы были изготовлены в литейной бронзового века, возраст которой перевалил за пять тысяч лет. Гастрольный комплект Лайэма ныне включал вишневый «Роланд-303», антикварный «Меллотрон», даже один «Оптиган». Работая на «Большую Семерку», Лайэм получал максимальное наслаждение от жизни и являл собой зрелище бескрайнего довольства.

Пришло время проверить девушек. Легги не занимался семью девушками лично, считая это непрофессиональным. Для всех музыкантов «Легги, менеджер „Большой Семерки“» должен был оставаться малодоступной, загадочной фигурой, личностью из высших сфер, изредка одаривающей избранных масонским рукопожатием. Впрочем, он порой снисходил до девушек, делая им пустяковые подарки и жалуя мелочь на карманные расходы.

Повседневную дрессировку он доверял среднему слою проекта: инструктору по вокалу, двум хореографам и, главное, дуэнье группы.

Дуэнья Тамара присоединилась к команде в Лос-Анджелесе. Ее опыт и прошлое мало подходили для этого занятия. Тамара очутилась в Лос-Анджелесе в начале девяностых: она в ужасе покинула Советский Азербайджан, где пал коммунистический режим, которому служил ее муж, превратив ее сначала в беженку, потом в бесстрашную эмигрантку в поисках свободы и лучшей жизни. Тамара вынырнула из-под длинных кремлевских теней на залитые ярким неоновым светом улицы Голливуда — одна, без друзей, зато со счетом в швейцарском банке, с чемоданчиком золотых слитков и тремя килограммами первосортного афганского гашиша. Ей удалось быстро стать своей в мафии калифорнийских армян, бензиновых пиратов и содержателей дешевых кафе и завести процветающую торговлю подержаными автомобилями в Брентвуд Хейтс. Наконец, в совершенстве овладев английским и заметя все следы, Тамара проникла в сверкающий мир «Иранжелеса».

Город Лос-Анджелес, что в штате Калифорния, был столицей развлечений Исламской Республики Иран. Когда-то, в далекие шахские 70-е, в Иране существовала скроенная на западный манер поп-культура, похожая на турецкую. В иранских ночных клубах звучали томные иранские пластинки, там снимали собственные черно-белые приключенческие фильмы с мордобоем, на телеэкране процветал танец живота и дергались исполнители современной музыки, разбивавшие сердца зрительниц. Но Хомейни все это запретил и изгнал за океан. Пятнадцать лет подряд аятолла терпел поп-музыку лишь в виде воинственных песен и народных гимнов.

Однако многочисленным иранским беженцам требовалось что-то проигрывать на стереосистемах, что-то смотреть по телевизору. По планете рассеялся миллион иранских эмигрантов. Их было немало в Германии, Турции, Британии и Швеции; в одном Лос-Анджелесе их набралось тысяч восемьдесят. Поэтому иранский развлекательный бизнес расцвел под пальмами Большого Сатаны, привлеченный не свободой творчества, а непревзойденной голливудской инфраструктурой записи и сбыта.

Но со временем муллы утратили бдительность, и иранский «поп» стал просачиваться на родину с контрабандистского плацдарма в государствах Персидского залива. Теперь, после двадцатилетия горького заокеанского изгнания, иранский «поп» был мускулист, поджар и отменно исполнялся и продюсировался крупными студиями цифровой звукозаписи. На любом

тегеранском базаре слышны были голоса лос-анджелесских талантов Дариуша и Хашаира Этемади, попавшие в страну пиратским образом, ибо исламский режим не платил авторских гонораров.

Миссис Тамара Динсмор (замужество преследовало цель получения грин-карты, но фамилия пришлась Тамаре по вкусу) стала важной персоной на поп-сцене «Иранжелеса». Тамара была создана для работы в Голливуде — недаром она была некогда женой азербайджанского коммунистического бонзы. Играючи пройдя через обязательные в Лос-Анджелесе лицевые подтяжки, она разгуливала на высоченных каблуках и в нарядах от Армани. Прежде она была женщиной редкостной, экзотической красоты, но теперь, в среднем возрасте, миновала период экзотики и была не чужда эксцентрики.

Легги застал Тамару за сеансом воспитания Немки. Всех вокруг обязательно тянуло спустить на Немку собак, хотя она этого совершенно не заслуживала. Она была надежной, послушной, чистюлей. К тому же она состояла в «Большой Семерке» три года, с первых дней. К немногим достоинствам Немки смело можно было добавить стойкость.

Легги дорожил Немкой и терпел все ее безумные увлечения. Он был хорошо знаком с ее самозваным французским женихом, неталантливо косившим под Бельмондо и объявлявшимся по праздникам в спортивном автомобиле, с шоколадом и шампанским. С красавчиком французом Немка всегда была вежливо холодна, ибо ее глупое сердечко неизменно принадлежало никчемным бездельникам из публики. Чувствуя слабину, жулики из стран развалившегося Варшавского Договора преследовали ее, слали ей длинные пылкие факсы на непонятных языках, усеянные надбуквенными значками и апострофами и полные просьб о срочных займах. Сначала Немка увлеклась крупным белокурым поляком, потом низкорослым кислым умником чехом. Но удачливее всех оказался не выпускавший из рук пистолета серб, вовлекший ее в крупные неприятности.

Сейчас Немка виновато хлюпала носом, слушая Тамарин выговор. Речь шла о каком-то турке. Легги погладил Немку по плечу.

— Как жизнь? — поинтересовался он.

— Я его люблю, — всхлипнула она.

— Понимаю. А что говорит твоя матушка?

— Она его ненавидит!

— Что ж, все по-старому, ничего новенького. — Он перевел взгляд на Тамару. — Как она?

— Как будто ничего. — Тамара пожала плечами. — Просто

она молодая и глупая.

— Успокойся, Немочка, — пропел Легги. — Ты — наша надежда, без тебя мы никуда. Ты для нас как скала, детка. Ты наш локомотив. О твоих прошлых проблемах никто не вспоминает. Теперь ты выросла и понимаешь, что такое ответственность. Ты разумная, ты наша умница!

Немка утерла глаза, размазав многослойную тушь и металлическую пыль.

— Вы так считаете? — спросила она растроганно.

— Конечно, детка. Она нахмурилась.

— Я-то ладно, а вот Американка ведет себя как глупая стерва!

— Неужели опять? Немка топнула сапожком.

— Она все время нюхает кокаин и задолжала мне кучу денег.

— Ничего, с этим я разберусь. Выше голову! Расправь плечики. Улыбочку! А я немного поболтаю с фрау Динсмор. — И он отвел Тамару в сторонку.

— С Американкой действительно нет сладу, — прошипела Тамара.

Легги обдумал это неприятное известие.

— Которая это Американка по счету?

— Шестая, дурень! Никак ты не найдешь американку, которая бы нам подошла. Может, все-таки попробуешь? Пошевели для разнообразия мозгами.

Легги пребывал в растерянности. Как он ни старался, ему никак не удавалось отыскать на роль Американки такую, которая сгодилась бы для группы. Возможно, это было связано с тем, что Америка состояла из девяти разных культурных ареалов. С большими континентальными империями вечно не оберешься проблем.

— Она так плоха?

— Хуже не бывает! Неряха, хулиганка, лентяйка, грубиянка.

— Ничего себе!

— И верит собственным пресс-релизам.

От такой новости у Легги глаза полезли на лоб.

— Значит, дело серьезное…

— Меня уже тошнит от твоей тупой Американки. Пора что-то предпринять. Нам предстоит в Стамбуле серьезное выступление, а она плохо влияет на всех девушек.

— Я этим займусь, Тамара. Увидишь, все будет нормально. Не грусти. В персонале «Большой Семерки» грядут перемены. — Видя скептическую усмешку Тамары, он продолжил: — Тебя ждет большой сюрприз. — Он дружески подмигнул. — Тебе знакомо это имя — Пулат Романович Хохлов?

По выражению лица Тамары трудно было понять, как она

относится к услышанному.

— Хохлов? Русский, что ли?

— Конечно русский. Пулат Хохлов, романтический герой войны, летчик-ас. Он поднимал Илы-14 из Кабула.

— Зачем ты мне рассказываешь об этом летчике? — настороженно спросила Тамара.

— Потому что это не просто летчик, Тамара, а твой пилот! Хохлов работал на тебя и на твоего мужа.

Во время войны он летал в Азербайджан с контрабандой. Это тот, кто тебе нужен, детка!

— У меня и так полно мужиков, Легги. Даже слишком. Этот твой «тот, кто мне нужен» — перебор.

— Вы с Хохловым были такой сладкой парочкой! Он от тебя не отлипал. В вашу последнюю встречу ты повалила его на заднее сиденье автобуса.

Лицо Тамары стало каменным.

— Мне не нравятся такие речи!

— Я это не придумал, Тамара, — сказал Старлиц обиженно. — Я был тогда там с вами в автобусе. Вспомни: восьмидесятые годы, Нагорный Карабах. И красавчик русский в кожаной летной куртке, весь в медалях!

— Я никогда не вспоминаю о прошлом! — отчеканила Тамара ледяным тоном. — Прошлое для меня умерло. Как и те места.

— Он здесь, Тамара. Хохлов на Кипре. Теперь Тамара была близка к панике.

— Русский здесь? В этом казино? Человек, знавший меня? Который может рассказать обо мне невесть что? — Она уставилась на Старлица с нескрываемым ужасом. — Ты сказал ему обо мне?

Все складывалось не совсем так, как он предполагал. Он понизил голос.

— Нет, Тамара, про тебя я ему не говорил. Про тебя Хохлов не знает.

— Врешь! — прорычала она. — Конечно ты наплел про меня этому русскому. Теперь он будет меня преследовать и распускать свой длинный русский язык без костей… Господи! — Она обхватила голову руками. — Мужчины такие дураки!

Только теперь Старлиц понял, какую допустил оплошность. Жизнь Тамары Динсмор сложилась настолько пестро, что не подлежала связному пересказу. Особенно беспорядочным был сценарий конца двадцатого столетия. К тому же аппарат воспроизведения не имел кнопки обратной перемотки.

— Русский ничего о тебе не знает, — повторил Старлиц беспечным тоном. — Я не обязан ничего ему рассказывать.

— Хохлов здесь, в казино, да? Где он? — Она испуганно оглянулась. — Чем он занимается? Наверняка он теперь в русской мафии…

— Послушай, Тамара, я все улажу, хорошо? Успокойся. Ты теперь стопроцентная американская бизнес-леди, миссис Динсмор из Лос-Анджелеса. А Пулат Хохлов — доходяга из Петербурга, охранник с одним легким. Не обращай на него внимания, вы принадлежите к разным вселенным. Подумаешь, даже если у тебя с ним кое-что было — это в прошлом, в другой жизни. Вчерашний день. Никому нет до этого никакого дела.

Но Тамару было не так-то просто успокоить.

— Ты-то еще помнишь! Почему? — спросила она пронзительным голосом. Ее газельи глаза под тяжелыми веками были полны боли. — Почему ты помнишь все это старье, все, что было в старом мире? Только и делаешь, что облизываешь губы, закатываешь глаза, смеешься надо мной. Ненавижу тебя!

— Попытайся понять, Тамара, — взмолился Старлиц со вздохом. — Ты — профессионал, человек огромного опыта, колоссальная ценность для моего проекта. Но если ты хочешь по-прежнему получать от меня денежки, то привыкай ко мне, какой я есть. Согласен, у меня имеются недостатки. Но я остаюсь собой здесь и сейчас, я был собой там и тогда. Я — это всегда я, и я собирась собой и остаться. Я проявил сентиментальность с этим русским. Согласен, зря. Признаю свою оплошность. Тема раз и навсегда снимается с обсуждения.

Так что улыбочку, моя милая! Все отлично, ты же из Лос-Анджелеса! На всякий случай проглоти пару таблеток хальциона [5].

Заключительные слова проповеди привели Тамару в чувство.

— У тебя есть хальцион? У меня не осталось ни одной таблетки.

— Держи. — Старлиц спокойно вытряс две таблетки в Тамарину ладонь. — Вообще-то я припас их для Итальянки, но тебе они нужнее.

Тамара подозвала официанта с бабочкой на шее и взяла с его подноса двойной бренди.

— Не надо больше таких сюрпризов, хорошо? Ненавижу сюрпризы.

— Договорились.

Тамара сделала большой глоток и подняла влажные глаза. Сахар с ободка бокала остался у нее на верхней губе.

— Мне противопоказаны сюрпризы, Легги. Их было в моей жизни слишком много.

— Все в порядке, Тамара. Я обещал.

— И прогони Американку! Сегодня же, пока у нас еще есть возможность нанять вместо нее другую. — Тамара запила таблетки и удалилась, громко стуча каблучками.

К Старлицу немедленно устремилась Француженка. Она выгодно отличалась от остальных участниц группы: о ней хорошо писала пресса, она, в отличие от остальных шестерых, умела петь и танцевать. Сейчас на Француженке был полосатый бюстгальтер, мини-юбочка расцветки французского триколора и красный колпачок под Марианну. Она знала, что сценические костюмы в группе ниже всякой критики, но профессионально мирилась с этим.

Француженка привела с собой Канадку. На той была клетчатая юбочка и шляпка без полей, зато она немного изъяснялась по-французски, что сближало ее с Француженкой. Канадка была вежливой, скромной, предпочитала держаться в тени и в делах группы была почти незаметна. Эта маленькая блондиночка была третьей Канадкой по счету в «Большой Семерке». (Первые две сами злобно порвали с группой, узнав, что она не будет гастролировать в США.)

— Comment allez-vous, la Frangaise? [6] Та состроила кислую мину.

— Хватит издеваться над моим языком!

— Ладно, не буду. Неплохой вечер, да, Канадка?

— У нас к тебе просьба, — произнесла Француженка официальным тоном.

— Выкладывайте, — сказал Старлиц с настороженностью.

— Мы хотим, чтобы сегодня выступила Турчанка, — сообщила Канадка.

— Гонка Уц? Зачем вам это надо?

— Я разговаривала с Гонкой, — сказала Француженка. — Ей никак не удается пробиться в музыкальном бизнесе. Это так грустно! Мы — знаменитые музыканты, и мы хотим ей помочь.

— Вы же знаете, что Гонке не место в «Большой Семерке». Она не владеет английским языком.

Француженка нетерпеливо закивала.

— Английский, английский… Знаю. Да и вообще, кому нужна Турчанка в «Большой Семерке»? Мне она не нужна. Но Гонка говорит по-французски! У нее хороший французский, с правильной грамматикой, не то что у этой…

— Полегче! — обиделась Канадка.

— Гонка поет по-турецки. У нее классическая турецкая певческая подготовка, она может исполнять старинные песни. Вот я и подумала: если она споет здесь, в большом казино господина Алтимбасака, то это поможет ей в будущем. После этого она

сможет попасть на радио или в ночной клуб.

— Гм… — Старлиц немного поразмыслил. — Конечно, если бы сегодня выступали вы, девочки, то я бы ни за что не пустил на сцену любительницу из местных. А так… Как твое мнение, Канадка?

Канадка была очень довольна, что к ней обратились за советом, и гордо выпрямила стройную спинку.

— Я согласна с Француженкой. Голоса меньшинств тоже достойны внимания. К тому же сегодня все микрофоны наши, так что обойдется без лишних расходов.

— Мне по душе твоя логика, Канадка. И мнение твое очень ценно. Но скажите, вы обсуждали это с Мех-метом Озбеем?

— Мехметкику очень понравилась эта идея, — призналась Француженка. — Он сказал, что мы чрезвычайно великодушны.

— Мы тоже очень нравимся господину Озбею, — сказала Канадка, сверкая синими глазами из глубоких темных озер теней. — Он знает все наши песни наизусть!

Легги поскреб для порядку свой двойной подбородок.

— Все равно нельзя просто выпихнуть его подружку на сцену и сунуть ей микрофон. В этом, как и во всем остальном, существуют определенные правила. Мы должны действовать осторожно, это ведь тоже политика. — Он выдержал глубокомысленную паузу. — Твои предложения, Француженка?

Француженка покачалась на высоченных платформах.

— Моя мать говорит, что Мехмет Озбей — типичный представитель прозападной элиты третьего мира, действующий строго в интересах своего класса и пола.

Старлиц согласно покивал.

— Еще моя мать говорит, что музыка турецких кабаре — это естественный способ пролетарского самовыражения, несмотря на ее патриархальное звучание.

Старлиц перешел к почесыванию шеи.

— Что ж, так тому и быть. А как у вашей подружки Гонки с пением под записанный аккомпанемент? Настоящих музыкантов-турков нам для нее не найти.

Француженка тут же достала из-под шапочки тридцатиминутную аудиокассету. Старлиц был без очков, поэтому поднес кассету к самым глазам, чтобы прочесть, щурясь, надпись синей шариковой ручкой: «Масерреф Ханим Сегах Газель».

— Ничего себе… Вы это слушали?

— Чего ради нам слушать всякое турецкое старье? — возмутилась Француженка. — Никакого коммерческого интереса!

— И вообще, это дело Лайэма, — напомнила Канадка.

— Что ж, уговорили, — сказал Старлиц. — Я проиграю эту пленку Лайэму. А вы тем временем подскажите Озбею, что ему нужен конферансье, который представит ее по-турецки.

Старлиц передал кассету Лайэму и договорился с осветителями. Он оценил такт, проявленный Озбеем. Если бы тот попросил за Гонку напрямую, то это походило бы на выкручивание рук. Другое дело — добиваться своего через исполнителей, принятый в музыкальном бизнесе способ. Если Гонка оскандалится, то виноватых не окажется, кроме нее самой. Все остальные, включая Озбея, выходили сухими из воды. В случае успеха лавры достанутся всем, в том числе ему. Озбей поступил профессионально.

Взяв ситуацию под контроль, Старлиц отправился на поиски Американки. Та сбежала с вечеринки в наркотическом перевозбуждении. Ее, как всегда, прикрывала Британка.

Британка тщательно работала над своим сценическим имиджем. Вопреки всем ожиданиям и традиции, она приобрела исключительную легкость и живость, почти сравнявшись сценической гибкостью с Итальянкой. Казалось, внутри у Британки рухнул психологический барьер: она разделалась с остатками имперского величия и растопила последний ледок сдержанности. Теперь ее веселость отдавала дешевкой и низкопробностью.

Легги поймал Британку и принудил ее к беседе тет-а-тет.

— Что творится с нашей Янки? Британка нахмурилась.

— Не набрасывайся на нее, Легги. У нее доброе сердце и самые лучшие намерения.

— Ладно, ты просто мне скажи, куда она подевалась.

— С Американкой все в порядке. Лучше взгляни на Японку! — наябедничала Британка. — Вот у кого крыша поехала!

Легги подозрительно покосился на Японку, одетую в мини-кимоно в форме осеннего листка, которая безразлично гримасничала для фотографов. У нее продолжался приступ мрачного самосозерцания. Впрочем, Японка, в отличие от Американки, всегда вовремя и без нареканий выдавала положенную продукцию.

— Что ж, у Японки небольшая депрессия. Ничего странного, «чудо-хлеб» и шоколадка мигом приведут ее в чувство.

— А по-моему, это клиническая депрессивность.

— Твоего мнения никто не спрашивает. У тебя другая задача, гораздо более почетная: привести в чувство Американку. Сама знаешь, ты в этом деле профессионалка. Что она с собой натворила? Опять наркотики?

Блестящие губки Британки сложились в рассудительную

гримаску.

— Полагаю, отчасти дело в этом.

— То есть как «отчасти»? Наша Янки употребляет больше кокаина, чем остальные шесть вместе взятые.

Японка и Итальянка охотно присоединились к беседе: они почуяли, что пахнет жареным.

— Просто у нее честолюбие, — объяснила Британка, приподнимая для убедительности узкие плечики. — Она все время изобретает для всех нас разные крупные проекты. Когда мы отказываемся ее слушаться, она занимает у нас много денег и все делает сама.

— Американка не может играть в команде, — присовокупила Японка, топая по ковру огромным сабо.

— Она очень-очень большая примадонна, — сказала Итальянка, презрительно щелкая пальцами.

— Куда она пошла? — снова спросил Легги. Британка вздохнула, признавая поражение.

— Убежала нюхать кокаин и реветь.

— Куда?

— Туда, где нет камер. К малому бассейну, наверное.

На сцене появился турецкий радиоведущий, чтобы объявить о дебюте мисс Уц. Было видно, как неумело он разыгрывает энтузиазм, перекрикивая писк зафонившего микрофона. Легги поспешил удалиться.

Американку он нашел в белом пластмассовом шезлонге рядом с осушенным бассейном. На ней по-прежнему была звездно-полосатая мини-юбка, она беспрерывно сморкалась в бумажный платок.

— В чем дело, Американка?

Она подняла голову.

— Хватит с меня этой клички! Между прочим, у меня есть имя.

Старлиц присел на край шезлонга и сложил на груди мясистые руки.

— Что это тебя нынче так разобрало, Мелани? У нее были красные от слез глаза.

— Все получается совсем не так, как ты обещал.

— Деньги-то хорошие, — напомнил Старлиц. Американка в ответ выразительно высморкалась. — Классный отель. Сбалансированная диета. Занятия аэробикой.

— Когда ты меня нанимал, ты предупреждал, что «Большая Семерка» — фальшивка, просто способ заработать. — Американка прерывисто вздохнула. — Но я все равно не поняла, что это значит.

— Разве это не очевидно? Я ничего оттебя не скрыл.

— Яне поняла, что ты сказал это совершенно серьезно.

Старлиц пожал плечами.

— Мы устроили аферу на поп-сцене и сшибаем баксы. Почему это тебя огорчает? Ты же американка, черт возьми!

— Потому что это даже не весело. Я думала, что хотя бы повеселюсь. Но участвовать в стопроцентном надувательстве — это такая нестерпимая скука! Все равно что торговать хот-догами. Летишь на самолете, потом сидишь в автобусе или лимузине, а потом трясешь на сцене задницей и распеваешь эти дурацкие, дурацкие стишки!

— Неправда, стихи «Большой Семерки» — это гениально, детка. В них использованы фрагменты из всех международных хитов двадцатого века, пропущенные через переводческую программу из четырехсот базовых английских слов. На нас работает высочайшая технология.

— Я выучила наизусть всю эту чепуху, освоила все танцевальные движения. Но со мной-то как быть? Как насчет меня?

— В каком смысле? — не понял Старлиц.

— В прямом. Как насчет меня, артистки Мелани Рей Айзенберг?

— Пойми, Мелани, проект «Большая Семерка» не имеет к тебе лично никакого отношения. Он сворачивается с наступлением двухтысячного года. После этого ты улетишь к себе в Бейкерсфилд с чеком на крупную сумму. Об этом мы и договорились, помнишь?

— Эта идиотская сделка не позволяет мне быть самой собой! Я чувствую себя персонажем из детской мультяшки, какой-то куклой, надутой воздухом…

— Ну и что? Зато ты поп-звезда. У тебя лимузины и массажистка.

— Я могла бы быть звездой и оставаться собой.

— А вот и нет! Ты уж прости. — Старлиц изо всех сил замотал головой. — И думать об этом забудь! Это совершенно невозможно по определению.

Мелани выпятила нижнюю губу.

— Это все твои речи, твои мысли. Я уже хлебнула музыкального бизнеса и считаю по-другому.

Старлиц поскреб в затылке.

— Учти, Мелани, ты хочешь сама подлезть под гильотину, которая мигом покончит с твоей карьерой. Позволь тебя предостеречь. Превратиться в самостоятельную певичку, сочиняющую для себя песенки, — все равно что поставить на себе

крест. Ты для такой жизни не приспособлена. Ты — сама нормальность. Ты посредственность.

— Согласна, я была нормальной посредственностью до того, как за меня взялся ты. С тех пор я проехала с выступлениями Польшу, Таиланд, Словению. Моя жизнь превратилась в сплошной кретинизм.

Старлиц тяжко вздохнул.

— Послушай, я хочу тебе помочь. Давай, я набросаю сценарий твоего будущего. Так ты лучше поймешь, что тебя ждет. — Он выпрямился и хрустнул суставами пальцев. — Начнем с выигрышной предпосылки: предположим, ты очень талантлива. Будем исходить из того, что ты исполнительница собственных песен с колоссальным музыкальным дарованием. Сообразительная, упорная, блондинка, родом из Калифорнии, скулы у тебя такие высокие, что за них не жалко жизнь положить. Ну, выигрываешь ты несколько премий «Грэмми», критики тебя обожают, твои записи расходятся лучше хот-догов…

— Да? — От интереса Мелани привстала. — До чего заманчиво звучит! Класс!

— Сними розовые очки: время не стоит на месте. Вкалываешь, вкалываешь, расходуешь себя, а потом внешность становится уже не той, голос пропадает. Глядь — а тебе уже сорок. Как женщина ты можешь рассчитывать прожить после этого еще целых сорок пять лет. И годы эти выглядят уже совсем не симпатично, детка. Ты будешь сидеть взаперти в своем замке в Малибу, жечь тайские палочки и малевать плохие абстрактные картины, чтобы совсем не сбрендить. Будешь бродить, от всех скрываясь, как Говард Хьюз, слушать старые альбомы Билли Холидея и размышлять, не сделать ли косметическую операцию.

Мелани пожала плечами.

— Но мне уже стукнет сорок! Я уже буду старой.

— Ничего подобного, какая же это старость? Просто с тобой будет покончено. Журналы уже на захотят помещать тебя на обложках. Твоя жаркая ночь — это ссора и увольнение горничной. Твоя поп-жизнь в прошлом, никто тебя не слушает, никто не покупает твои песни. Для искренних фолк— и рок-песен в исполнении стареющих миллионерш нет рынка сбыта. Тебе остается судиться с владельцами твоей торговой марки, ругаться с критиками, уволить агента и рекламщика. Претензий ко всем вокруг у тебя больше, чем у Сербии. Осталась ты одна, твои старые часы, твой худеющий кошелек. Разве это успех? А все потому, что ты выбрала путь настоящей поп-певицы! Все потому, что всегда сохраняла верность себе.

— Ты нарочно сгущаешь краски. Я так плохо не кончу.

Старлиц внимательно на нее посмотрел и пожал плечами.

— Действительно, ты права, Мелани. С тобой этого никогда не произойдет. Ведь у тебя нет таланта. Более того, у тебя неважное образование и не густо с мозгами. Но все это не беда! Ты молода, у тебя впереди еще шестьдесят долгих лет в новом веке. В «Большой Семерке» у тебя закружилась голова, но непоправимого вреда это тебе еще не причинило. Ты способна оставить этот мелкий эпизод позади.

От ужасного подозрения она побелела.

— Что ты имеешь в виду?

— То, как могло бы сложиться твое будущее. Как ты могла бы его выстроить, ни о чем не сожалея. Как много могла бы получить. Пробудешь с «Большой Семеркой», с нами до конца, до наступления двухтысячного года. Заберешь деньги — большие деньги. И мотаешь домой, а там выходишь замуж за студента-медика.

— Что?! — От неожиданности она разинула рот.

— Муж-врач — это большая удача, детка. Достойный итог карьеры поп-исполнительницы. Всю последующую жизнь ты будешь ослепительной звездой, занимающейся шоу-бизнесом для него одного. У тебя хватит денег, чтобы он мог выучиться на доктора. Замечательная возможность, которой глупо не воспользоваться. Ты сможешь выбрать себе самого умного и старательного студента. А уж он-то будет рад до беспамятства, это я почти гарантирую. Ты будешь жить припеваючи, детка!

— Мне предстоит превратиться в домохозяйку! Я звезда!

— Забудь ты всю эту чушь, Мелани! Лучше нарожай детей. Ты сейчас очень далека от реальности, но дети вернут тебя с небес на землю. Когда ты женщина с детьми, ты всегда знаешь, кто ты такая и что от тебя требуется. Это именно то, что нужно для посредственности. Два-три малыша, милый домик, муж, который благодарен тебе по гроб жизни и без ума от тебя. У тебя появятся корни, ты будешь полноценным человеком, важным для людей, которые важны тебе. Это и есть счастье.

— Ты меня пугаешь, — сказала Мелани.

— Теперь ты знаешь свой наилучший сценарий. Прямой бросок. А наихудший сценарий тебе лучше не знать.

Она смело уставилась ему в лицо.

— Знаю я, что ты затеял! Другие не догадываются, а я знаю. Мне сердце подсказывает, что ты меня обкрадываешь. Не знаю, что именно ты у меня воруешь, но уже чувствую себя обворованной. Ты нас подобрал, собрал вместе, разрекламировал и продал, но мы все равно ненастоящие. Мы — пустое место. Ты не позволяешь нам себя проявить.

— Тебя это не устраивает?

— Не устраивает, потому что все это подделка. Ненастоящее! Пустота! Мне наплевать, сколько у меня будет денег. К чертям деньги, я не могу больше этого выносить!

— Как хочешь, — проговорил Старлиц с усталым вздохом. — Позволь, я переведу тебе то, что слышу от тебя. Ты твердишь, что тебе подавай честность.

— Вот именно! — просияла она. — Именно это я и говорю.

— Ты хочешь быть искренней с самой собой и отбросить всю эту пустую, бессмысленную, корыстную суету.

— Да!

— Что ж, в моем проекте это недостижимо. Я этого с самого начала совершенно не скрывал. Так что ты уволена.

— Ты не можешь меня уволить, я сама ухожу.

— Чудесно, так даже лучше. — Старлиц полез в задний карман. — Со счета «Большой Семерки» я не смогу снять для тебя ни гроша, потому что бухгалтер Ник этого не допустит. Но я не зверь, я окажу тебе личную услугу. Держи сто долларов. Этого тебе хватит, чтобы добраться до Стамбула. Оттуда самолеты летают во все концы света. Позвонишь родителям и купишь билет, куда захочешь.

Она смотрела на смятую стодолларовую бумажку, не веря своим глазам.

— Минуточку! Ты не можешь просто так дать мне пинка и бросить в чужой стране.

— Еще как могу! Только этим и занимаюсь.

— Не путай меня с Японкой, понял? Я американка. Я тебя засужу.

— Ты будешь не первой, кто попытается это сделать. Но я бы тебе не советовал тратить мамины и папины денежки на панамскую юридическую систему. Хочешь быть честной с собой — умей нести ответственность за свои поступки. Ты внесла хаос в мои дела, подкинула мне массу лишней работенки и беготни, но я это переживу. Я не помню зла. Всего хорошего.

Старлиц был вне себя. Он разыскал Тургута Алтим-басака и попросил поменять замки в номерах Американки и ее личного персонала. Владелец казино был воплощением любезности и готовности услужить.

— Я понимаю ваши трудности, мистер Старлиц. Мы все сделаем так, как вы говорите.

— Миссис Динсмор и ее помощники вышвырнут сегодня на улицу много вещей. Пусть привратники не обращают на это внимания.

Алтимбасак бесстрастно перебирал четки.

— Как настроение у мистера Озбея?

— Почему вы меня спрашиваете?

— Вы могли бы поговорить с ним обо мне… Вы его деловой партнер, я знаю, что он к вам прислушиваетесь.

Старлиц нахмурился.

— Вы предоставили Озбею ваш лучший пентхаус, соседние комнаты для его охраны, личный будуар для любовницы? Лимузины под рукой, факсы гудят, выпивки хоть залейся?

— Разумеется, все именно так и сделано, как же иначе!

— Ну, если его даже это не смягчило, значит, его уже ничем не проймешь.

— У мистера Озбея очень могущественные друзья. — Алтимбасак понизил голос до шепота. — У него много друзей в MHP, в ANAP. Не хочу, чтобы он считал, что я состою в DHKC, тем более в РКК! [7]

— Конечно, — с готовностью покивал Старлиц. — Вполне оправданное беспокойство. Я сегодня же переговорю с Мехметом и попытаюсь все уладить.

— Огромное спасибо. — В нетрезвых глазках Ал-тимбасака забрезжила смутная надежда. — Это было бы так чудесно…

Старлиц поспешил возвратиться в атмосферу праздника. Гонка Уц заканчивала выступление. Она получила записанный аккомпанемент, микрофон и белое атласное платье и ни о чем больше не мечтала. Исполнив наконец свою давнюю мечту — оказавшись в свете рампы, — она, полуприкрыв веками сверкающие глаза, открывала людям глубины своего естества. Ее проникновение в таинство песни напоминало просовывание пальцев в тесную лайковую перчатку: от издаваемых ею томных звуков у людей во всем здании вставали дыбом волосы. У Старлица и без того бегали по коже табунки мурашек.

Озбей стоял в окружении вооруженной охраны, в задумчивости сложив на груди руки.

— Старинная песня, — молвил он.

— Черт! — выдавил Стариц.

— У нее настоящий талант, — продолжил Озбей с торжествующей улыбкой. — Разве не блестящая идея — отыскать по-настоящему талантливую турчанку? Теперь я ее отыскал — и что же мне с ней делать? Понимаешь, она — глас народа.

Старлиц заставил себя согласно кивнуть.

— Турки — великий народ. Надеюсь, теперь ты это видишь. Душа народа — вот что я в ней раскопал.

— Разумеется, — прохрипел Старлиц и закашлялся от лицемерия. — Я все понимаю. Как не понять!

— Я рад, что ты со мной согласен. А ты со мной согласен, как

может быть иначе! Ты понимающий человек. Гонка Уц — истинная турецкая звезда. Она — новая. Сафие Айла. Или вторая Хамиет Юкисес.

— Да, ты столкнулся с нешуточной проблемой. Лицо Озбея затуманилось.

— Напрасно я взял ее себе в любовницы. Я совершил ошибку. Теперь это и мое дело.

— Да, ты здорово влип.

— Да. — Влажный взор Озбея выражал откровенность и доверчивость. — Предзнаменования самые дурные. Великое искусство, великая судьба, великая трагедия. Турки — трагический народ. Великую певицу ждет несчастье. Деньги, бизнес мало значат в жизни. Существует честь. Существует гордость. Кто я такой, чтобы перечеркнуть судьбу народной артистки? Ты только прислушайся к ее пению!

Напоследок Гонка разразилась высокой трелью. Аудитория была покорена: ее энтузиазм не знал пределов. Казалось, теперь вся жизнь слушателей пойдет совсем по-другому. Юные поклонники «рейва» недоверчиво таращились на сцену, бессильно уронив руки: происшедшее было выше их понимания. Финские бойцы миротворческих сил ООН даже отвернулись от бара: удивление помешало им пить. Турецкие политики средних лет не стеснялись слез.

Гонка с мечтательной улыбкой уплыла со сцены. Она оставляла слушателей голодными: им хотелось еще. Гонка могла бы петь ночи напролет, месяцы, годы. Ее голос запечатлелся бы на пыльном виниле, и многие годы после ее кончины люди при звуках ее голоса удивленно приподнимались бы с кресел, судорожно цепляясь за подлокотники… Но теперь Гонка, к счастью, шагала в сторону гримерной.

— Мехметкик, — молвил Старлиц, — разработкой этих алмазных копей кто-то непременно должен заняться. Но это не обязательно должен быть ты.

— Конечно, я знаю, — с достоинством ответствовал Озбей. — У меня есть выбор. Но если любовь и преданность обрекают меня на служение моему народу, значит, я обречен. — На это Старлицу нечего было сказать. — Великий человек, — продолжал Озбей, — избранник судьбы, владыка… Он обязан быть львом. Ему непозволительно оборачиваться свиньей. Ты не согласен? Это же правда, та самая глубинная реальность.

Озбей ненадолго отвлекся, чтобы выслушать сообщение громадного Али, которое тот прошептал ему на ухо.

Озбей кивнул и отдал сдержанные распоряжения. Али побежал исполнять приказание, а Озбей вернулся к

полюбившейся теме.

— А теперь, Старлиц, я жду от тебя ценного совета. Признайся, что в этой жизни по-настоящему важно, скажи, что есть реальность. Должно же в твоей жизни существовать что-то, кроме наличности! То, за что ты готов отдать жизнь, умереть. Что это?

— Сам не знаю, дружище. Я тебя, конечно, понимаю, но мне не так-то просто умереть. — Старлиц пожал плечами. — Да и зачем умирать ради поп-певцов? Брось, все это детство.

— А как насчет твоей родины? Она для тебя что-нибудь значит?

— Люди во всем мире люди.

— Не все могут быть преданными патриотами, — уступил Озбей и подозвал официанта, чтобы взять мартини с лимонной долькой. Некоторое время он цедил напиток, глядя в пространство, потом удовлетворенно вздохнул и принялся откровенничать.

— Сначала, — начал он исповедоваться, — я подумал, что ты из ЦРУ. Кто еще стал бы гонять труппу по таким никчемным странам? Но потом я увидел здесь, в казино, твоего старого русского бандита. Старый больной человек без волос… Мои ребята не любят русских, Легги. Коммунисты нас раздражают.

— Принцип «Большой Семерки» — многонациональность. У нас работают люди со всего земного шара. Это новый подход к бизнесу. Так что лучше перестань придираться. Либо ты принадлежишь к катку, либо к дороге, которую он утюжит.

— Зачем ты прибегаешь к штампам? Ты несерьезно со мной разговариваешь. Человек твоих способностей способен повлиять на судьбу этого несчастного мира.

— Такое занятие не для меня. Этот проект начался с пари, заключенного в баре на Гуаме, продолжился бронзовой табличкой на здании в Панаме… Хотя важно не это. Признаюсь, все это мошенничество. Но, честно говоря, мне нравится моя работа. Я ею наслаждаюсь. Мы делаем туфли на платформе в Шэньчжене. Поставляем обтягивающие футболки с блестками в Туркменистан по Нахичеванскому коридору. Мне нравится устанавливать эти связи. Нравится управлять всей сетью. Меня это устраивает. Большего я не прошу.

— Что ты вообще за человек? — скорбно произнес Озбей. — Как бы ты сам себя назвал?

— Ну, если обойтись одним определением, то я бы назвался системным аналитиком.

Озбей допил мартини и отдал стакан подобострастному лакею.

— Что ж, раз так, поговорим о деле. А дело у нас такое: твой проект мог бы приносить гораздо больше. Ты много болтаешь о бизнесе, но действуешь не очень эффективно. Ты поступаешь со своим проектом так, словно это глупая шутка. Ты не зарабатываешь столько денег, сколько мог бы заработать. Ты действуешь не так активно, как мог бы. Я за тебя беспокоюсь, Старлиц. Меня беспокоит, что ты не принимаешь нашу сделку всерьез.

— Почему ты об этом говоришь?

— Зачем ты уволил Американку? Почему вышвырнул ее сегодня из отеля? Она была в «Большой Семерке» главной! На нее все глазеют, потому что она — Американка!

— Я могу заменить эту американку другой.

— За три дня? Как это может быть? Или ты извлечешь замену из кармана?

— Нет, просто найму новую американку. Этому определению отвечают четырнадцать миллионов человек.

— Только не здесь, на турецком Кипре.

— Я доверяю своим инстинктам в поиске работников.

Озбей недоверчиво закатил глаза.

— Почему бы тебе не взять в группу Гонку? Она владеет всеми танцами «Семерки». А вместо ее голоса ты мог бы пустить чужой, по-английски.

— Эта система так не работает.

— Заставь ее работать так!

— Прости, это невозможно. Озбей вздохнул.

— Мне хочется сделать Гонку счастливой, хотя бы ненадолго. На день-два. Когда она счастлива, она со мной очень великодушна.

— Мехмет, ты славный малый, и я понимаю твои романтические затруднения. Но не надо меня учить, как мне действовать. Я же не жалуюсь, как ты работаешь в своей части нашей сделки. Например, не поучаю тебя, как тебе обходиться с владельцем этого казино. У него уже двоится в глазах и трясутся коленки.

Красивое лицо Озбея потемнело.

— Тургут Алтимбасак жаловался тебе?

— Я бы назвал это не жалобой. Это больше похоже на паническую мольбу.

— Алтимбасак проявляет глупое упрямство, мешающее делам моего дяди-министра.

— Обойдемся без объяснений, Мехмет. Ты не обязан их мне давать, да они мне и не нужны. Это твоя часть сделки. Все эти РКК и МНР — внутренние турецкие трудности, меня это не

касается. Я не сую нос в чужие дела. Я стараюсь вести себя воспитанно.

Озбей хмуро переваривал услышанное. Наконец он выдавил:

— Ты выведешь свою группу на сцену в Стамбуле?

— В этом суть нашей сделки. Если у меня не будет получаться, ты первым об этом узнаешь. Я ценю твои вложения. Ты много делаешь для нашего совместного успеха. Я хочу видеть тебя счастливым настолько, насколько могу разумно этому поспособствовать.

Озбею такой вариант совсем не нравился, однако другого не было.

— Неважно. Ведь все кончится к двухтысячному году.

— Именно. Остается задержать дыхание и дождаться конца.

— Что ж, — проговорил Озбей сумрачно, — ради тебя я готов не дышать.

В половине второго ночи Старлиц вышел на балкон своего номера на третьем этаже, открыл пачку красного «Данхила» и закурил. Когда он курил не в комнате, то вообще не считал, что курит.

Уже после второй несильной затяжки спящие где-то в глубине черепа рецепторы очнулись и заставили его думать. Старлиц увидел события этого непростого вечера в несколько ином свете. Уставившись на пустую автостоянку, он задумчиво скреб выпирающее волосатое брюхо.

Он не все понял насчет разницы между певицей и артисткой, не полностью проник в эти пугающие глубины. «Большой Семерке» предстояло проскочить сквозь всю Турцию, почти зажмурившись. Турецкая часть проекта предполагалась бессмысленной и короткой. В противном случае могли последовать тяжкие последствия.

Внизу появилось такси. Таксист распахнул дверцу, вылез, пересек стоянку и, преодолев полосу олеандров, утонул в угловатых тенях на стройплощадке у берега. Старлиц выбросил сигарету, натянул рубашку и заторопился вниз.

Пустое кипрское такси урчало мотором. Старлиц опасливо заглянул в салон. На заднем сиденье помещался огромный пластиковый мешок для мусора. Серый, отталкивающий, зловонный, мешок наводил на мысль, что в него затолкали расчлененный труп. Венчали пакет сломанные темные очки, под ним белели драные кроссовки.

Старлиц распахнул дверцу, схватил мешок и яростно его встряхнул.

— Что за фокусы? Ты это брось! Добропорядочные граждане тебя не поймут.

— Она не вытянула… — пробормотал мешок и разразился горькими рыданиями.

— Что еще за чертовщина?

Мешок поднял грязную морщинистую руку, нащупал свои разбитые очки и водрузил их на свою унылую, морщинистую физиономию. Теперь пугало стало хотя бы немного походить на человека. Старлиц убедился, что перед ним папарацци Визел. Вернее, тень прежнего Визела.

Визел безутешно стонал, его голос походил на завывание ветра на пустыре.

— Я повез ее в турецкие бани. Они ее отмыли. И от нее ничего не осталось.

— Кто? От кого?

— От принцессы Дианы. Она в багажнике.

Старлиц заглушил двигатель и вынул ключ из замка зажигания. Обойдя машину, он осторожно поднял крышку багажника. В нос ему ударила невыносимая вонь, испускаемая горой увядших кладбищенских роз. Порывшись в куче фотографического инвентаря, Старлиц нащупал урну Принцессы размером со шляпную коробку куклы-переростка. Он взялся было за пластмассовую ручку, но тут же отдернул руку и разразился беззвучной бранью, дуя на пальцы.

— Какой же ты болван! — Он отступил от багажника. — Ты что, сдавал ее в багаж?

Визел утвердительно застонал.

— И ее не задержали на контроле? Трудно поверить.

Визел наморщил свой низкий лобик и снова зарыдал во всю силу немощной грудной клетки. Старлиц рассеянно перебирал между пальцами водительские ключи, словно четки. Происходившее ему совершенно не нравилось. Давно он не был свидетелем таких душераздирающих сцен.

— Плохо дело, — изрек он наконец. — Настоящее дерьмо.

Визел перебросил костлявые ноги из салона такси на асфальт стоянки.

— Она умерла совершенно счастливой, — сообщил он похоронным тоном. — Видел бы ты ее улыбку. Просто угасла. Мой ангелочек… Как хорошо она выходила на снимках!

— Я знал, что Y2K она не переживет, — медленно проговорил Старлиц. — Тебе я этого не сказал, но… Не пойму, как все это вышло.

— Я никогда не сажал ее в скоростные автомобили, — объяснил Визел. — И в Париж никогда ее не пускал.

— Тебе не в чем себя винить. Рано или поздно приходит сказке конец. Продолжение невозможно. Смирись.

— Знаю. — Визел был в отчаянии. — Все этот Y2K! Он как стеклянная стена.

— Ничего не поделаешь.

— Мне тоже ее не преодолеть.

— Что еще за глупости? Куда ты денешься? Следующее столетие станет золотым веком для подглядывания. Без нее тебе будет гораздо лучше. После Y2K ты по-настоящему развернешься.

— Ничего подобного. Мое время вышло. Я устарел. Я остался вместе с парнями на мотороллерах на Виа Венето. Когда папарацци делал снимок в шестидесятые годы, он работал с удовольствием! Публика ждала от него новых фотографий. Тогда были звезды, лица, тогда было… — Визел страдальчески вздохнул. — Тогда было желание! Если в тогдашних бульварных газетах появлялось честное фото, то это означало, что оно кому-то нужно… А сейчас все встало на поток, всюду торжествует проклятый автоматизм.

Старлиц смолчал, потому что сказать тут было нечего. Опровергнуть Визела было невозможно, тем более в два часа ночи, когда полагается спать без задних ног.

— Лучше скажи, что ты делаешь здесь? — гаркнул наконец Старлиц. — Чего тебе не сиделось в Стамбуле? Чего тебя понесло в это дешевое турецкое казино? Я-то хоть пытаюсь заниматься здесь каким-никаким бизнесом…

— Мне надо позаботиться о вечном покое Принцессы. Ведь по большому счету я — единственное, что у нее было в жизни.

— В твоем состоянии? Ты же ходячее привидение! Как ты до этого дошел? Это непрофессионально.

Уханье Визела следовало признать смехом.

— Просто поставь меня на ноги, Легги. И дай мне ее. — Визел копошился, напрягая остатки силенок. — Мне надо на ничейную землю, на Зеленую линию между греками и турками. Там, за колючей проволокой, столько чудесных цветов! И патрули ООН. О лучшем нам с ней не приходится мечтать.

— Брось! Как же вся твоя техника?

— Возьми все себе. Я так устал, Легги! Я сам себе опротивел. Клянусь, я уже готов… я хочу, чтобы это кончилось.

— Опомнись, ты еще здесь. Кончилась она. Все, что тебе нужно, — это новое задание.

— Говорю тебе, мне осточертел весь этот мир. Осточертел до смерти!

Внезапно Визел нагнулся, едва не переломившись пополам, его мертвенное лицо лопнуло, как ветхая простыня, явив дыру. Из нее хлынули деньги. Первой он вытошнил тугую пачку турецких лир. Отплевавшись, он захрипел и разразился потоком

британских фунтов.

Старлиц огляделся. Это был кризис: Визел сдавал так стремительно, что помочь ему было уже почти невозможно. Исправить дело могло разве что внезапное— бог из машины — вмешательство со стороны.

Поэтому в кустах у стены отеля разом возник ошарашенный Виктор Билибин.

— Матерь Божья! — пробормотал Виктор по-русски, неуклюже застегивая молнию на штанах. — Где мой номер? Где мой туалет?

— Иди сюда, — позвал его Старлиц тоже по-русски. — Убери свою водку.

— Это не водка, — рассудительно возразил Виктор, вываливаясь из кустов с бутылкой наперевес. — Это кипрский бренди. Отличная вещь.

— Мой друг нынче перебрал. — Голос Старлица не терпел возражений. — Помоги донести его вещи.

— Ладно, — сказал Виктор, подходя ближе. Бутылка с бренди осталась стоять на крыше такси.

Визел вцепился дрожащими костлявыми пальцами в дверцу машины и, непристойно дергаясь, обдал кроссовки Виктора зловонным потоком дойчемарок.

— Совсем плох, — сочувственно произнес Виктор, сгреб Визеля за пустое плечо и поднял его одной рукой. — Пошли, старикан. Никогда не сгибайся, когда блюешь, так и задохнуться недолго. Двигай ногами! — Он выволок его из машины. — Шагай сам, не придуривайся!

Но призыв остался неуслышанным, поэтому Виктору пришлось перебросить обмякшего Визела через плечо, как пальто.

— Ну и вонь! — пожаловался он. — Он что, лакал одеколон?

— Кто его знает, что там пролилось в багажнике, — отозвался Старлиц. — Донесешь? Я захвачу всю его репортерскую сбрую.

— Никуда не денется, — заверил его Виктор. — Мне не впервой.

Ночной дежурный казино «Меридиен» спросил из дверей на ломаном английском:

— У вас все в порядке?

— Напился, — спокойно объяснил Виктор и пнул деньги на асфальте. — Таксиста след простыл. Можете что-нибудь сделать с этими грязными бумажками?

Дежурный посмотрел туда, куда указывал носок кроссовки, и изменился в лице.

— Конечно могу. Не извольте беспокоиться. Старлиц сунул ему желтую шляпную коробку.

— Оставьте это для меня в гардеробе. Старлиц, номер триста один.

— Разумеется, мистер Старлиц.

Старлиц поправил на спине штатив и решительно миновал обе раздвижные стеклянные двери.

— Куда его? — осведомился Виктор, умело транспортируя бесчувственного папарацци.

— Сначала в лифт.

Виктор снял со слюнявых губ Визела двадцатидолларовую купюру, вытер ею его рот и брезгливо засунул в серый плащ. Все трое загрузились в зеркальную кабину лифта. Старлиц нажал кнопку «пентхаус».

— Вы читали Пелевина? — спросил Виктор как ни в чем не бывало. Визела он прислонил к стенке кабины и небрежно подпирал его локтем.

— А что, надо? — спросил Старлиц.

— Пелевин — москвич. Он написал «Омон Ра» и «Желтая стрела». — Старлиц сочувственно покивал. — Як тому, — продолжил Виктор задумчиво, — что все это очень по-пелевински.

Старлиц вместо ответа поскреб затылок.

— Хохлов близко?

— Не знаю. Не думаю.

— Твой дядя часом не напился?

— Вы разрешили ему выпивать по вечерам, — напомнил Виктор.

Дверцы лифта неуверенно разъехались. Лестничная площадка пентхауса была устлана пушистым ковром, стены переливались сине-белым турецким кафелем.

— Ваши друзья-турки косо на меня смотрят, — пожаловался Виктор.

— А ты притворись, что не говоришь ни на одном языке, — посоветовал Старлиц. — Это самый лучший способ.

Дверь пентхауса сторожил громила Озбея по имени Дрей. Узнав Старлица, он беспрепятственно впустил всю троицу. Озбей и его свита расслаблялись после вечерних волнений. В воздухе висел синий сигарный дым и музыка Тони Беннетта.

— Давай его сюда! — скомандовал Старлиц Виктору и положил безжизненное тело фотографа с закатившимися глазами у стены в полосатых обоях. — Видишь сумку «Никон» у меня на спине? Достань оттуда его тридцатипятимиллиметровую камеру.

Виктор повиновался. Из дыма выплыл Озбей с крохотной чашечкой кофе и тонкой сигарой.

— Что случилось? — осведомился он, подозрительно

разглядывая Визела.

— Это мистер Визел из британского журнала «Вог». Модный фотограф.

— Он мертвый? — спросил Озбей с любопытством.

— Тяжелый перелет из Стамбула, — сказал Старлиц. — Он не знал, что на турецкий Кипр нет прямых рейсов. Пришлось поднажать на успокоительные.

— Эмбарго на авиарейсы к нам — большое неудобство, — посочувствовал Озбей. — С виду он настоящий труп.

— Хватит об этом! — повысил голос Старлиц. — Я выписал его сюда для съемки твой подружки. Это услуга, понимаешь? Хочешь увидеть свою Гонку на глянцевом развороте или будешь и дальше прятать ее, как кролика, в своей шляпе?

Озбей примирительно улыбнулся и указал куда-то в дым, затянувший апартаменты.

— Она никогда еще не была так хороша.

— Дайте этому бедняге минеральной воды, — проворчал Старлиц. — Вот что бывает с людьми от перелетов! Может, ему даже надо чего-нибудь нюхнуть.

— Посмотрим, что найдется у ребят внизу, — бросил Озбей, безразлично пожимая плечами. Ему уже наскучило происходящее, и он торопился уйти.

— Ничего не получится! — прошептал Виктор. — Он же мертвый!

— Помалкивай, парень.

— Вот пустой ящик из-под бутылок. Лучше затолкаем его сюда, — предложил юный русский.

— Давай сюда эту чертову камеру! — приказал Старлиц.

Он уже заметил Гонку в толпе мужчин. Она собрала вокруг себя кучку подобострастных политиков и нескольких напуганных радиорепортеров и хохотала, задрав подбородок и по-соловьиному вибрируя горлом. Иногда она умолкала, чтобы кокетливо откусить

рахат-лукума цвета возбужденного лосося. Наведя на нее фотоаппарат, он сунул его в мертвые, как бумага, руки Визела. Труп отозвался стоном. Старлиц сделал вид, что отнимает камеру.

— Смотри, как хороша!

И он снова поднес фотоаппарат к мертвому лицу, как медсестра, предлагающая горячий шоколад жертве горной лавины. Камера разразилась истеричными щелчками. Спина Визела распрямилась, и он отделился от стены, как ожившая бумажная фигурка.

— Давай, детка! — исторг он. — Покажи себя! Виктора сцена

воскрешения повергла в оторопь.

Он потрясенно наблюдал, как лицо призрака заливает румянец жизни. Визел раздраженно махнул русскому пареньку рукавом.

— Не закрывай обзор, панк!

Виктор отшатнулся. Его брови поехали на лоб и никак не возвращались обратно. Визел с чемпионской скоростью отщелкал пленку и стал машинально шарить в карманах, Ничего не найдя, он издал омерзительный стон. Старлиц молча подал ему новую кассету. Визел сорвал крышечку, как будто пробку с шампанского, и заправил пленку в аппарат. Старлиц наблюдал за певицей. Та внезапно смолкла. Она еще не заметила новых гостей, но на ее сияющее лицо уже легла тень озабоченности.

Визел проехал спиной по стене, занял снайперскую позицию за вешалкой, прицелился и открыл пальбу. Растерянная Гонка достала сигарету, щелкнула зажигалкой, закусила губу. Было видно, что у нее дрожат руки.

Визел удовлетворенно перевел дух.

— Успокойся, — сказал ему Старлиц.

— Здесь хреновое освещение, — пожаловался Визел, разыскивая в сумке датчик.

— Я организую тебе специальный сеанс, — пообещал Старлиц. — Тебя устроят несколько часов?

— Самое оно! — закивал Визел, блестя бесцветными стеклянными глазками. — Если в студии.

Озбей вернулся в апартаменты в сопровождении двоих подобострастных охранников. Глянув на Визела, он пожал плечами.

— Кажется, твоему приятелю полегчало.

— Работа всегда творит с ним чудеса. Такой уж это народ — модные фотографы. Сумасшедший темперамент.

— Скажи ему, чтобы он был поосторожнее со своей большой камерой. Тут у нас сегодня особенные друзья моего дяди.

— Знаешь, ее менеджер ты, а не я, — возразил Старлиц. — Хочешь устанавливать правила для иностранной прессы — сам ему и скажи.

Визел тем временем снимал со Старлица свои сумки и сам ими обвешивался. Сеть широких нейлоновых ремней каким-то образом вернула ему человеческие очертания. Из вещевого мешка была извлечена матерчатая шляпа, которую он водрузил себе на голову под кокетливым углом.

Внезапно сильно побледневшая Гонка вскочила с места и по-турецки позвала Озбея. Тот засмеялся.

— Нервы? А я подумал было, что у малышки Гонки вообще

нет нервов.

— Вы ее менеджер? — деловито обратился к нему Визел. — Больше некому.

— Конечно я, — ответил Озбей с радушной улыбкой.

— Давайте посовещаемся.

— Уже поздно, дружище. Вы устали после долгого перелета. Давайте лучше вместе выпьем.

— Отличная мысль! — одобрил Визел. Его физиономия успела округлиться. — Мне двойную. — Он перекинул через плечо последнюю сумку и, не оглядываясь, устремился к бару.

— Дело сделано, можно идти, — сказал Старлиц Виктору по-русски и тут же повернулся, покидая пентхаус.

— Подождите. — Виктор заторопился за ним по сияющему холлу.

— Тебя что-то беспокоит?

— Нет. Так, философия…

— Тогда дуй в мечеть и обратись к имаму. Виктор шагнул следом за ним в лифт. Одежда паренька смердела бренди и дешевым куревом.

— Я хочу понять, что со мной произошло. Я отдыхаю в своем номере после веселого вечера. И вдруг оказываюсь в кустах и писаю себе на кроссовки…

— Все просто, малыш. Ты так набрался, что не заметил, куда тебя понесло. Ты забыл не только о том, где находишься, но и вообще кто ты такой.

— Допустим, я пьян, но я знаю, куда направляетесь вы.

— Неужели? — удивленно бросил Старлиц.

— Да. Вы едете вниз, чтобы заняться этой гадкой желтой коробкой.

— Это занятие — всего лишь одна из моих тягостных обязанностей, дружок.

Лифт выпустил их в вестибюль.

— Вот, значит, что такое жизнь? — мудрствовал Виктор, шагая рядом со Старлицом. — Сначала у тебя раскалывается башка, потом начинается какая-то чертовщина… Странности никогда не случаются по одной. Оболочка жизни лопается, и ты предстаешь перед бездонной глубиной.

Старлиц смотрел сквозь стеклянную дверь пустого вестибюля. Перед казино по-прежнему стояло одинокое такси, перетрухнувший водитель которого никак не возвращался. Бутылку с бренди, которую Виктор поставил на крышу такси, успели стянуть.

— Ты когда-нибудь обсуждаешь это со своим дядей?

— Нет. Пулат Романович молодчина, он убил столько людей,

что и не счесть. Но жизнь он не понимает. Новую, современную жизнь. Он потерянная душа.

— Где он сейчас? Он может мне понадобиться.

— Уехал днем в аэропорт, — сказал Виктор. — Сказал, что его ждет там сюрприз.

— Что за сюрприз?

— Понятия не имею.

Старлиц позвонил в колокольчик на стойке консьержа.

— Как насчет того, чтобы зашибить этой ночью неплохую деньгу?

— Обойдусь, — произнес Виктор, наваливаясь на стойку.

— Неужели?

— Да мне не нужны деньги. Я интеллигент. Меня не измерить общим аршином.

Старлиц внимательно оглядел Виктора. На парне были джинсы мешком, несвежая футболка с веселой наклейкой и спортивная куртка на молнии, сделанная из пластмассовых бутылок. Обут он был в поддельные турецкие кроссовки «Найк», на запястьях висели нитяные браслеты, уши были истыканы плохо зажившим пирсингом.

— Сигареты у тебя есть?

— Есть. — Виктор похлопал себя по карманам. — Турецкий «Кэмел».

— Тогда идем со мной. Это будет долгая ночь.

3

Старлиц забрал у зевающего консьержа желтую шляпную коробку с дурным запахом. Миновав стеклянные двери, он достал из кармана ключи от такси и положил коробку в багажник.

—Залезай! — приказал он Виктору. Тот открыл заднюю дверцу. — Не сюда, вперед.

— Лучше я буду изображать пассажира, — возразил Виктор. — Если меня увидят впереди, рядом с вами, то догадаются, что мы угнали такси.

Парень был прав. Старлиц хлопнул дверцей, с третьего раза запустил двигатель и тронулся. Проехав полуживой неоновый указатель отеля «Меридиен», он свернул на прибрежную дорогу и покатил на восток. Как в большинстве турецких такси, в этом на зеркальце заднего вида болтался на кожаном шнурке синий стеклянный талисман. Старлиц сорвал его и швырнул в окно. Немного погодя за талисманом последовал мобильный телефон таксиста.

— Сигарету? — вежливо предложил Виктор, протягивая пачку.

— То, что надо. — Прикурив от подставленной парнем зажигалки, Старлиц стал усиленно выпускать дым. Сам он сигарету не просил, значит, она была не в счет.

Найдя на связке нужный ключ, он отпер бардачок. Сначала он извлек оттуда изданную в Великобритании дорожную карту северного Кипра, потом дешевый немецкий пистолет, профсоюзный билет, жеваную колоду карт и, наконец, наполовину порожний мешочек с ливанским гашишем, который он перебросил на заднее сиденье.

— Спасибо, — сказал Виктор, убирая мешочек в карман.

Старлицу было неудобно вести машину по-британски, по левой стороне. Руль в кипрском такси был справа, рычаг переключения передач — слева, совершенно непривычно для левой руки.

— Куда мы едем? — спросил Виктор безмятежным голосом.

— «Ясак Бюлге Гирилмез», — прохрипел Старлиц.

— Понятно. «Запретная зона». Forbidden Zone, Zone Interdite, Verboten Zone [8].

Ярко-желтые знаки с этой турецкой надписью были знакомы на турецком Кипре любому: они встречались здесь на каждом шагу.

Они покатили мимо тонущих в ночи прибрежных деревень. На каменистых склонах Пентадактилоса громоздились большие

вычурные виллы, освещенные для безопасности синими прожекторами. Оффшорные компании бросили на этой древней земле недостроенными множество современных проектов, испугавшись внезапного скачка инфляции в Турции. Пейзаж уродовали бетонные плиты, колонны, стройплощадки, как будто предназначенные для возведения руин.

Такси объезжало одну за другой большие базы турецкой армии, обнесенные острой колючей проволокой в добрые двенадцать футов высотой. Дешевые туристические забегаловки, запертые на ночь, выглядели неуютно. Не веселее их смотрелись придорожные пальмы, даже деревенские мечети с острыми минаретами. Пыльные, заморенные жаждой апельсиновые сады были безмолвны, даже поля желтых нарциссов не привлекали в темноте взгляда. Под древними корявыми оливами мог некогда коротать ночь утомленный морской качкой Одиссей.

Потом Старлиц свернул на узкий проселок и, вдоволь повиляв и напрыгавшись на ухабах, затормозил у мшистой полуразрушенной каменной стены. Он заглушил мотор и потянулся.

Виктор сначала выбросил из машины ноги в необъятных штанах, потом вылез весь и торопливо закурил.

Проселок резко обрывался, упершись в кучу гниющих картонных коробок, тряпья, битых бутылок. На верхушке ближайшего холма торчал столб, с которого в обе стороны тянулась ржавая, местами оборванная колючая проволока, густо унизанная вездесущим пластмассовым мусором. Это напоминало конвейер в адской прачечной, заброшенной чертями из-за его бесполезности.

Ничейная полоса, разделившая греческий и турецкий Кипр, существовала уже четверть века. Жизнь на ней была невозможна по определению, поэтому она быстро превратилась в главную на острове свалку. Глубокие колеи свидетельствовали о частых визитах тяжелых мусоровозов. В трех ближайших зеленеющих кочках еще можно было узнать британский холодильник, французскую плиту и «фольксваген-жук».

Старлиц открыл багажник такси, осторожно извлек желтую коробку и опустил ее на дорогу. Цветочный запах был уже на так силен, зато в нем появилась гнилостная составляющая.

— Вы хотите выбросить это на нейтральной земле? — с любопытством спросил Виктор.

— Не выбросить, а зарыть. — Старлиц показал монтировку. Виктор кивнул в темноте, о чем свидетельствовала траектория огонька на кончике его сигареты.

— Тебе никогда не приходилось преодолевать ночью

пограничные проволочные заграждения? — осведомился Старлиц.

— Не приходилось. Колючая проволока на границах — это семидесятые годы. Задолго до меня.

— Ну а здешняя Зеленая линия появилась еще в шестидесятые. Здесь насчитывается шестнадцать тысяч противопехотных мин. Я расскажу тебе кое-что о минах. Они как видеокамеры, они объективны и высоко технологичны. Мину не заболтаешь. Ей наплевать, кто ты такой и откуда взялся. Она мигом оторвет тебе задницу, будь ты хоть принц Уэльский.

— Ладно, давайте сюда вашу дурацкую коробку, — сказал Виктор, зевая. — Не могу же я допустить, чтобы толстяк преклонных лет елозил по земле брюхом. Это занятие для молодежи.

— Смотри, не попади в луч прожектора, — предостерег его Старлиц, отдавая коробку и монтировку. — Греки все время перемещают свои снайперские посты, а у ооновцев есть инфракрасные камеры.

Виктор с кривой усмешкой выложил из многочисленных карманов одну за другой пять пачек контрабандных сигарет.

— И последнее: не смей открывать коробку, — напутствовал его Старлиц. — Просто зарой ее поглубже.

Виктор побрел прочь, цепляя ногам сухие ломкие колючки. Старлиц залез в темное такси и включил радио. Из динамиков полилась бойкая поп-музыка. Турки по-прежнему сходили с ума по турецкоязычному «тяжелому металлу». Тяжелый металлический рок надолго застрял на многочисленных задворках планеты. «Металл» исполнял роль эсперанто, язык надрывающихся гитар становился всемирным наречием.

Прошло два часа. В машину заползал ночной холод. Поросшую шиповником местность все сильнее затягивало туманом. Туман заглушал шаги Виктора до тех пор, пока тот не вырос перед самой машиной. Старлиц включил фары, ослепив его и испугав. Виктор дрожал, он был сам не свой от недавних переживаний.

Старлиц вышел из машины. Бесформенные штаны Виктора были в дырках от колючей проволоки и мокрыми от росы. Он все еще сжимал в руках испачканную землей монтировку. С ног до головы его покрывала тонкая пленка не то жирной сажи, не то светящейся цветочной пыльцы.

Старлиц положил руку ему на плечо, и паренек обессилено хрустнул всем телом под ее тяжестью.

— Обязательно надо было открывать коробку? — спросил Старлиц сочувственно.

— Конечно, — пробормотал Виктор. Его светлые славянские

глаза казались сейчас незрячими.

— Полезай в машину, — приказал Старлиц и подтолкнул его к дверце.

На жуткое присутствие Виктора машина отозвалась, как могла — паническим механическим скрипом. На кузове вздыбилась краска, звонко сорвался с крепления хромированный молдинг.

Старлиц сел за руль.

— Дайте выпить! — взмолился Виктор.

— В твоем состоянии это не поможет.

— Мне уже приходилось видеть смерть, — глухо проговорил Виктор. — Но такую — никогда.

— Смерть смерти рознь, — молвил Старлиц. — Когда хоронишь целое столетие, в яму должно кануть много чего. Дух времени, так сказать.

— Да… — слабо простонал Виктор. — Мои друзья-художники в Петербурге всегда так говорят. «Даже духи умирают…» — вот что твердят мои друзья, некрореалисты.

— Духи умирают первыми.

Старлиц завел машину, в несколько приемов развернулся на узкой пыльной дорожке и опять включил радио. Положение требовало чего-нибудь пободрее, погромче, послащавей, чего-нибудь мирского, что помогло бы вернуться в прежнее тривиальное положение 1999 года. Селин Дион с ее лирической темой из «Титаника» подходила как нельзя лучше.

— Пару дней не прикасайся к спиртному и к наркотикам, — посоветовал Старлиц. — Веди нормальную жизнь. Заказывай еду в номер, смотри плохое телевидение в дешевом отеле.

— Это поможет? — проскрипел Виктор.

— Обязательно. Твоя задача — с честью выйти из положения. Мы скоро покинем этот остров. И тогда все это станет неважно. Конец, мы это похоронили. Снято с повестки дня. Вычеркнуто. Вчерашний день.

Виктор громко стучал зубами. Через некоторое время он с видимым усилием обуздал свое волнение. Уже у Лапты его лицо снова стало приобретать человеческую окраску.

— Нельзя, чтобы дядя увидел меня таким, — выдавил юный русский. — Он обязательно начнет меня расспрашивать.

— Не беда. Я поселю тебя в отеле в Лефкосе [9]. У меня все равно дела в этом городе.

Виктор уперся взлохмаченной головой в боковое стекло и уставился в темноту.

— Это всегда так? Так ужасно?

Старлиц повернулся к нему, свесив со спинки локоть.

— Что ты чувствуешь, парень? Что сейчас помрешь?

— Нет, я некрореалист, — мужественно ответил Виктор. — Я знаю, что такое смерть. Я так просто не умру. Смерть — это для других.

— В таком случае — нет, это не всегда так ужасно. — Старлиц снова стал смотреть на дорогу. — «Ужасно» — это слишком просто. А мир не так прост, не так чист. Истинный мир, истинная реальность — это в буквальном смысле не то, что мы видим. То есть "а" — это не "а", понял? В истинном мире "а" не удосужится быть всего лишь каким-то там "а". Ты читал Умберто Эко?

— Такие толстые популярные романы? — Виктор недовольно заерзал. — Нет, я этого не выношу.

— Как насчет Делеза и Гаттари? Деррида? Фуко? Адорно читал? [10]

— Теодор Адорно был долбаным марксистом, — устало отозвался Виктор. — А Деррида я читал, как же иначе? Деррида открыл, что западная интеллектуальная традиция усеяна логическими несоответствиями. А вы читали Жака Деррида, мистер Старлиц? En frangais? [11]

— Ну, я такие вещи не то что читаю… — признался Старлиц. — Мне приходилось познавать их на собственном опыте.

Виктор пренебрежительно фыркнул.

— Правда, иногда я читаю Жана Бодрийяра [12]. Вот кто настоящий комедиант!

— А мне Бодрийяр не нравится, — сказал Виктор, садясь прямо. — Он так и не разъяснил, как избежать политического вмешательства системы. Весь этот «соблазн», «фатальные стратегии» — куда это ведет? — Он вздохнул. — Лучше просто взять и напиться.

— Тут главное то, — пробормотал Старлиц, — что когда главное повествование [13] рушится и сжимается, то воцаряется полная неопределенность.

Виктор наклонился вперед.

— Вы лучше объясните, откуда берется это «главное повествование»? Увидеть бы его! Вы его покупаете! Это и есть ваш секрет?

Старлиц махнул мясистой ручищей.

— Тысячелетие почти завершилось, парень. Повествование становится все более поливалентным и децентрализованным. Оно уже стало ризоматическим [14] и так далее.

— Это я уже слышал. Ну и что? В чем моя роль?

— Не знаю, есть ли у тебя своя роль, но здесь, на Кипре, тебе ее точно не отыскать. Это крохотная непризнанная незаконная

республика. Мы здесь находимся среди изгоев. На самой дальней периферии жизни. К тому же близится точка пересечения кривых. Большой кризис. Отвинтится много винтиков, ходячие зомби лягут в могилы.

— Вы о двухтысячном годе? — догадался Виктор.

Старлиц молча кивнул. Удачная вышла ночка. Парень выкарабкается. Этой ночью на парне повис первый в его жизни труп. Зато теперь он был в курсе дела.

Старлиц поселил Виктора в дешевом pansiyon, неприглядной ночлежке. В Лефкосе она была известна как «Наташин дом», прославившийся персоналом из работящих украинок. В пять часов утра персонал крепко спал, утомленный тяжким трудом по демпинговому посрамлению конкуренток — турецких проституток.

Загнав такси в высокие сорняки, разросшиеся вдоль брошенных турецких окопов к востоку от столицы острова, он зашагал назад к разделенному городу, любуясь, как заря, воспетая Гомером, пробует розовыми деснами небо над Никосией. Он закурил сигарету Виктора и беззаботно засунул руки в карманы.

Через пару часов Старлица можно было увидеть на скамейке на автобусной остановке: он уплетал круассаны с шоколадом из большого пакета, запивая их кофе из пластмассового стаканчика. Городская толпа текла по своим делам. Большинство мужчин были в плоских кепках и цветастых свитерах, женщины толкали детские коляски по расчерченному белыми полосами тротуару.

Из ржавого драндулета-микроавтобуса вылезла американка с рюкзаком на спине — загорелая, со множеством тугих черных косичек на голове. Кричащая рубашка была завязана узлом у нее на диафрагме, разлохмаченные снизу джинсы грозили лопнуть от натуги, и даже поддерживавший их широкий ремень не придавал всей композиции надежности. Старлиц встал со скамейки и последовал за ней.

Американка открыла маленькую калитку и поднялась по ступенькам, ведущим к двери белого домика.

У двери висела табличка «BARBARLIK MUZESI». Прочтя объявление в рамке, посетительница вытянула из кармана, каким-то образом умещавшегося у нее на бедре, кошелек и принялась считать нули на турецких банкнотах. Потом она, чудом удерживаясь на огромных «платформах», потопталась на коврике перед дверью, забранной решеткой, толкнула дверь и вошла. Пожилой музейный привратник молча принял у нее деньги. Старлиц тоже заплатил.

Когда-то «Музей варварства» был частным домом, но после

учиненных здесь зверств, прогремевших на весь Кипр, его посвятили убийствам и превратили в изящную, чистенькую выставку бесчеловечности. На стенах были аккуратно развешены старые фотографии со сценами греческого насилия над турками: сгоревшими и разрушенными домами, школами, мечетями, лавками, с изгаженными флагами, разбитыми окнами, оскорбительными надписями, с мертвецами в грязных лохмотьях, извлеченными из братских могил. Даже турецкие статуи не избежали пули в висок.

Старлиц подошел к женщине вплотную.

— Ничего не понимаю! Почему мы их не разбомбили? Какой ужас!

Старлиц протянул ей свой пакет.

— Хотите круассан?

— Хочу! — Она запустила руку в пакет, извлекла воздушную булочку и с хрустом ее надкусила. Потом, тыкая остатком круассана в жуткую фотографию, продолжила: — Вы только взгляните: мертвые дети! Куда только смотрело Си-эн-эн? Когда надо, этих жуликов-журналистов никогда не оказывается на месте.

— Вы здесь давно? — поинтересовался Старлиц.

— Нет, только приехала. Осматриваю достопримечательности.

— Вы откуда?

Она пожала плечами.

— Отовсюду. Я из семьи военных.

— А как вас называют ваши друзья? Она бросил на него удивленный взгляд.

— Мои друзья называют меня Бетси. А вам придется обращаться ко мне миссис Росс.

— Меня зовут Лех Старлиц, миссис Росс. — Старлиц извлек из кармака стодолларовую бумажку, разгладил и дал ей.

— С какой стати? — насторожилась она.

— Чтобы вы уделили мне минуту.

— Ладно. — Она спрятала деньги. — Валяйте.

— Слыхали когда-нибудь про девичью группу «Большая Семерка»?

— А как же! Мне давно все это осточертело: НАТО, UNPROFOR [15], коалиция Персидского залива… — Она нахмурилась. — Для сутенера у вас недостаточно приличный вид. Можно подумать, что вы так в костюме и спите.

— У меня деловое предложение для американской гражданки. В самый раз для вас.

— Что еще за дрянь у вас на уме?

— Я продюсер, миссис Росс. Поп-музыка. Гастроли. — Миссис Росс удивленно заморгала. — Вы стали бы выступать. У вас были бы помощники, грим, вам бы нарастили волосы и полностью обновили гардероб. Плюс лимузины, шикарные отели, бесплатная жратва, бесплатные разъезды, огромная аудитория визжащих девчонок. Все как положено. Я хочу превратить вас в звезду.

— Вот это да! — Она оглядела его с ног до головы. — У вас не все в порядке с мозгами? Сбежали из психушки?

— Нет. Я вас не обманываю. Это серьезное предложение.

— А знаете, — медленно проговорила она, не сводя взгляд с фотографий на стене, — это было бы в самый раз для меня. Vida toca [16] в чистом виде. Я рождена для сенсации.

— Держите. — И Старлиц дал ей еще сотенную.

— Так вы серьезно! — ахнула она.

— Серьезнее не бывает. Это только начало. Она прищурилась.

— В чем была бы моя задача? Выкладывайте!

— Петь и танцевать на сцене.

— Танцевать я умею, это у меня хорошо получается. А вот с пением не густо.

— Не беда, «Большая Семерка» — гастрольное шоу. Для пения у нас есть кассеты и компьютеры.

Миссис Росс засунула пальцы за свой бронированный ремень и покачалась на каблуках.

— Колитесь! Сразу видно, что вы что-то не договариваете. — Она расплылась в улыбке. — Бросьте, я уже просекла, что вы вовсе не такой проказник, какого из себя корчите. Понимаете, о чем я? Я встречала и похуже. И не с такими справлялась.

— Слушайте меня внимательно, миссис Росс. «Большая Семерка» — мое детище. Я — босс. Я устанавливаю правила игры и гребу деньги. Вы войдете в семерку девушек. Станете членом коллектива, так сказать.

Миссис Росс рассматривала музейный пол. За тридцать лет беспрерывного шарканья половицы были истерты. Подняв голову, она решительно произнесла:

— О каком заработке речь? Я задолжала отелю. Немало, между прочим.

— Не беда, детка. Мы каждый день расплачиваемся с отелями. Бывает, даже разносим их в щепки.

— Мне даже пришлось кое-что заложить. Личные побрякушки.

Старлиц кивнул.

— Я приставлю к вам персональную ассистентку. Она вернет вам ваше барахло.

— Еще я часто звоню в другие страны, главным образом в

Боснию. Там служит мой бывший муж.

Старлиц добродушно усмехнулся.

— Это нам раз плюнуть. — Ему понравилось, что он с ходу наткнулся на бывшую жену военнослужащего. Находка пришлась ему по душе.

Старлиц повел миссис Росс обедать, хотя время было еще не обеденное. Женщина недавно развелась, ей некуда было податься, она сильно поиздержалась и изголодалась, поэтому накинулась на кебаб, как волк из дремучей чащи. Потом они лениво попивали горячий турецкий кофе в ожидании большого белого лимузина из «Меридиен»".

В Гирне Старлиц передал свежеиспеченную Американку в умелые Тамарины руки. Тамара быстро осмотрела новое приобретение, проявив такт, больше присущий лошадиному барышнику, после чего отвела ее к гримерам.

— Времени в обрез, — холодно предупредила она их. — Сделайте из нее конфетку, а потом собирайте вещи. Нас ждет Стамбул.

Как только новая Американка оказалась вне зоны слышимости, Старлиц спросил у Тамары ее мнение о своей находке.

— Недурно для таких коротких поисков! — похвастался он. — Комок мышц!

— Мне больше понравилась ее кожа — как у Джоди Уотли или Марайи Кэри. Славный американский оттенок.

— Не видала тут поблизости Мехмета Озбея? — спросил Старлиц. — Он был уверен, что мне придется повозиться, прежде чем у нас появится очередная Американка.

— Я знала, что ты вернешься не с пустыми руками, — устало откликнулась Тамара. — На ловца и зверь бежит. Надеюсь, ты не подсунул нам еще одну сумасшедшую.

— Как тебе удалось сбагрить предыдущую?

— Запросто. Я свое дело знаю. Ее больше нет. — Тамара прищурила и без того узкие глаза. — Но возникла новая проблема — с Итальянкой. Здесь появился какой-то ее итальянский знакомый. Он мне не нравится. Мы готовимся к отъезду в Стамбул, а он морочит нам голову.

— Предоставь эту проблему мне, — разрешил Старлиц. — Я мигом ее устраню.

Старлиц отправился к себе в номер и принял душ. Сшитый на заказ на лондонской Карнаби-стрит зеленовато-желтый костюм вернулся из чистки в хрустящем целлофане; облачившись в него, Старлиц почувствовал себя заново родившимся. Из его кабинета в «Меридиене» открывался превосходный вид на скалистое

побережье в обрамлении гостиничного парка. Выйдя на балкон, он сорвал розочку и сделал себе бутоньерку. Потом уселся за письменный стол, выдвинул ящик, переставил тяжелую стеклянную пепельницу.

Итальянец не заставил себя ждать. Он чуть прихрамывал, был седовлас и учтив. На нем была мягкая фетровая шляпа, модельная рубашка в крепированную полоску и миланский спортивный пиджак. Ансамбль завершал изящный кожаный кейс от Хьюго Босса.

— Мистер Сарлинц?

— Si? — Старлиц приподнялся в кресле. Итальянец подал ему визитную карточку.

— Я представляю охранное агентство. Мы — специалисты по безопасности с международной известностью…

— Присаживайтесь, — предложил Старлиц, изучив карточку и убрав ее в стол. — Сигарету, синьор Патриарка?

— Нет, благодарю. — Гость вежливо откашлялся. — Пришлось бросить.

— У вас, видимо, не найдется зажигалки?

— Увы.

Старлиц обыскал ящики стола, нашел спички с эмблемой отеля «Меридиен» и с наслаждением закурил.

— Какую помощь вам может оказать «Большая Семерка»?

Синьор Патриарка переместился на краешек кресла.

— В гастрольных поездках случается всякое. Будет досадно, если с вашей труппой произойдет неприятность. Но мы можем вам помочь. Мы можем избавить вас от проблем с безопасностью.

Старлиц выпустил дым и почесал затылок.

— Значит, вы предлагаете нам kryisha?

— Что?!

— Kryisha. Ну, tambovskaya kryisha.

— Это, кажется, по-русски? Я не владею этим языком.

Старлиц радушно улыбнулся.

— Простите, я как-то привык, что охранным вымогательством занимаются русские. Кто же предлагает нам помощь? «Ндрангета»?

— Это калабрийцы! — фыркнул Патриарка.

— Значит, «Каморра»?

— Корсиканцы!

От ужасной догадки Старлиц шутовски вытаращил глаза.

— Неужели вы из сицилийской мафии?

— Мы никогда не употребляем слово мафия, — с достоинством возразил Патриарка. — Это устаревшее, некрасивое слово, его придумала полиция. Мы — бизнесмены, люди чести.

Мы владеем ресторанами, судоходными и строительными компаниями. Кроме того, у нас разработана превосходная страховочная схема — как раз для вас.

— Что вы говорите! Правда? Не могу поверить. Минуточку. Я должен связаться с деловым партнером. — Старлиц набрал номер пентхауса, сказал несколько слов кому-то из людей Озбея и услышал его голос.

— Легги! — Хрипота Озбея свидетельствовала о тяжком похмелье. — Как я рад твоему возвращению! Я уже начал тревожиться.

— Мехметкик, ты не поверишь тому, что я тебе сейчас скажу! Ко мне наведался боец сицилийской мафии. Он сидит сейчас прямо передо мной.

— Сицилийская мафия на турецком Кипре? — с сомнением спросил Озбей. — Ты шутишь?

— Нет, дружище, я серьезно. Не какая-нибудь турецкая или русская мафия, а солидная, в лучших традициях сицилийская. Сидит передо мной и занимается вымогательством.

— Поразительно! — воскликнул Озбей. — Я должен сам на него взглянуть. — Озбей пережил долгую, полную событий утомительную ночь, но открывшаяся перспектива придала ему сил.

Старлиц повесил трубку.

— Мой партнер хочет обсудить ваше предложение.

— Он принесет деньги?

— Деньги? Непременно! Он, не поверите, до чего это состоятельный человек. В его собственности есть даже банки.

Старлиц стряхнул пепел. В следующую секунду дверь распахнулась, матовое стекло вылетело и разбилось. В кабинет ворвались трое громил Озбея, вооруженные израильскими автоматами «узи». Они запыхались от стремительного штурма лестницы, но от их злобного оскала, предназначенного Патриарке, душный воздух кабинета кристаллизовался и похоронно зазвенел.

Дрей сделал правой рукой знак, знакомый бандитам всего света: средний и безымянный пальцы сложил с большим, изобразив вытянутую морду, а указательный и мизинец превратились в выразительные волчьи уши. Под испытующим взглядом Дрея Патриарка побледнел и от ужаса вобрал голову в плечи. Али тяжело выступил вперед и ударил Патриарку по голове. Тот свалился с кресла. Трое турок вволю попинали его ногами и разоружили: один изящный пистолет обнаружился у сицилийца за ремнем, другой — под мышкой. Дрей проверил его пульс, после чего пинки возобновились.

Приехавший на лифте Озбей снисходительно пожурил по-турецки своих громил.

— Прости за стекло в двери, Легги, — сказал он.

— Тургут Алтимбасак все поправит.

— Господина Алтимбасака больше нет с нами. Он получил более высокое назначение. А мы все равно скоро покинем Кипр. — Вспомнив про распростертого Патриарку, Озбей перешагнул через него, потрогал носком лучезарного ботинка. — Подумать только, сицилийская мафия! — Он покачал головой. — Старый уставший человек. Как он слаб! Какой позор! Печально. — Озбей поднял голову и сверкнул карими глазами. — Очень печально!

Ночью исчез менеджер отеля. Хохлова тоже не удавалось отыскать.

Той же ночью высадилась новая бригада турецких специалистов отельного бизнеса из Стамбула. Судя по страшному шуму, они тут же принялись за переоборудование казино. Прежний персонал из киприотов это вторжение повергло в растерянность и тоску. Они только и могли, что скакать, как кролики, из номера в номер, из одного крыла в другое.

Старлиц воспользовался суматохой и переселился в превосходные апартаменты на втором этаже, с окнами на море, а потом позвонил оператору, чтобы ему переключили телефон. Выполнить его просьбу оказалось некому. Вместо этого Старлицу пришлось общаться со сломанной голосовой почтой отеля. Сначала он выслушал вступительную трескотню по-турецки, затем — бессмысленную, но все равно до обморока пугающую мешанину, которой его попотчевал женский голос, похожий на глас самой судьбы. Он не услышал ни одного приятного слова — сплошь тьма, грязь, дым, даже кости. Перед спасительным завершающим щелчком ему послышалось слово «Легги».

Старлиц бросил трубку и уставился на свои дрожащие руки. Его парализовал ужас. Ему виделся указующий перст из будущего, не сулящий ничего хорошего. Спасения не было, отсрочка истекала.

Когда паралич прошел, Старлиц беспокойно забегал по отелю. Миссис Росс коренным образом меняла свой облик и была еще недосягаема, остальные девушки проявляли нетерпение. Они успели обгореть на кипрских пляжах, как спички, и теперь им хотелось на сцену. Они уже собрали вещи для отправки в аэропорт, их истеричные поклонницы повели традиционную борьбу за места, с которых можно будет разглядеть, кто сидит в лимузине рядом со звездой. Первыми в путь отправились звукооператоры и осветители: они уже размещались в

стамбульском отеле «Стадион» и вели склочные разговоры по мобильным телефонам, требуя пятидесятиамперные лампы и прочую дребедень.

Озбей находился в прекрасной форме. Пентхаус остался в его распоряжении. Этажом ниже размещались многочисленные турецкие телевизионщики.

В вестибюле решалась судьба остальных постояльцев «Меридиена». Решалась она вполне благополучно: новые владельцы не требовали от них уплаты по прежним счетам, проявляя щедрость, показавшуюся Старлицу зловещей.

Скрежеща зубами, он возвратился в свой пустой кабинет. Ни Хохлова, ни Виктора. Ответов тоже не было. Времени оставалось в обрез, он чувствовал возрастающую тяжесть, мешавшую двигаться.

Поборов себя, Старлиц выудил из своего бездонного бумажника щегольскую визитную карточку и набрал указанный на ней номер. Ему ответила по-японски одна из очаровательных служащих эксцентричного миллионера. Он попросил соединить его с Макото.

— Как делишки, Регги? — спросил Макото. — Есть хороший новость?

Английскому языку Макото нельзя было не удивляться. Грамматикой он владел нетвердо, зато выговор у него был в самый раз для американской поп-сцены. При помощи дешевой гитары он без труда перехрипел бы Роберта Джонсона [17]. Его ноткам одиночества и хронического насморка позавидовал бы Джимми Роджерс. Своим гавайским фальцетом он запросто заткнул бы за пояс Брадду Иза [18]. Макото ничего не стоило назвать Легги «Легги», но он звал его по старинке «Регги».

— Хороших новостей нет, Макото, есть проблема. Крупная проблема. Я это нюхом чую. У вас не происходит каких-нибудь гадостей? Крупное землетрясение, нервно-паралитический газ в подземке, что-нибудь в этом роде?

— Нет, нет! Здесь прекрасно все.

— Так и я думал. — Старлиц изучал новый вид за окном, качающиеся верхушки пальм. — Мне пора платить по счетам.

— Деньги — проблема. Не волнуйся из-за деньги! Потому что мы друзья.

— Дело не в деньгах. Все не так просто.

— Талант — проблема. Я пошлю тебе новую Японку. Кто-то симпатичный. Я все время твержу тебе, Регги: нанимай настоящих музыкантов! Плати меру. Это проще.

— С девчонками все в порядке. С выступлениями тоже. Тут все дело в… — Старлиц вздохнул. — В личной проблеме.

Последовало продолжительное молчание. Макото был поражен.

— Но ты же Регги! — запротестовал он наконец. — У тебя нет личного. Совсем ничего личного!

— Обычно нет. Но сейчас необычные времена. Конец эпохи. Что-то вроде моей персональной «проблемы Y2K». Она принимает угрожающие размеры.

Макото присвистнул.

— Даже не знаю, что на это сказать…

— Все слишком серьезно. Я даже не уверен, что вытяну. Возможно, мне придется взять что-то вроде отпуска.

— Отпуск? Что это такое?. Такого нет в нашем договоре, Регги.

— Знаю, потому и звоню. Ты хозяин, я работник. Работнику потребовался отпуск, понимаешь? Личное время. Ты не возражаешь?

— О'кей! Нет проблем! Приезжай на Кауаи. Здесь хороший отдых. Песок танцевать на пляже. Барбара

берет уроки танец хулу. Барбара любить Гавайи, я люблю Барбару, так что это прекрасный тихоокеанский рай.

— Позже. Я помню нашу с тобой партию в китайское домино на Гуаме. «Большая Семерка» — это одно, наше пари — другое. Я ему верен.

— Конечно, ты верен наш пари, — проворковал Макото. — Ты мой друг, ты честный.

— Это точно.

— Зачем беспокойство? Ты слишком беспокоиться.

— Есть из-за чего, — пробормотал Старлиц. — Мне надо было раньше опомниться. Я забыл про время.

— Человек не может против нашей музыки, — пропел Макото жутковатым голосом. — Если ты верить в магию, в молодое сердце девочки…

— Правильно, Макото. Каждому свое.

— Ты позвонить мне снова, когда ты больше в себе, позитивно правильный. — И Макото повесил трубку.

Старлиц позвонил в pansiyon в Лефкосе, чтобы выяснить, пережил ли Виктор ночь. Ему пришлось долго и без всякого толка препираться с молоденькой проституткой из Белоруссии, родителей которой упек в тюрьму режим Лукашенко. Такого забавного русского акцента, как у нее, Старлиц никогда еще не слышал, но никакого Виктора Билибина она не знала и не нашла никого, кто бы о нем слыхал. С Хохловым тоже произошло что-то непонятное: за ним больше не числилось номера в «Меридиене», даже в книге постояльцев не осталось его имени. Хохлов

растворился в турецком Кипре.

Чувство надвигающейся беды стало еще острее. Старлиц нашел убежище в гостиничном баре, где заказал двойной «Гленморэнджи» с добавлением портвейна и купил две пачки красного «Данхилла». Похлопав себя по карманам, он не обнаружил спичек.

— Прошу. — Туристка в африканском балахоне щелкнула перед его носом зажигалкой.

— Спасибо. — Он блаженно затянулся и взглянул на благодетельницу. — Господи!..

Женщина поспешно убрала за железную дужку очков светлую с проседью прядь волос.

— Я так сильно изменилась, Легги? Ты меня даже не узнал.

— Что ты, Вана! — заученно солгал Старлиц. — Ты превосходно выглядишь.

Вана невесело хмыкнула во влажную салфетку.

— Какой же ты мастер вранья!

— Когда ты приехала?

— Сегодня утром. Я была в Будапеште. Пыталась прийти в себя с помощью подружек из листа «Faces». Но тебе лучше этого не знать.

— Предположим.

Старлиц был рад увильнуть от уточнений и знай себе цедил виски. Ситуация понемногу прояснялась. Она обрушивалась на него с сокрушительной силой, придавливала к земле лавиной старых номеров «Ms.» и «Плейбоя».

По подавленному, безрадостному виду Ваны он понял, что последние события оказались еще хуже, чем он мог вообразить. Он уже чувствовал, как рушится все, ради чего он столько трудился, как сама его жизнь сходит с рельсов. Но по крайней мере Вана была узнаваема, она была действующим параметром среди хаоса, и это успокаивало. Он больше не паниковал, он был готов разбираться с последствиями краха.

— Они киберфеминистки, — продолжила Вана.

— Я в последнее время отстал от событий, — пожаловался Старлиц. — Дела и все такое прочее…

— Могу себе представить. — Вана выцедила из стакана остававшийся среди льда бренди и постучала по стойке зажигалкой. — Эй, мистер Турок! Налейте-ка мне еще вашего туристического пойла! Только сделайте послаще.

Бармен нахмурился. В его местной версии реальности женщины не заказывали себе выпивку, уж по крайней мере этого не делали раньше испуганные хиппи с Западного побережья с мешками под глазами, с лишними шестьюдесятью фунтами веса,

в брюках в обтяжку. Старлиц поспешил сделать понятное во всем мире движение большим и указательным пальцами, обозначающее плату, и постучал себя по груди. Бармен нехотя кивнул.

— Ну, как живется в раскольнической коммуне? — спросил Старлиц, забирая сдачу и стряхивая пепел.

— Уже никак. С нами разделались.

— Серьезно? С вашими-то связями в Белом доме? Как это могло произойти?

— Очень просто. Нас разметали, как кегли в боулинге. Мы торговали «виагрой» в Интернете. Не пойму, зачем мы бросили RU-486 [19] и стали заниматься виагрой. Этим глупым сучкам в центральном комитете вдруг захотелось прибылей. Когда Движение становится жадным до денег, пиши пропало. — Унылое лицо Ваны еще больше погрустнело, сквозь ее очки стало видно, что она готова пустить слезу.

— Брось, Вана, — утешительно произнес Старлиц. — Даже Клинтон пострадал от сексуального скандала. Это делает вам честь.

— Не хочу больше об этом говорить. Кончено, ушло. — Вана передернула плечами и закурила сигарету с мерзким гвоздичным запахом. — Слушай, ты действительно знаком с русским по фамилии Хохлов? У него еще свой самолет.

— Не знал, что Хохлов — владелец собственного самолета. А самого Хохлова я действительно знаю.

— Это он меня сюда доставил. Ну и самолет у этого русского — свихнуться можно! Приземлился на пляже, представляешь? Он сказал, что войти в отель не может, потому что здесь его хотят убить.

— Сейчас наша группа выселяется из отеля, — молвил Старлиц, не комментируя только что услышанное. — Нам предстоит выступление в Стамбуле.

— Эта твоя группа… Никак не возьму в толк: ты — импресарио девичьей группы… Кто бы мог подумать! — Она выдохнула струю вонючего дыма в сторону бармена, и тот опасливо посторонился. — Тебя что, тоже хотят убить?

— Меня — нет. Я ведь не русский.

— Допустим. — Вана отпила добрую половину своего коктейля и заерзала на табурете, осматривая Старлица с головы до ног. — Как я погляжу, ты процветаешь. Даже одеваешься приличнее, чем раньше. Одни штиблеты чего стоят!

— Я купил их в Цюрихе. Хочешь поесть, Вана? На Кипре превосходно кормят. Тут даже при желании не найдешь несъедобной отравы.

Вана ничего не ответила, если не считать ответом огромную слезу, медленно сползшую по ее щеке. Старлиц решительно привлек внимание бармена и заказал закусок в надежде, что кухня в «Меридиене» работает по-прежнему. Вана медленно опустила непричесанную седеющую голову. То ли она захмелела, то ли мучилась от резкой перемены часового пояса. Старлиц с осторожностью, больше подходящей заклинателю змей, дотронулся до ее ключицы и удостоверился, что перед ним человек из плоти и крови. Вана побывала в передряге, но осталась его Ваной.

— Сколько времени мы с тобой не встречались? — спросил Старлиц. — Уже лет десять?

— Бери больше, все тринадцать, — ответила она, глядя на него затуманенным взглядом.

— Ладно, выкладывай. Отведи душу.

Вана подкрепилась новым глотком коктейля.

— В общем, когда наш комитет развалился, у нас с Джуди вышла идеологическая размолвка…

— Крупно полаялись.

— Ну да. Под Джуди как раз подкапывались за торговлю наркотой, вот она и решила перебраться на время туда, куда не дотянутся щупальца этого злобного глобального неолиберального капитализма.

— В Югославию?

— Нет.

—Ливан? Парагвай? Беларусь? Йемен? Чечня?

— Да заткнись ты! В Западную Африку, дурень. В рамках кампании по борьбе с увечьями.

— Понятно, — кивнул Старлиц. — Женское занятие. Как я сразу не догадался?

— В общем, Джуди якшалась там с цветными сестрами, поднимая уровень их самосознания. Казалось, ее труд приносит плоды, пока речь не зашла о главном…

— Ее сцапала полиция?

— Нет, сами женщины. Она осмелилась прочесть им лекцию о здоровье, об анатомии женщины. Их это так потрясло, что они отдубасили ее швабрами и половниками.

— Скажите пожалуйста!

— Ей крепко досталось, Легс. Мне пришлось обратиться в американское посольство, чтобы ее эвакуировали оттуда на самолете. Когда полицейские из отдела борьбы с наркотиками увидели, в каком она состоянии, они отказались от всех предъявленных ей обвинений. Бедняжка до сих пор в клинике в Портленде, пытается ходить. — Вана всхлипнула.

— Когда это произошло?

— Три месяца назад.

— Целых три месяца! Почему ты не позвонила мне?

— Потому что мы не должны от тебя зависеть, — пробормотала она сквозь слезы. — Ты сам это знаешь.

— Причем тут зависимость? — повысил голос Старлиц. — Просто теперь у меня такая куча денег, что ты не поверишь! Я тут заправляю такими делами! Я мог бы накупить ей сто тонн пластырей.

Вана сморщилась.

— Пожалей меня, на меня столько всего навалилось, что я не выдержу! Ты не представляешь, какая Джуди теперь. Она — воплощение горечи. Она совершенно не способна гнуться.

— С таким характером она не переживет Y2K.

— Только не грузи меня этой чушью! Меня уже тошнит от проблемы Y2K! Я прочла пятьдесят мегабайт досье CERT [20] об ошибках UNIX, связанных с этой датой. Кончилось это тем, что сгорел мой глупый Windows. — Она нетрезво пошарила под стойкой, достала вязаную гватемальскую сумку и показала новенький спутниковый телефон размером с ее предплечье. — Теперь у меня вот эта — крутющая «Моторола-Иридиум».

— Черт! — Старлиц разинул рот от удивления. — Таких я еще не видал.

— Мгновенный всемирный доступ! — провозгласила Вана, отважно смахивая слезы. — Глобальная связь, с тем светом тоже.

— Да, вот это новинка так новинка! Штука не из этого столетия.

— Одна минута соединения обходится в шесть долларов, — гордо сообщила она. — Если платить, конечно. К ним же подсоединяются жулики.

— А как же!

Старлиц пожирал глазами спутниковый телефон. Это был предмет из будущего. Возможно, они заложили слишком крутой вираж и потерпят поражение, но эта штуковина выглядела предвестницей будущего, ископаемым из предстоящих времен. Старлиц испытал сильное побуждение схватить ее, погладить, может, даже укусить, но сдержался. Вана неверно истолковала бы такой поступок.

Из кухни принесли еду. Вана, судя по ее виду, уже измучилась от голода. Лимонный коктейль при своем невинном виде разил кипрским горным козлом и лягал с соответствующей силой.

— А русского юношу Виктора ты знаешь? — спросила Вана, с невинным видом поливая салат оливковым маслом. — Он похож

на любителя наркотиков и «рейва»… — Она запнулась и блаженно простонала: — Как вкусно!

— Да, я знаю Виктора.

— И как он тебе?

— Себе на уме. Сообразительный паренек. Хохлов и Виктор умнее, чем кажутся. Ни к чему не пригодны, но настоящие русские — очень способные.

— Я общалась со славянскими киберфеминистками, — сообщила Вана, жмурясь от наслаждения. — Русские теперь занимаются странными делами. В Петербурге есть сестры, которые дадут фору любым теоретикам Движения.

— Мне нравятся русские. Просто в двадцатом веке им здорово досталось.

Вана облизала ложку и с энтузиазмом взялась за капустную долму.

— Этот Хохлов оказал мне большую услугу — увернулся от радара. Документы у меня не совсем в порядке, так что… Но мне пришлось оставить Зету с ними обоими.

— Кого оставить?..

— Зету. Зенобию. Зенобия Боадиция Гипатия Мак-миллен — наша дочь, понял?

Старлиц лишился дара речи.

— Ты привезла ребенка сюда? — выдавил он.

— Да. Наша дочь болтается по Кипру с твоими русскими приятелями. Надеюсь, они не причинят ей зла.

В его мыслительный горизонт ударила ослепительная молния, и его мир наполнился новой, дикой ясностью.

— Проклятие, Вана! Дочь… Я никогда не слышал ее полного имени. Зенобия — это мне еще знакомо, но я не знал, что твоя фамилия — Макмиллен.

Она выразительно пожала плечами.

— В свидетельстве о рождении обязательно должна стоять какая-то фамилия.

— Ты сказала, что ее полное имя Зенобия Боадиция Гипатия Макмиллен? Штат Орегон на такое согласился?

— Представь себе.

— Какое же в таком случае твое полное имя? — поинтересовался Старлиц, поразмыслив.

— Можешь по-прежнему звать меня Вана. — Она затушила свою зловонную гвоздичную сигарету, чтобы есть обеими руками. — Я привыкла. Меня все так называют.

Старлиц изумленно качал головой.

— Не могу поверить, что ты изменила себе и привезла девочку, чтобы познакомить ее со мной.

— Просто я сломалась, — призналась Вана со вздохом.

— Ей уже десять лет?

— Одиннадцать. Только не обвиняй в этом меня! Я всегда была сторонницей того, чтобы познакомить Зету с ее отцом. Но Джуди была категорически против. А теперь… Наш шабаш ведьм меня возненавидел. Мой брак с Джуди рухнул. Дома меня сторожат легавые из отдела наркотиков. Все летит в тартарары. Огромные медицинские счета и никакой крыши над головой. Плюс ко всему — клиническая депрессия. Ты только погляди, как я разжирела, как постарела! — Вана сорвалась на тихий визг. — Я сижу на таблетках, у меня сердечная недостаточность. Собственная дочь меня не выносит! У нее пятьдесят семь истерических приступов за день, и все из-за тебя и твоей дурацкой группы! Зета окончательно сведет меня с ума.

Старлиц оторвался от нутовой подливки.

— Ты хочешь сказать, что Зета — поклонница «Большой Семерки»?

— Совершенно оголтелая! — Вана чуть не раздавила в руке стакан. — Я ничего не могу поделать, Легги. Ни с ней, ни с собой. Это какой-то конец света!

Старлиц побарабанил пальцами по стойке.

— Вот, значит, как? А я? Мы не виделись много лет. Со мной ты сумела бы справиться?

— Понятия не имею, — отозвалась Вана сопя. — Но это неважно. Ты — все, что у меня осталось. — Она улыбнулась сквозь слезы. — Ты моя последняя надежда, Оби ван Кеноби.

— Я рад тебя повидать, Вана, — честно сказал Старлиц. — Ты отлично выглядишь.

— Брось, я знаю, какой у меня ужасный вид. Хуже не бывает. Но я это заслужила. Ты даже не представляешь, что мне пришлось пережить.

— Просто ты перенапряглась, — тихо проговорил Старлиц. — Пора переключить скорость. Перевалить через весь этот миллениум и собрать осколки своей жизни в целую картину.

— Я пыталась. На самом деле! Все напрасно. Становится только хуже.

— В этот раз ты угодила в правильное место. В этом отеле есть неплохие номера. Например, мой. К тому же для меня здесь все бесплатно.

— Неужели? — Вана рассеянно рассматривала тающий лед на дне стакана.

— Знаешь что, давай поднимемся ко мне в номер. Прямо сейчас. Побарахтаемся в стогу, так сказать.

Вана чуть не подавилась. Поставив стакан, она вытаращила

красные глаза.

— Ты выжил из ума? Кому ты это предлагаешь?

— А что такого? Идем!

— Я лесбиянка!

— Ну, один раз за двенадцать лет — это не смертельно. Держу пари, ты не занималась ничем таким уже больше трех месяцев.

— Больше трех лет…

— Тем более. Гляди, мы с тобой пьяны, настроение подходящее, у меня хороший номер. Мы все-таки какая-никакая семья, у нас есть общее прошлое. Вспомним старое!

Они враскачку добрели до его номера и с немалыми трудностями, отдавая должное возрасту, осуществили соитие.

— Здорово! — пропыхтел Старлиц, скатываясь с нее и отдуваясь. Закрывшись в ванной, он избавился от турецкого резинового изделия. Рев туалетного бачка пробудил Вану к жизни.

— Дай сигарету! — простонала она. — У тебя найдется аспирин?

— У меня есть золофт! — крикнул Старлиц.

— Еще лучше.

Старлиц достал из холодильника бутылку турецкой минеральной воды и пакет с разноцветными упаковками транквилизаторов. Выковыряв из одной таблетку, он принес Ване ее и бутылку. Она положила таблетку на язык и разом выпила полбутылки. Устало выбравшись из-под простыни, они скрестила посреди развороченной кровати целлюлитные ноги, не стесняясь потрескавшихся пяток.

— Господи, у меня такое чувство, словно меня возили по полу.

— Ничего страшного. Подумаешь, всего лишь ты да я.

— Не могу поверить, что я это сделала. Зачем я согласилась? Никогда больше себе этого не позволю!

— Подожди еще двенадцать лет, потом и говори.

— Тебя не затруднит надеть штаны? — взмолилась она.

— Не затруднит.

— И рубашку. Не обижайся.

— И не подумаю. — Старлиц, довольно посвистывая, натянул просторные трусы. — Я чувствую себя помолодевшим, — сообщил он, ныряя в костюмные брюки. — Как следует поддать и потрахаться — вот то, что мне требовалось. Такое ощущение, что вернулся 1977 год.

— Тебе понравилось? — недоверчиво спросила Вана.

— Очень. Жить хорошо.

— Если хотя бы одному из нас полегчало, значит, это был не напрасный труд.

— Еще бы! Как же иначе? Секс творит чудеса во всем мире.

Вана допила воду и уронила бутылку.

— Честно говоря, лично я ничего чудесного в этом не обнаружила, но… Возможно, ты прав. Наверное, благодаря тебе я ударилась о дно. Хуже уже не может быть. У меня ощущение полной опустошенности.

— Брось, ты выглядишь роскошно. Неземной вид!

— Нашел, что сказать! — подозрительно прошипела Вана и закусила нижнюю губу. — Помнишь безумный секс втроем в гамаке? Говорят, это меняет судьбу. Мою это точно изменило.

— Вот и сейчас то же самое.

Вана поднялась и побрела в ванную. Сначала она отвернула кран, потом посмотрела на себя в зеркало — и вскрикнула.

— Боже! Что со мной?

— Просветление. Внутреннее свечение.

— У меня кожа стала прозрачной… Я похожа на матовую лампочку.

— Влияние средиземноморского солнца, — заверил ее Старлиц как ни в чем не бывало. — Недаром Кипр — родина богини Афродиты. Естественный вид, веяние нового века. Красота!

— Кажется, подкралась моя смерть… Может, это от сочетания выпивки и лекарства? Неужели я сейчас окочурюсь? Лучше лечь.

Еле передвигая ноги от испуга, Вана доползла до постели и рухнула. Несколько минут из-под несвежих простыней доносилось тяжелое дыхание и беспокойное ерзанье. Старлиц тем временем, беззаботно напевая, причесался и повязал галстук.

Потом наружу высунулась всклокоченная голова Ваны. Совершенно новый голос позвал:

— Легс?

— Что?

— Я должна кое-что тебе сказать о Зете. Я решила оставить ее с тобой.

— Я так и думал, — отозвался Старлиц, не оборачиваясь. — Другого и не ждал. Ведь эта девочка… В общем, это единственное сделанное мной в двадцатом веке, от чего мне не откреститься.

— То есть?

— В том, что она объявилась в самый канун Y2K, есть бездна смысла. Ведь она — последствие, которое меня переживет. От нее мне не увильнуть и не отказаться. Не уползти и не отпрыгнуть. Раз я собираюсь быть самим собой, значит, надо смотреть правде в глаза. Я должен пройти насквозь и выйти с другой стороны.

— Послушай, я ее мать, и я ее люблю. Но у Зеты большие странности. — Старлиц промолчал. — И вовсе не в хорошем смысле. То есть иногда она бывает мила, но чаще это какой-то полтергейст.

— Одиннадцать лет, что ты хочешь? Наверное, обожает лошадей и прочую живность, безобразно ведет себя за столом? — Старлиц решил, что бритье благополучно завершено, и сполоснул бритвенный станок.

— Если бы! — вздохнула Вана. — Как тебе полеты из окна четвертого этажа? Телевизор, ломающийся от одного ее взгляда? И все такое прочее.

Старлиц махнул рукой, обросшей пеной для бритья.

— Дети вечно придумывает разные сверхъестественные чудеса. Они же умницы.

— Что толку разговаривать с тобой? — бессильно простонала Вана. — Ты последний, кто поймет, насколько это серьезно. Но я по крайней мере попробовала. Не забывай эту мою попытку.

— Ты права, детка, — проговорил Старлиц, внимательно разглядывая в зеркале свою выбритую физиономию. — Чем меньше болтать, тем лучше.

— Только бы она ничего не натворила с этими беднягами русскими! После полета она была сама не своя.

— Эти парни у меня на содержании. Они с ней справятся.

— Пускай попробуют. А я сдаюсь! — заявила Вана. — Так и знай: сдаюсь! — Она села в кровати. —

Я устала от тревог. Больше так не могу! Я забрела в тупик. — Неожиданно она улыбнулась.

— Видишь, тебе полегчало, — сказал Старлиц, по-прежнему не оборачиваясь.

— Я тебе скажу, что я надумала. У меня родился новый план. Целая новая программа. Пока я тут отдавала Богу душу, придавив лицо этой поганой подушкой, меня осенило.

— Поделись мыслями.

— Я отправлюсь в Канаду, на остров Ванкувер. Я там знаю секту колдунов. Славные люди! Живут в шалашах на деревьях. Займусь с ними травоедением и йогой. Йога и йогурты — вот спасение! Буду вставать вместе с солнцем и питаться вареными овощами. Так ко мне вернется здоровье.

Старлиц одобрительно кивал.

— Крепкое повествование!

— Это будет самоочищением! — От воодушевления голос Ваны креп с каждой секундой. — В унитаз антидепрессанты!

— Туда им и дорога.

— Конец сидению с чужими детьми и драмам слюнявого инь.

К черту лазание по Интернету! Лучше штудировать «Бхагаватгиту» и каждый день грести на байдарке. Перестройка чакр — вот что мне требуется. Наступление Y2K мы отметим плясками вокруг здоровенного тотемного шеста.

— Потрясающе! То, что доктор прописал. Вперед и с песней! Нащупай свою внутреннюю сущность и больше не выпускай.

— Думаешь, у меня получится? Я миную рубеж Y2K?

— Как пить дать! — заверил ее Старлиц. — Великолепная идея, именно то, что тебе требуется. Кстати, не отдашь мне свой спутниковый телефон?

— Не отдам, — сказала Вана, поразмыслив.

Старлиц нашел Хохлова и Зету в Гирне, в портовом клубе «Кокни». Они устроились за столиком на террасе, под большим потрепанным зонтиком, и уплетали жареную рыбу с картошкой.

Вокруг них насыщались пенсионеры-британцы. Человек десять — пятнадцать пожилых людей развалились тут же в шезлонгах, нежась в воображаемой старческой стране Шангри-Ла. Хохлов, похожий сейчас на добродушного дядюшку, передавал девчонке стодолларовые купюры, вытягивая их по одной из перехваченной резинкой толстой пачки.

На Зете была дешевенькая матроска, волосы были заплетены во французскую косу. Увидев ее, Старлиц замер, испытывая совершенно новое ощущение. Это было чувство колоссального могущества, способного творить чудеса. Она не очень-то походила на него: длинные руки и ноги, светлая кожа, вся в Вану. Но когда она изогнула шею, ловя ртом длинный золотистый картофельный ломтик, Старлиц убедился, что голова у нее посажена точно так же, как у него, на диво крепко, и имеет ту же форму пушечного ядра. Этого хватило для прилива гордости: за столиком восседало его изделие.

Он подошел ближе. Зета рассматривала передаваемые Хохловым купюры и складывала их двумя аккуратными стопками.

— Эта не годится, — решала она. — Эта туда-сюда… А это что за кошмар? — Она подняла за уголок поддельную купюру и скорчила гримасу. — Что за балбес ее нарисовал?

Хохлов поманил Старлица к столу.

— Не отвлекай ее, чтобы не сбилась со счета! — попросил он по-русски. — У нее настоящий талант!

Старлиц опустился в белое пластмассовое кресло. Он еще не придумал, что сказать. Раньше ему не

приходилось иметь дело с людьми, наделенными такими свойствами, как у Зеты, и он пребывал в растерянности.

— Откуда у тебя столько подделок? — спросил он наконец по-русски.

— От одного литовца. Он мне заплатил за отмывание наличности на Кипре.

— Я думал, что литовцы овладели искусством подделки американских денег.

— Этот литовец — русский по происхождению.

— Тогда другое дело.

Зета дружелюбно улыбнулась Старлицу, показав по-детски неровные зубы.

— Привет, мистер!

— Хелло.

— Вы говорите по-английски?

— Говорю.

— А неправильные деньги у вас есть? Давайте мне, я умею отличать их от правильных.

— Молодец! — послушно похвалил ее Старлиц. — Полезный навык.

Хохлов усмехнулся. На нем были итальянские авиаторские очки, кремовый льняной костюмчик, щегольская соломенная шляпа. Даже его морщинистые щеки порозовели.

День был неистощим на новизну. Впервые, сидя за шатким столиком, Старлиц увидел красоту маленькой гавани Гирны, залитой солнцем и полной кокетливых яхт. В таком местечке можно было примириться со всей враждебной вселенной.

— Глазам своим не верю! — сказал вдруг Хохлов, словно уловил его мысли. — Никогда тебя не видел таким.

— Каким?

— Счастливым!

Старлиц ничего не ответил, но мысленно согласился. Именно так называлось это непрошеное чувство фантастического, преобразившего его всесилия. Неведомое ощущение, зовущееся простой человеческой радостью. Хохлов сказал правду: Старлиц был счастлив, счастлив и горд уже тем, что просто сидит рядом с родной дочерью. Он даже чувствовал, как меняет форму его лицо: на нем появилось совершенно несвойственное выражение.

Хохлов снял темные очки и улыбнулся.

— Неплохой сюрприз, верно, Леха?

— Не говори, сюрприз так сюрприз! Спасибо, Пулат Романович.

— Рассказать, как мне это удалось? — Хохлов самодовольно откинулся. — Вышла целая история — заслушаешься.

— Нет, не сейчас. Позволь, я просто ею полюбуюсь. Хохлов подозвал официанта.

— Пусть на минутку уберет всю эту зелень, — попросил Старлиц. — Хочу угостить тебя славным турецким пивком.

Зета послушно спрятала деньги в розовый виниловый рюкзачок корейского производства с эмблемой «Большой Семерки» — семью извивающимися в танце мультяшными фигурами с вытаращенными глазами. Страны Тихоокеанского бассейна исправно снабжали поклонниц предметами поклонения.

Зета отодвинула жареную корочку.

— Я ем только белое, — сообщила она.

— Тебе нравится группа «Большая Семерка»? Зета ретиво закивала, хлеща себя косичкой по шее.

— Первая и вторая мамаши покупают мне все их белые эмблемы.

— Никогда бы не подумал, что у тебя получится такая хорошенькая дочка, — признался по-русски

Хохлов. — Настоящая американская красотка! Знаешь, кого она мне напоминает? Помнишь детскую инициативу по укреплению мира?

— Перелет Матиаса Руста?

— Нет, не того свихнутого немца, а американскую девочку-пилота.

— Ту, что потом погибла в авиационной катастрофе? Забыл, как ее звали…

— И я забыл. — Хохлов вздохнул. «Холодная война», дело прошлого. — Он пристально посмотрел на Старлица. — Их надо беречь. Присматривать за ними, пока они у нас есть…

Официант принес две бутылки «Эфес Пилснер».

— Ты не голоден? — спросил Хохлов.

— Я перекусил в отеле, но… — Старлиц заглянул в меню. — Пожалуй, креветки. И бараньи отбивные. Пахлава у вас хорошая? Несите. У нас праздник.

Хохлов с наслаждением выпил холодного пива и, указав на рюкзачок Зеты, попросил ее на своем ломаном английском отдать деньги. Она протянула ему две аккуратные пачки — настоящие и поддельные доллары, потом приступила к проверке остальных, считая про себя.

— Чудесное дитя! — сказал довольный Хохлов. — Она покорила мое сердце. Как будет по-английски «это твой отец»?

— This is your father, — сказал Старлиц.

— Девочка, — молвил Хохлов важно, указывая пальцем на Старлица. — Зенобия! This is your father.

Зета подняла глаза.

— Это мой отец?!

— Да, Леха Старлиц — твой отец.

— Это правда? — спросила она, заглядывая Старлицу в глаза.

— Правда, Зенобия, я твой папа.

Зета кинулась к нему и обняла худыми руками за шею. Старлиц неловко похлопал ее по спине. Девочка была длинная и на удивление мускулистая. Хотелось сравнить ее с саженцем, бойко идущим в рост.

— Я очень рад нашему знакомству, Зета, — выдавил Старлиц, прокашлявшись. — Продолжай помогать дяде Пулату, а то у него все деньги разлетятся.

— Хорошо. — Она послушно села. — Дайте еще, дядя Пулат.

— Некоторое время мы с тобой побудем вместе, Зета, — сказал ей Старлиц чужим голосом. — Не возражаешь? Нам надо друг к другу привыкнуть.

— А я познакомлюсь с группой?

— Обязательно!

— Со всеми?

— Со всеми. Будут тебе и автографы, и майки. Ты заткнешь за пояс победительниц радиоконкурсов.

— Класс!!! — взвизгнула Зета.

— Мне пора обратно в отель, — сказал Старлиц по-русски. — Раздавать подзатыльники, подписывать счета, подгонять их всех со сборами. Вечно какой-нибудь кризис, вечно что-то не ладится… Хотя, знаешь что? Пусть все это катится подальше!

— Согласен.

— У меня есть дела поважнее. Никогда не видел ничего подобного. Она — чудо! Существо, появившееся на свет благодаря мне!

Хохлов вежливо подал Зете новую пачку купюр.

— Девушки очень хорошо выполняют мелкую работу, — сказал он. — Пора научить ее готовить. Начнем, пожалуй, с борща.

— Иди к черту, Хохлов! Что ты в этом смыслишь? У тебя же нет детей.

— Верно, и я безутешен. — Хохлов шмыгнул носом. — Мой никчемный племянник не в счет. Но до

этой минуты я ни разу не пожалел о том, что не стал отцом. Я никогда не был женат. Девушки были, конечно, и много… — Хохлов пренебрежительно пожал плечами. — Летчик сверхзвуковой авиации всегда на виду. Но подходящей женщины я так и не нашел.

— Говорят, найти подходящую женщину — редчайшая удача. Хочешь креветок? — Вопрос Старлица предназначался дочери.

— Хочу. То есть, наверное, нет. — Зета осторожно сняла с креветки панцирь, чтобы изучить цвет содержимого.

— Если честно, то я не очень-то и искал, — сознался Хохлов. — Однажды я сделал женщине предложение. Это была

богатая племянница Березовского… Я ей был не пара. Она, конечно, поступила мудро. К тому же она была еврейкой.

Старлиц наблюдал, как Зета пробует на вкус белый капустный лист.

— Я не женился на ее матери, — сообщил он.

— Неужели? Почему?

— Во-первых, их было целых две. Сразу две женщины в твоей постели — это, согласись, слишком ответственно.

Хохлов недоверчиво приподнял брови.

— Ты соблазнил сразу двух, Леха? Ты?

— Я! Точнее, это была не постель, а гамак. А они были лесбиянками.

— Папа! — позвала Зета тоненьким голоском.

— Что?

— Эй, папа!

— Что, Зета?

— Ты был когда-нибудь внутри его самолета? Там так классно!

— О чем она тебя спрашивает? — поинтересовался Хохлов.

— Я не знал, что у тебя здесь есть свой самолет, — сказал ему Старлиц.

— Не совсем мой, — ответил Хохлов, разглядывая пиво в бутылке. — Он принадлежит президенту Милошевичу.

— То есть югославским военно-воздушным силам?

— Нет, лично сербскому президенту. Знаешь, он себе на уме. Слободан Милошевич — великий человек, ему под силу изменить ход истории. Двадцатый век уже не рождает таких людей.

Старлиц задумчиво кивнул, пододвинул Зете креветки и принялся за аппетитные отбивные.

— Я слыхал, что его жена тоже незаурядная особа.

— Еще какая! — оживился Хохлов. — Мирьяна Маркович любит опасности. Она принадлежит к породе старых большевичек. — Он вздохнул. — Дело не в том, что я не люблю женщин. Я их очень ценю. Проблема во мне самом: я просто не в состоянии представить себя в роли мужа — скучного типа, не отрывающегося от газеты, отца семейства, каждое утро завтракающего одним и тем же за одним и тем же кухонным столом… Когда я с женщиной, мне хочется ее изумлять и не хочется ее возбуждать! Я корчу из себя голубоглазого героя со шрамом.

— Ты и есть такой герой, ас. Хохлов уже успел посерьезнеть.

— Однажды мне было откровение… Пожалуй, я тебе об этом расскажу, Леха. Мне хочется раскрыть душу. Для меня это важно. Это касается моей личной роли в мире, в истории славян… Дело

было на всемирном экономическом форуме в Давосе, в сказочных швейцарских горах. Ты будешь эти креветки?

— Угощайся, Пулат Романович. Тебе полезны белки.

— Я входил тогда в окружение Березовского. Он совещался с другими семью российскими банкирами о кампании по переизбранию Ельцина. Мне было поручено контролировать сборку секретного самолета для Милошевича на одной авиабазе в Швейцарии. Мы выпивали с Джорджем Соросом и его окружением. Ты знаком с этими людьми?

— Хиппи от масс-медиа, обслуживающие миллиардера-жулика? Куда же от них денешься! — вздохнул Старлиц.

— Они не совсем шпионы. Это сеть без государственной принадлежности. Они называют себя неправительственной организацией.

— Пост-правительственная организация.

— Вот именно. В общем, выпиваю я с сотрудником Сороса, одним из этих «экономических аналитиков», хлынувших к нам в страну, «англоговорящих воров». Вдруг его как понесет! Он изложил мне содержание документа, над которым работал. Документа о демографической ситуации в России.

— Могу себе представить!

— Вряд ли. Он такого мне наговорил… Ужас, не передать словами. Огромная смертность, минимальная рождаемость. Алкоголизм. Бегство за границу. Средняя продолжительность жизни русских мужчин — 57 лет, гораздо хуже, чем при царе. Мы наконец-то свободны, мы стали хозяевами своей судьбы — и занимаемся самоуничтожением.

— Это все натовские страшилки. Он морочил тебе голову, ас.

— Нет, он не врал. Он был пьян в дым и говорил как на духу. Через пять минут его вырвало. Нет, этот мелкий чиновник набросал мой собственный портрет. Это я слишком много пью, я граблю русский народ, я убиваю глупцов, встающих на пути у больших воров. А потом я покинул Россию, бросил родину. Я болтаюсь здесь, в чужой стране, хлещу на солнышке пиво и проворачиваю махинации, рискуя схлопотать от турок пулю.

Старлиц развел руками. Хохлов перевел затуманенный лиричный взгляд на Зету.

— Если бы у меня был ребенок, все сложилось бы по-другому. Теперь я понимаю: будь у меня в этой жизни настоящий якорь, будущее, а то и вся жизнь сложились бы по-другому.

— Возможно.

Взгляд Хохлова посуровел.

— С другой стороны, мне мешала бы мамаша… Господи, этого я совершенно не могу себе представить: быть пожизненно

прикованным к стареющей, дурнеющей, скучной бабе! Они мне нравятся хорошенькими и охочими, но потом они стареют, покрываются морщинами, у них непоправимо портится характер. Некоторые отчаянно пытаются обмануть свой возраст, как эта ужасная Динсмор из твоей труппы. Господи, что стало с женщиной, которую я любил! Какой кошмар!

— А мне нравятся уродливые женщины! — брякнул Старлиц.

— Серьезно?

— Да. Они созданы как раз для меня. Ведь я сам УРОД.

Хохлов вгляделся в него со смешанным выражением задумчивости и сострадания.

— Наверное, по большому счету, на низшем, животном уровне, в темноте, они все одинаковые…

— Нет, дружище, не в этом дело. Дело в выборе, диктуемом образом жизни. — Старлиц допил свое пиво. — У странников, как мы с тобой, обреченных на то, чтобы потерять счет своим женщинам, и ценящих это, не много способов расставаться с ними, не раня их чувства. Самый лучший способ — чтобы они, прощаясь с нами, думали: «Я могла бы получить все, что хочу, но мне мешает самоуважение». Ты понимаешь. У меня это всегда срабатывает.

— А почему не говорить им: «Оставляю тебя в комфорте и безопасности, а сам возвращаюсь к своей суровой жизни, полной риска?»

— Брось! Если их устраивает такой тип, как я, значит, они в отчаянии и заигрывают с бедой. Я и есть в их представлении беда.

— Папа! — позвала Зета.

— Что?

— Папа!

— Я тебя слушаю, Зета.

— Я сыта. Пойдем? Я хочу увидеть группу!

— Подожди минуточку. Может быть, тебе надо зайти в туалет?

— Вообще-то да.

— Так это вон там, — сказал Старлиц, показывая на дверь. — Проверь, чтобы у тебя в рюкзаке не осталось фальшивых денег. В отеле у меня найдется для тебя еще.

Зета весело отодвинула свое пластмассовое кресло и вприпрыжку убежала.

— Ты ей понравился, — сказал Хохлов.

— Дело не в этом. Просто ей осточертело жить с мамашей.

— Нет, ты ей понравился, я же вижу! Она даже на тебя похожа. Сначала я не заметил сходства. Но когда она вслушивается в наш разговор, пытаясь понять, о чем мы болтаем,

то становится похожа на смышленую обезьянку, то есть на тебя.

— Между прочим, где Виктор? — спросил Старлиц.

— Ах да, Виктор… — мрачно пробормотал Хохлов. С уходом Зеты у него испортилось настроение. Видно было, что ему становится все хуже, словно в нем открылась течь. Он достал из кармана пачку денег и стал пересчитывать их на колене.

— Виктор жив-здоров? — повторил Старлиц.

— Сейчас он находится вон в том замке. — Хохлов указал взглядом на крепость крестоносцев двенадцатого века на противоположной стороне гавани, так и просящуюся на открытку. — Наблюдает за нами в бинокль.

— С какой стати?

— Я велел ему следить за нами издалека. Но это не главное. Главное — его глупость. — Хохлов вздохнул. — Помнишь нашу первую встречу на пляже, когда мы получили электронные лампы? Так вот, их сначала было все-таки не девять, а десять. Но одну Виктор украл.

— Хорош! — фыркнул Старлиц.

— Потом он тайком продал ее тому самому музыканту из твоей группы за полторы тысячи долларов. — Хохлов махнул рукой. — Негодяй! С другой стороны, деньги мне пригодились: я смог вернуть самолет. Потом я занялся отмыванием денег для литовца и доставил твою знакомую вместе с дочерью. Мы вернулись на Кипр живыми и невредимыми, и я возвращаю тебе твои деньги. Здесь полторы тысячи.

— Виктор загнал лампу за полторы тысячи баксов?!

— Да! Я тоже сперва не поверил, что этот балда англичанин отвалил столько денег. Но западные музыканты — сплошь наркоманы, у них башка не варит.

Старлиц спрятал деньги.

— Советую заглянуть на аукционный интернет-сайт eBay точка com. Такие смекалистые ребята, как вы, могут наварить неплохие денежки на матрешках и кремлевских значках.

— Приношу извинения за проворовавшегося Виктора. Он сделал это, не спросив моего разрешения.

— Принимаю твои извинения, Пулат Романович. Считай, что вопрос снят.

Хохлов заметно повеселел.

— Ты его не пристрелишь? Я его предупредил, что ты вправе с ним разделаться.

— Не обещаю, что у меня никогда не появится желания прибить Виктора, но казнить его за одну украденную лампу я не собираюсь. У меня есть чувство собственного достоинства. К тому же в его возрасте я откалывал точно такие же номера. Я любил

облегчать магазинные полки — о, что это были за деньки! Тогда на товарах еще не было электронных штрих-кодов.

— Я очень тебе признателен, Леха. Не ожидал, что ты проявишь такое великодушие. С другой стороны, Виктор, конечно, бессовестный мошенник, но, по-моему, он уже берется за ум. После того как ты поселил его в борделе в Лефкосе, он словно переродился. — Хохлов снова впал в задумчивость. — Ты научил его, что к чему? Он разом повзрослел.

— Это точно.

— Хорошо, что ты проявил внимание к сыну моей сестры. Я ценю это. Я хотел тебя отблагодарить. Так, чтобы это было между нами, по-мужски, чтобы не выражалось в деньгах. — Хохлов продемонстрировал Старлицу свой чеканный профиль, изящно приподнял шляпу и сплюнул.

Вернулась Зета, надевающая рюкзак. В следующую секунду появился разыскивающий клиента таксист. Глядя на отдыхающих в шезлонгах британцев, он позвал:

— Мистер Хоклифф!

— Наверное, мистер Хоклифф — это я, — сказал Хохлов, поднимаясь и стряхивая с брюк крошки.

— Ты вызвал такси? — удивленно спросил Старлиц.

— Не я, а Виктор. У него новый мобильный телефон.

— Кажется, у этого паренька есть голова на плечах, — заключил Старлиц.

4

Старлиц сел вместе с дочерью на заднее сиденье и дал ей зубочистку и мятную конфетку. Хохлов сел рядом с таксистом.

— Эркан! — распорядился Старлиц.

— Почему в аэропорт? — удивился Хохлов.

— Чтобы успеть взглянуть на артисток до их отлета в Стамбул. Девочка хочет на них полюбоваться, — объяснил Старлиц с усмешкой и закурил.

Хохлов нахмурился и опустил стекло. Старлиц послушно затоптал сигарету на резиновом коврике. Они въехали в гору, оставив позади гавань. Несмотря на бесконечную засуху, перед ними расстилался прекрасный вид. Такси, прыгая на ухабах, покатило по пригородам Гирны, чтобы, миновав хребет, попасть на шоссе.

Предоставив Зете возможность исследовать с помощью зубочистки провал на месте выпавшего зуба, Старлиц продолжил по-русски беседу с Хохловым.

— Как я понял, у тебя возникли проблемы с ребятами Озбея в отеле.

— Возникли, — подтвердил Хохлов.

— У ребят Озбея чешутся руки.

— Чешутся.

— Как тебе удалось так их разозлить? Их и его? Я велел тебе за ним следить, а ты взял и улетел в Будапешт.

— Следить за Озбеем должны специалисты, — сказал Хохлов. — Я нашел для этого субподрядчика — турецкого коммуниста, ностальгирующего по КГБ.

Старлиц потрогал свой гладкий свежевыбритый подбородок.

— Разве тут существуют действующие коммунистические ячейки?

— Конечно! В Турции тысячи коммунистов. Здесь еще не кончились шестидесятые годы. Интернационалист, пролетарский революционер — это здесь заманчивая карьера. Я нашел этого коммуниста в радикальном левом движении «Девримчи Сол». Он так мало запросил, что я нанял его вместе со всей его партийной ячейкой. Поэтому за Озбеем следила целая коммунистическая организация. Их побуждала к этому идеология, но они не побрезговали и деньгами.

— Что дальше?

— Как много тебе хочется узнать? Поездка в аэропорт занимает двадцать минут.

— Откровенно говоря, знать слишком много я не хочу. Зачем

портить красоту сделки? — Старлиц поднял пухлые руки в знак покорности. — Все волшебство аферы вроде «Большой Семерки» — в изящном скольжении по самой поверхности, без всякого погружения. Излишнее вовлечение уродует картину.

— Хорошо. — Хохлов повернулся на ветхом сиденье такси и кашлянул в кулак. — Всего одна деталь, зато важная. Знаешь, почему ребятам Озбея взбрело в голову меня шлепнуть? Из-за Алтимбасака, владельца казино.

— Неужели? Уточни.

— Он оказал мне гостеприимство и поведал много полезного о ситуации здесь. Но притом он был леваком.

Вот его тело и оказалось в разбитом «мерседесе» на дне пропасти. Тело, но не голова: в голову угодило несколько пуль, поэтому пришлось замуровать ее в ведерко с цементом.

Старлиц промолчал.

— Ты слыхал о «Турецких серых волках»?

— Они стреляли в папу римского, — машинально отозвался Старлиц.

— Да, Мехмет Али Агджа. Из-за банковского спора. Ватиканский «Банко Амброзиано» — банк, отмывавший деньги для польских антикоммунистов и снабжавший оружием антикоммунистов в Турции. Польша вызвала у него такой энтузиазм, что платить «Серым волкам» он не стал. Вот папа и пострадал.

Старлиц крякнул.

— Это Озбей дал Агдже пистолет, чтобы стрелять в папу. Только тогда он не звался Озбеем. У Озбея не меньше шести официальных личин. Мне доподлинно известно, что у него шесть турецких дипломатических паспортов. К тому же он пользуется специальными паспортами от разведывательных структур Азербайджана и Туркменистана. Господин Озбей перерос «Серых волков»: он выгодно вложил деньги и оказался в высоких кругах турецкого правительства. Теперь его интересы — нефть, торговля оружием и наркотиками в тюркских странах бывшего СССР. Его «дядя-министр» — это руководитель тайных операций МП, турецкого Центрального разведывательного управления.

— Я вполне мог бы обойтись без всего этого, — пожаловался Старлиц. — Какое мне дело до здешней политической каши?

— Это еще цветочки, ягодки впереди. Мои друзья-революционеры, турецкие коммунисты, уже полвека борются с правительством. Но они терпят поражение, потому что всегда оставляют свои грузовики со взрывчаткой в неверных местах. Зато у них много тайных досье на Озбея, его друзей, спонсоров, наставников. Свои файлы они хранят в компьютерах в Голландии,

потому что в Турции МІТ бросает коммунистов в тюрьмы, пытает, убивает.

— Послушай, папа! — подала голос Зета.

— В чем дело?

— Сколько можно разговаривать по-русски? Меня укачало в машине.

Старлиц в тревоге посмотрел на Зету. Она выплюнула мятную конфету и побледнела до зеленого отлива.

— Если мы остановимся, — предупредил ее он, — то упустим девушек из «Большой Семерки».

Зета капризно нахмурилась.

— Что же делать, раз меня укачало? Меня сейчас вырвет!

— Остановите машину! — велел Старлиц водителю.

Машина затормозила у длинного каменного ограждения, и Зета вывалилась наружу, как комический персонаж, которого выворачивает наизнанку. Старлиц и Хохлов тоже вышли, чтобы подышать воздухом. Вокруг раскинулись кипрские красоты: роскошные виллы, мерцающие бассейны, высокие конусы ливанских кедров, суперсовременный комплекс веселого оффшорного университета. Чтобы наверстать упущенное время, Старлиц дал молодому водителю несколько сот тысяч лир. Таксист философски пожал плечами, достал из бардачка бутылку джина и сделал хороший глоток.

Старлиц мастерски закурил «Данхилл» на ветру. Хохлов наблюдал за этим ритуалом с отчаянием заядлого курильщика.

— От этих сигарет ты угодишь в больницу, — предупредил он.

— Ничего подобного.

— Вот увидишь! У них невинный вид, но они страшно вредные, можешь мне поверить.

Старлиц выдохнул дым и уставился в сиренево-синее кипрское пространство.

— Значит, он меня перехитрил?

— Ты, конечно, мне друг, Леха, но со своим маленьким музыкальным бизнесом ты Озбею не соперник, понимаешь? Человек, называющий себя Озбеем, — профессиональный тайный агент. Он командует «эскадронами смерти». За ним стоит государственный аппарат. Никакой он не музыкальный антрепренер, все это притворство.

— Я тоже притворяюсь антрепренером.

— Ты даже на него не похож, — мрачно бросил Хохлов. — Озбей выглядит гораздо убедительнее тебя.

— «Тайный агент»! — внезапно передразнила их Зета по-русски. — «Эскадроны смерти», «государственный аппарат»!

Старлиц сделал сердитое лицо.

— Зета, не перебивай взрослых, когда у них серьезный разговор. Это невежливо.

Она насупилась.

— Зачем ты столько с ним болтаешь? Как же я? С ним ты еще наговоришься. Я хочу, чтобы ты разговаривал со мной.

— Что она тебе сказала? — спросил Хохлов. — Мне показалось, что она пытается произнести что-то по-русски.

— Дочь просит меня проявить больше внимания к семейным делам.

— Правильно, умница! — одобрил Хохлов. — Думаю, пришло тебе время остепениться. — Он задумчиво оглядел Старлица. — Забота о чудесной дочке — или голова, вмурованная в турецкий цемент! К таким сигналам грех не прислушаться.

Старлиц повернулся к дочери.

— Зета, я с тобой поговорю, честное слово. Я очень много тебе расскажу. Просто ты застала отца в разгар важных событий. Мне надо сперва кое в чем разобраться.

— Деньги? — догадалась Зета.

— Совершенно верно, деньги. Ради них и создаются поп-группы.

Она внимательно на него смотрела, щуря глаза.

— Разве люди из-за этого играют музыку? Из-за денег?

— Ничего подобного! Я сказал только, что ради денег создаются группы.

Зета пожала худенькими плечиками и потупила глазки.

— Ладно, папа, я подожду.

Старлиц, глядя на нее, ощущал первый приступ искренней вины за всю свою взрослую жизнь. Ему пришло в голову, что малышка Зета держится отлично. Ее переправили через полмира, как невостребованный багаж, и оставили у его порога, а она… Он был противен самому себе. Особым тоном, предназначенным для усмирения разбушевавшихся на концерте подростков, он спросил:

— Тебе лучше, Зета? Тошнота прошла?

— Когда ты со мной разговариваешь, мне становится лучше.

Они захлопнули дверцы такси и покатили дальше.

— Кстати, Пулат Романович, мы с тобой не впервые сталкиваемся с такими типами. Вспомни Шакала Рафа [21] в Финляндии. Тоже был крепкий орешек.

— Ты шутишь? Я по-прежнему имею дело с Шакалом Рафом. Это одна из причин, почему мне так не терпится покинуть этот вшивый турецкий остров и вернуться в покой и безопасность Белграда. Раф в Белграде, теперь он работает там. Мир на Балканах затянулся, скоро там опять начнется заваруха. Тогда

русские станут в Сербии очень популярны. Всякий раз, когда сербам попадает шлея под хвост, они вспоминают о своей любви к русским.

— Я тоже это заметил.

— Так что они нас скоро полюбят, и президент Сербии простит мне угон его специального самолета.

— Тут мне нечего сказать, Пулат: ты говоришь дело. Что у нас с поп-музыкой в Белграде? В Нови-Саде? Не считая всех этих славянских девчонок в стиле «турбо-фолк», вроде Цецы Разнятович. Мы уже выступали в Хорватии и Словении.

— Послушай моего совета, Леха, и забрось свой музыкальный бизнес. Не борись с Озбеем, просто продайся ему. Он способен хорошо заплатить: за ним стоит все турецкое государство, поэтому он может проявлять щедрость. «Большая Семерка» гораздо дороже Озбею, чем тебе. Международный гастрольный тур — прекрасное прикрытие для турецкого тайного агента, торгующего оружием и наркотиками. Твои девчонки переправят его на Ближний Восток, на Балканы, в Центральную Азию, как семь верблюдиц.

— Очень может быть. Но чёс по маргинальным, зарождающимся рынкам с группой, копирующей «Спайс Гёрлз», — это моя оригинальная идея, черт возьми!

Хохлов поднял на него влажные глаза. —"Оригинальная идея"? Это непрофессиональный разговор.

— Кроме того, я сделал на группу ставку в маджонг.

Хохлов махнул рукой.

— Тебя не поймешь, Старлиц. То ты изрекаешь истины, то становишься дурак дураком.

Турецкая Республика Северного Кипра, непризнанное государство, не добилась от непреклонного руководства гражданской авиации большинства стран разрешения на открытие воздушного сообщения. Поэтому главный аэропорт страны поражал скромностью. Терминал был неприглядным и пыльным, вокруг цвели неухоженные кусты. Ржавый радар аэропорта был похож на решетку для барбекю.

Оставив Хохлова в такси, Старлиц распахнул перед Зетой треснутую стеклянную дверь терминала и дальше повел ее за руку. Пол аэропорта Эркан был покрыт тонким хрустящим слоем желтой пыли, надутой ветром, торговые киоски выглядели неопрятно, щербатые металло-искатели казались совершенно лишними.

Старлиц купил дочери пузатую цветастую коробку рахат-лукума.

— Это съедобное? — подозрительно спросила Зета.

— Да, похоже на мармелад.

— Я ем только белый мармелад.

— Значит, выбирай белые кусочки.

На табурете у стойки бара восседал Визел. Он цедил джин с тоником из стакана, отягощенного крупными зелеными дольками местного лайма. Его изможденная физиономия была вымазана кремом для загара, на верхней губе уже отрастали усы. У него была новая прическа, новые очки, новые сумки с аппаратурой. Из кармана плаща, смахивающего на шинель, торчал красно-белый билет турецкой авиакомпании.

Появление Старлица с девочкой стало для него неожиданностью, но он взял себя в руки.

— Легс! Вот так встреча!

— Как дела, Визел?

— Отлично! Превосходно! Я тебе бесконечно благодарен за то, что ты познакомил меня с Мехметкиком. Он завалил меня фотографической работой. Его дядя — большая шишка в турецких масс-медиа.

— А как же!

Визел показал ламинированный пропуск с эмблемой «Большой Семерки», висевший у него на шее.

— Он поручил мне снимать группу в турецких гастролях. Возможно, здесь не центр мировой поп-культуры, зато туркам, представь, такие штуки еще не безразличны. — Визел отодвинул экспонометр и непочатую пачку «Крейвен-Эй» и извлек турецкий скандальный журнальчик из стопки глянцевых западных аналогов, валяющихся на стойке. — Полюбуйся этими турецкими снимками! Здесь все еще лезут за корсаж и задирают юбки… Если звезда ложится в постель с мужчиной, турки еще не ленятся раздуть из этого скандал. Я вернулся в эпоху «Сладкой жизни»! [22]

— Смотри, не увязни в сладкой старине.

— Не увязну. Я зачарованно плыву по поверхности. Старые приемчики — мой хлеб. Мне поможет прошлое. — Визел осушил стакан. — Поможет забыть.

Обдумав стратегию папарацци, Старлиц изрек:

— Возможно. Перейди с джина на арак. Используй устаревшие вспышки. Пусть твои героини носят не только бюстгальтеры, но и корсеты. Это действительно может сработать.

Визел кивнул куда-то в глубину убогого зала, убранного красным бархатом. Проследив его взгляд, Старлиц заметил среди телохранителей Озбея Гонку Уц в шляпе размером с велосипедное колесо. Она внимательно изучала записи в своем блокноте.

— Какой у нее голос, какие движения, какое лицо… — заныл Визел, извиваясь, как голодающий при виде миски дымящейся еды. — Я это чувствую, Легги!

— А где девушки «Большой Семерки»?

— Только что сели в самолет. — Визел осклабился. — Следы губной помады — вот и все, что от них осталось. Исчезли в облаке мишуры, ха-ха-ха! Хочешь выпить?

— Они улетели!? — взвыла Зета.

— Почти, — печально молвил Старлиц. — Прости, милая. Мы их упустили. Они летят в Стамбул, на свой следующий концерт.

Визел перевел взгляд на Зету.

— Еще одна юная поклонница? Победительница конкурса? — Он мгновенно извлек из новенькой сумки на плече серебристый японский фотоаппарат. — Улыбочку! Я тебя сфотографирую, моя прелесть.

— Сделай так, чтобы они вернулись! — потребовала Зета, прыгая на месте от нетерпения. — Я хочу их увидеть!

— Не могу! — ответил Старлиц огорченно. — Когда двери в самолете закрывают и он начинает движение по летному полю, вступают в действие строгие правила безопасности.

Зета расплакалась, вцепившись в свою коробку со сладостями.

— Только не плакать, моя дорогая! — взмолился Визел, прицеливаясь. — Улыбочку! Я помещу твою фотографию в газетах.

Зета бросила на Визела ядовитый взгляд. Он спустил затвор, но вспышки не последовало. Он удивленно поднес фотоаппарат к глазам:

— О, черт!

— Знаешь что? — обратился Старлиц к Зете. Он нашел решение и повеселел. — Видишь вон того детину в феске, с огромными корзинами? Это Ахмед, наш главный по сувенирам. У него их целая куча. Скажи ему, что я велел показать тебе все, что него есть. Все самое лучшее.

Зета мигом смахнула слезы.

— Правда?

— Конечно. Для тебя все бесплатно. Только быстрее, а то он уйдет.

Зета припустила к Ахмеду. Старлиц сурово обернулся к Визелу.

— Почему ты продался Озбею, тупой идиот? Визел вжался в сиденье табурета.

— Потому что это мой шанс! Я влюбился в Стамбул — ты же сам сказал, что я в него влюблюсь. Там тысячелетние кафе. Что

им Y2K, что они Y2K? Я просто пересижу спокойно под каким-нибудь симпатичным навесом, булькая кальяном, пока не пронесет беду. Буду полировать свои линзы, собирать чеки и благодарить судьбу.

— А не нанял ли он тебя для чего-нибудь еще? Скажем, для выслеживания с помощью твоих сильных объективов левых и курдов?

— Если это выгодно, я готов! В работе на Озбея нет ничего дурного — он же из НАТО. Он борется с коммунистами, совсем как мы в свингующих шестидесятых на Карнаби-стрит. Подумаешь, немного пощелкать мисс Кристин Килер! [23]

— У нас с тобой был уговор, Визел.

Визел смущенно вертел в руках пустой стакан из-под джина. Несмотря на наглый вид, ему не были чужды угрызения совести.

— Ладно, не огорчайся. Даже если ты лишишься своей дурацкой группы, это не повод унывать. Ты обязательно придумаешь новую аферу. Ты же Легги!

— Ты был мне нужен. Я за тебя заплатил. Визел засопел.

— Что ж, твои денежки пришлись кстати. Договор есть договор, слово надо держать и все такое прочее… Не дрейфь, Легс, я тебя не подведу. Я сведу тебя с очень полезным человечком. Его зовут Тим. «Трансатлантический Тим» из «Эшелона» [24]. Ручка есть?

Старлиц сунул ему хромированную ручку. Визел достал из бумажника жеваную карточку лондонской фотомастерской и что-то нацарапал на обратной стороне.

— Держи! Это номер его пейджера. Доступен круглосуточно. Теперь Тим твой с потрохами. У него самое современное оборудование. К тому же он — компьютерный гений. Тим все видит, все знает, все делает без звука.

— Это человек правильного масштаба?

— Еще бы! Сам глубоко в шахте, глаза на околоземной орбите.

— Что ж… — Старлиц спрятал карточку с координатами в карман. — Может, и пригодится.

— Ты не обижаешься? Пожмем друг другу руки!

— Еще чего! — И Старлиц заторопился к Озбею, которого только что заметил.

Озбей появился из-за таможенного поста. Даже Старлиц, привыкший платить за услуги чиновников, еще не сталкивался с такой услужливостью, которую проявляли

таможенники в аэропорту турецкого Кипра. Они ретиво ставили желтым мелом разрешительные знаки на нетронутом объемистом багаже «Большой Семерки», словно радуясь

предоставленной возможности.

Пожав всем им руки и покончив с щекотанием усами щек вместо поцелуев, Озбей двинулся навстречу Старлицу.

— Легги, мы тебя заждались.

— Как дела, Мехметкик? Все под контролем?

— Как будто да.

— Рюмочку, босс? — услужливо пискнул Визел и удостоился задумчивого взгляда Озбея. Положив на стойку купюру в пять миллионов лир, он почтительно дотронулся до полей шляпы, обвешался своими сумками и исчез.

Озбей одернул рукава своего безупречного пиджака, осторожно взгромоздился на самый чистый и стойкий из табуретов у стойки, закинул ногу на ногу, умудрившись не сморщить штанины брюк. Таким подтянутым Старлиц еще ни разу его не видел. Озбей выглядел образцом достоинства и жизнерадостности; казалось, он даже подрос на дюйм-другой. Кипрская прогулка определенно принесла ему пользу: он загорел, отдохнул и приготовился к новым победам.

Презрительно покосившись на расползающихся таможенников, Озбей проговорил:

— Бывшая таможенная служба ее бывшего величества… Приходится ее подкармливать. Турецкий Кипр — страна Содружества, правительственные учреждения вечно соперничают, а мы должны со всеми дружить.

— Согласен, — промямлил Старлиц. Озбей грациозно оперся о локоть.

— Я должен сделать тебе комплимент, Легги. Речь о новой Американке.

— Я весь внимание, Мехметкик.

— Я думал, что прежняя была хороша, но, оказывается, она никуда не годилась. То ли дело — эта, свеженькая! Крупная, крепкая, как говорится, на козе не подъедешь! Прямо как из полиции! — Озбей радостно улыбнулся. — Обожаю полицейских! У меня к ним слабость.

— Вот и я того же мнения.

— Гастроли будут замечательные! Теперь я в этом не сомневаюсь. Я решил расширить турецкую программу «Большой Семерки». Пусть выступит в Бурсе, Измире, Конье, Трабзоне, даже в Дьярбакире!

— Думаешь, это правильно? Как бы они не выдохлись еще до переезда в Иран.

— Конечно, Иран… Но почему один Иран? Есть ведь еще Азербайджан, Туркменистан, Чечня, Дагестан, Узбекистан, Киргизия, Татарстан, китайская Уйгурская республика… Целый

мир! Мир тюркоговорящих народов, возвращающихся в историю, просыпающихся и входящих в мировой рынок.

— Я согласен, что они просыпаются, но… Озбей понизил голос, в его красивых глазах появилось выражение непреклонной решимости.

— Это война, Легги. Культурная война. Война за душу нового века. Мы с дядей-министром вложили в нее много средств. Наша тактика совершенствуется день ото дня.

— Не спорю.

— Раньше мы подкупали журналистов, но это был совершенно напрасный труд. Дядя предлагает улучшенный подход. Мы просто покупаем средства информации! Теперь мы владеем двумя новыми телевизионными каналами, которые финансируются из доходов нашей сети казино. Мы все больше участвуем в индустрии развлечений. Политический и банковский капитал имеет много точек соприкосновения.

— Вы идете по стопам Руперта Мердока и Владимира Гусинского.

— В Турции это срабатывает безукоризненно. Взяв под контроль каналы и их содержание, мы можем перенести войну в дома, в головы, в сердца фундаменталистов. У ислама два варианта будущего: либо бюстгальтер в блестках, либо черная паранджа. — Он прищурился. — Ты смеешься?

— Что ты, я всецело согласен с твоим анализом! — заверил его Старлиц.

— Я знал, что ты согласишься. После Y2K Стамбул может пойти двумя путями: он может стать либо мусульманским Римом, либо следующим по счету Тегераном. Великой мировой столицей — или бастионом фанатиков. Развлекательным центром всего Востока — или страшным кошмаром Запада. Я знаю, как высоки ставки, знаю, куда дует ветер, знаю, на чьей я стороне. И я могу выиграть!

Старлиц уважительно присвистнул.

— Могу тебя порадовать, Мехметкик: в логике тебе не откажешь. Всемирный Банк и Международный валютный фонд раскроют тебе объятия. Это дело надо спрыснуть.

Но отвлечь Озбея было не так-то легко. Подавшись вперед, он сложил пальцы домиком, как эксперт на ток-шоу.

— Победа зависит от потребительских товаров и продвижения поп-индустрии. Иными словами, хлеба и зрелищ! Если сражение развернется на этом поле, то я знаю, как добиться успеха. Разве курдские сепаратисты могут предложить нам туфли-платформы? Куда им! Могут муллы сделать красотку звездой? Где там, забить ее камнями — вот и все, на что они способны!

Другое дело — военно-развлекательный комплекс. — Озбей ударил кулаком по стойке. — Военная сила и развлечения — непобедимый тандем, сердце современной Турции и мой идеал.

Внимая проповеди, Старлиц кивал послушно и ритмично, как метроном.

— Понимаю! — срывалось с его уст. — Да. Так оно и есть… Святая правда.

— В культурной войне глупо спрашивать, хорошо или плохо то или иное оружие. Оно существует и стреляет, это реальность. Вопрос в другом — и это уже касается нас, Легги: кто может лучше применить прекрасное оружие по имени «Большая Семерка» — ты или я? Учитывая твое поведение в последние дни, это неожиданное неучастие в важнейших делах группы…

Старлиц прервал его вежливым жестом.

— Можешь не продолжать, Мехметкик. Впервые Озбей выглядел удивленным.

— То есть как?

— Я и так вижу, куда ты клонишь, и могу сам досказать. Так и есть: я тебя подвел. Мне не хочется тебя огорчать, но у меня нет другого выхода. Меня подстерегли проблемы в семье. — Старлиц тяжело вздохнул. — Речь о моем отце.

Изумление Озбея было неподдельным.

— О твоем отце?

— Да, об отце.

— Не о подружке? Не о дочери?

— Ты все слышал, — хмуро буркнул Старлиц. — Об отце.

— Когда это случилось? Я ничего не знал.

— Я дал тебе слово, что если не смогу больше руководить группой, то ты узнаешь об этом первым. Так и произошло: ты первый, кто об этом услышал. Вести группу дальше мне уже не под силу. Я вынужден немедленно покинуть Кипр. У меня нет выбора. Иначе я больше не увижу своего отца.

— Не увидишь отца?.. Как печально! Грустно слышать. — Можно было подумать, что Озбей огорчен не на шутку.

— Мне тоже очень жаль, Мехметкик. Придется мне полностью передать группу под твою ответственность.

Озбей почесал подбородок.

— Понимаю.

— Надеюсь, это окажется тебе по плечу. По части рекламы и добывания денег тебе нет равных. Но этот «военный» подход, с которым ты меня сейчас познакомил, меня немного тревожит. Они, конечно, поп-звезды, но притом совсем еще юные, беззащитные. Их парики и чудо-лифчики — так, маскировка.

Озбей насторожился.

— Конечно, — продолжил Старлиц, — они много тратят, спят с любым, кто носит штаны, и почти не умеют танцевать и петь. Но учти, я провел с ними три долгих года. Мы гастролировали во всех дырах Евразии. Я нанял и прогнал девятнадцать женщин семи национальностей. А теперь самое главное: ни одна из них не умерла.

Озбей задумался: это оказалось для него новостью.

— Ни одна?

— Представь себе. Мы прошли через наркоманию, банкротства, недомогания после длительных перелетов, сексуальные скандалы. Чего только не пережили: беременности, герпес, мотоциклетные катастрофы, драки в ночных клубах со срыванием париков, бегство от толп поклонников, готовых нас затоптать, отельные кражи, много чего еще… Но только не смертельные случаи. Потому что все они должны дожить до наступления Y2K. Это самое главное в магии «Большой Семерки».

Озбей хмурился от напряжения мысли.

— Ты сказал «пережить наступление Y2K»?

— Нет, дожить до его наступления.

— Понимаю…

— Потому что тогда мы поставим на всем этом точку. После Y2K всем будет наплевать. Когда это станет вчерашним днем, это уже не будет моей проблемой. Но до Y2K это моя проблема. То есть теперь — твоя.

— Это действительно неотъемлемая часть проекта?

— Обязательно! С самого начала. Никаких смертей! Ты можешь мне пообещать, что все они останутся живы?

Озбей не улавливал в его словах смысла.

— Мы поп-импресарио, а не боги. Человеческая судьба не в нашей власти.

— Ладно, Мехметкик, подойдем к делу иначе. «Военно-развлекательный комплекс». Тут я с тобой, мне нравится эта программа. Конечно, ты можешь быть воином и одновременно большим артистом. Недаром армия не может без военных оркестров. Недаром мафия лезет в шоу-бизнес. Но если ты профессионал, ты не станешь убивать талант. Понимаешь меня? В этом вся суть: можешь убивать врагов, даже аудиторию не жалеть, но не трогай талант!

Озбею было не по себе: как видно, новое обстоятельство противоречило его прежним соображениям. Наконец он позволил себе дипломатичную улыбку.

— Зачем так волноваться? Это всего лишь семь бездарных девчонок.

—Тем не менее они — наши исполнительницы. Они делают

проект тем, что он есть.

— Они ничего не знают о реальности. Они танцуют, поют, продают тряпки. Культурная война не их дело. Ведь для них эта война — тайна тайн.

— Блаженное неведение?

— Да, в этом женское счастье, — важно ответствовал Озбей.

— Хорошо, остановимся на этом. Но прежде чем я уйду, обещай мне одну вещь. Дай мне честное слово, что ты будешь заботиться об этих семи иностранках так же, как заботишься о ней. — И Старлиц указал на Гонку Уц.

— Но Гонка Уц — моя вторая жена! Великая артистка! А девчонки «Большой Семерки» просто притворщицы. Ты сам это признавал.

— Признавал и признаю. Мы оба это знаем. Но девушка — это девушка, Мехметкик. Сам понимаешь: демократия, права человека, Хельсинкская конвенция и прочая чушь. В данном случае придется все это уважать.

Озбей упрямо молчал.

— У меня к этому сентиментальная приверженность. Иначе я не буду знать покоя.

— Ты пытаешься загнать меня в ловушку, — изрек наконец Озбей. — Хочешь, чтобы я связал судьбу этих дур с великим сияющим будущим Гонки Уц. Но твои девчонки — это пустое место, просто приманка, чтобы сбывать шлепанцы. А Гонка — великая артистка, душа народа.

— Получается, ты сам признаешь, что не годишься для этого проекта, — подытожил Старлиц.

— Я этого не говорил! — сердито вскинулся Озбей.

— Всего две минуты назад ты разглагольствовал о своем великом современном оружии. И что же я слышу теперь? Что вместо применения его по всем правилам и изучения техники безопасности ты собираешься сломать его и бросить ржаветь посреди дороги, совсем как дешевый разбойник из гор Курдистана!

Озбей изобразил улыбку.

— Ты пытаешься вывести меня из себя.

— Чего я, собственно, от тебя требую? Только того, что делал бы сам. Пока их менеджером оставался я, им ничего не угрожало. Если ты доверишь моим заботам свою Гонку, то тебе будет не о чем беспокоиться.

— Ты не смеешь касаться Гонки Уц. Ни ее туфельки, ни края ее юбки!

— Для начинающего ты делаешь большой прогресс, Озбей. Но тебе еще надо разобраться, кто ты такой. — Старлиц

вздохнул. — Либо ты сообразительный вкрадчивый хитрец, каким тебе хочется быть, либо просто дешевый и грязный тайный агент.

Тут по замусоренному полу зала к ним вприпрыжку бросилась Зета. Из-под модной глянцевой шляпки торчали во все стороны пластмассовые заколки и разноцветные резинки в стиле «Большой Семерки», на нос она нацепила огромные пластмассовые солнечные очки, на себя — безразмерный пуловер с рекламой турецких гастролей. На ее тощем запястье болталась желтая пляжная сумочка, набитая бальзамами для губ, гелями для волос и спреями для ног — все в стиле «Большой Семерки». Под мышкой она сжимала желанную «гастрольную модель» — целый автобус с семью куколками и водителем, заправляющийся у бензоколонки. Она успела надеть три экземпляра тайваньских «спортивных часов» и съедобное ожерелье и на бегу тянула из пластмассовой бутылки ядовито-желтый «энергетический напиток», якобы сделанный по любимому рецепту семи исполнительниц.

Озбей уставился на нее.

— Ты прав, — отчеканил он, переводя взгляд на Старлица. — Они гостьи, я хозяин. Это дело чести. Их жизнь для меня такая же ценность, как жизнь Гонки.

— Это все, чего я хотел, — с облегчением сказал Старлиц. — Теперь ты говоришь как мужчина.

Он протянул Озбею руку, тот с сомнением ответил на рукопожатие.

— Когда ждать тебя назад? — спросил Озбей.

— Не ждите меня.

— Ты не вернешься? — воскликнул Озбей, просияв.

— Дело не в этом, — сказал Старлиц со вздохом. — Просто меня бесполезно ждать.

Он взял Зету за плечо и повел к выходу. Зета брела безропотно.

— Он страшный, — сказала она немного погодя. Старлиц пробормотал что-то невразумительное,

глядя сквозь пыльное стекло на желтое от засухи летное поле. Самолет разбегался на взлетной полосе, унося плоды его трехлетних усилий. Старлиц дождался, пока он взлетит, и проводил взглядом две темные дымные полосы в небе.

— Он страшный, папа, — повторила Зета. — Он ненастоящий, он смотрел сквозь меня. Он не знает, кто я. — Она поразмыслила и закончила: — Надеюсь, ты не сошел с ума.

— Все в порядке, Зета. Тебе ничего не угрожает.

— Турция могла бы быть забавной, если бы не все эти страшные люди.

Старлиц отвернулся от окна.

— Забудь про Турцию, детка. Совсем скоро мы с тобой улетим в Мексику.

Гладкий лобик Зеты прорезали задумчивые складки.

— Они ведь тоже поддельные, правда, папа? Я про девушек из «Большой Семерки». Ты ведь сам их создал? Они ненастоящие. — Старлиц смолчал. — Обе мамы терпеть не могут «Большую Семерку». Я знаю, что это подделки. Ну и что, мне они все равно нравятся. Видеоигры мне тоже нравятся, а ведь они ненастоящие. Или игра «Месть Джона Уэбстера», тоже выдуманная.

Старлиц остановился как вкопанный.

— Тебе нравятся пьесы про месть у Джона Уэбстера? [25]

— Да. Мои любимые — это «Герцогиня Амальфи» и «Белый дьявол».

— Я все время забываю, что ты училась в американской школе.

Вертя головой, Зета заметила в глубине пустого гулкого зала Гонку Уц.

— А она кто?

— Эта, как ни странно, настоящая.

— Настоящая! Откуда она тут взялась?

— Она звезда, — объяснил Старлиц. — Настоящая восходящая звезда, о которой миру еще суждено узнать.

— До чего красивая! — Зета вытаращила глаза, но дешевые пластмассовые очки это скрывали. — Что мне делать, папа? Звезда все-таки…

— Пойди попроси у нее автограф.

— Не пойду! — внезапно застеснялась Зета.

— Иди! В этом весь смысл звездной жизни.

В безопасном отдалении Старлиц наблюдал, как его дочь приближается к Гонке Уц. Она храбро проникла в периметр, охраняемый толстошеими телохранителями Озбея, и потребовала внимания артистки. Той пришлось опустить блокнот, вынуть наушники, снять дорогие солнечные очки. Она одарила Зету лучезарной улыбкой, от которой любой мужчина превратился бы в жаркий костер.

Зета прибежала и продемонстрировала свой трофей.

— Гляди, она расписалась у меня на руке! Она такая милая! Это какая-то тайная формула! — Зета недоуменно разглядывала длинную строку турецких слов. — Интересно, что это значит?

— Лучше смыть это перед отъездом, — сказал Старлиц.

Старлиц и Зета разбудили таксиста, дремавшего на солнышке перед терминалом, и велели отвезти их в «Ме-ридиен». Очнувшийся от спячки отель успел расцвести.

Перед фасадом вырос частокол флагштоков, на которых затрепетали подхваченные ветром с моря флаги всех развитых стран Европы. Старый неоновый указатель был удален, и теперь в траве лежал, ожидая водружения, новый, в четыре раза крупнее. На крыше отеля появилась новая эмблема и поросль ультрасовременных антенн. Под козырьком как по волшебству выстроились лимузины с номерными знаками Стамбула, Анкары и Аданы. Внутри, перед стойкой регистрации, вытянулась очередь.

— Я проголодалась! — объявила Зета. — Мне жарко, я вспотела.

— Сними шляпу и пуловер, — сказал Старлиц. — Можешь переодеться в моем номере.

Они вошли в лифт. Даже музыка, звучащая в отеле, стала другой: ностальгические британские мелодии шестидесятых годов сменились голосами турецких поп-див Сибель Кан, Эбру Гюндеш, Гюлии Авсар. Зета отбивала такт пластмассовым пляжным шлепанцем в вездесущем стиле «Большой Семерки» и ухала себе под нос.

Старлиц попытался открыть дверь номера, но электронный ключ не подошел. Зато роль ключа сыграла карточка «Американ Экспресс». На кровати не оказалось постельного белья. Ваны след простыл.

— Черт! — выругался Старлиц. — Надо найти твою мамашу.

— Зачем?

— У нее вся твоя одежда и документы.

— Но у меня нет никакого багажа! Мамаша номер один продала в Будапеште все наши вещи.

— Я обратил внимание, что она не расстается с большой гватемальской сумкой.

Зета наморщила носик, подошла к телефону и сняла его с тумбочки. Аппарат был старомодный и громоздкий «Эриксон». К его днищу оказался прилеплен американский паспорт, складная зубная щетка, три пластыря, несколько заколок для волос.

— Она всегда так прячет разные штуки, — объяснила Зета. — Ключи, номера пейджера и так далее.

Старлиц изучил потрепанный паспорт дочери. На фотографии улыбающейся девчонки с косичками он задержался.

— Не очень-то похоже.

— Я никогда не похожа на свои фотографии. Перелистав странички с печатями, Старлиц сказал:

— Кажется, тут неверно указаны твои имена. И отметки о пребывании на Кипре нет. И даже в Венгрии…

— Что это значит?

Старлиц молча пожал плечами. В дверь вежливо постучались. Гостем оказался Виктор Билибин.

— Привет, Вик! — пропела Зета. Виктор покосился на нее.

— Забавная одежка! — сказал он по-английски.

— Как ты сюда попал? — обратился к нему Старлиц по-английски.

— Наши агенты наблюдают за казино. Тут кипит жизнь. Они увидели, как приехали вы с девочкой.

— А ее матушку они случайно не заметили?

— Уродливая старуха — ее мать? — Виктор удивленно покачал головой. — Нет, ее я нигде не видел. Наверное, она уехала из Гирны.

— Хватит болтать по-русски! — прикрикнула на них Зета.

— Узнаю Вану, — пробормотал Старлиц. — Она не из тех женщин, которых где положишь, там и возьмешь.

— Ради тебя мы переходим на английский, — галантно обратился Виктор к Зете. — Ты готова к новому полету? Мой дядя ждет. Он готов увезти тебя с Кипра.

— Не хочу опять в этот дурацкий самолет! — закапризничала Зета. — Там тесно и воняет пластмассой. — Она упала на голый матрас и скрестила на груди руки.

— Здесь больше нечего делать, — сказал ей Виктор с сочувствием и, обращаясь к Старлицу, снова перешел на русский. — Озбей вас обставил. Теперь группа принадлежит ему.

— Нет, не обставил, — возразил Старлиц. — Просто у меня есть другие обязательства.

— Вы поступаете правильно. — Виктор ударил себя в худую грудь, где билось его нежное русское сердце. — Забудьте про «Большую Семерку»! Ваша плоть и кровь важнее этой шайки шлюх!

— Откуда такая суровость, Виктор? Раньше ты был поклонником «Большой Семерки».

— Сначала они мне нравились, — угрюмо сознался Виктор. — Но мне быстро стало скучно.

— Ты случайно с какой-нибудь не переспал?

— Только с одной.

— Это с которой же?

— Какая разница? — нахмурился Виктор.

— Действительно! К черту, это часть программы. — Старлиц покачал головой. — Эти сукины сыны попытались вышвырнуть меня из моего номера! Пора собирать документы и сматываться с острова.

— Поздно. В вашем кабинете побывали люди Озбея.

— Ты шутишь!

— Не шучу. Они забрали бухгалтерские книги и все компьютерные диски. При здешней неразберихе это было нетрудно.

— Это серьезный удар… — простонал Старлиц.

— Но не все новости так плохи, есть и хорошие. Пока они шуровали в вашем кабинете, я побывал с рюкзаком в кабинете самого Озбея. — Виктор похлопал раздутые карманы на своих грузовых штанах. — Глядите, какой чудесный итальянский револьвер я нашел в его столе!

— Хорош! — Старлиц уважительно принял заряженную золотую беретту и понюхал патронник. Оружие неоднократно пускали в ход.

— А вот турецкое разрешение на владение оружием. Судя по нему, владелец — эксперт по оружию из отдела тайных операций МП. Печать и подпись на месте.

Старлиц изучил документ, не пропустив ни одной буковки. Золотые завитушки и разноцветные чернила давали некоторое представление о кафкианском мире турецкой бюрократии.

— Занятное удостоверение, дружок! Оно в десять раз ценнее самого револьвера. Хотя за пределами Турции от него не будет толку. Забирай!

— Конечно. — Виктор благоговейно спрятал документ. — Озбей — господин с безупречным вкусом. Один шейкер для коктейлей чего стоит! Кокаин, амилнитрат [26], виагра и прочее. Скромная фотография его подружки Гонки, благодарственная записка от премьера-женщины в рамке. И полное собрание Яна Флеминка на турецком языке.

— Это что, бельгийский теоретик?

— Нет, британский шпион, знаменитый империалистический поджигатель войны.

— Йен Флеминг! — догадался Старлиц.

— А я что говорю — Ян Флеминк! Я видел эти отвратительные пропагандистские фильмы. «Из России с любовью»… Очень старое глупое кино! Ни малейшего представления о моей культуре, зато масса дешевых спецэффектов.

Старлиц не выпускал из рук беретту. По причине, которую он сам еще не успел уловить, интуиция ему подсказывала, что самое правильное — немедленно всадить в Виктора пять или шесть пуль. Русский доверчиво отдал ему револьвер, Старлиц знал, что он заряжен, Виктор был у него на мушке, к тому же это была последняя возможность пристрелить Виктора. От гибели Виктора в мире добавилось бы счастья, усилилось бы слабое подобие связной реальности на планете. В следующее знакомство

Старлица с Виктором стрелять в него было бы уже поздно — ведь Виктор был существом с уникальными и быстро прогрессирующими личными свойствами. Зрелый Виктор, преодолевший Y2K, превратится в серьезнейшую помеху.

Но Старлиц давно уже отбросил подобные соображения. Застрелить Виктора значило бы создать себе неприятности, по сравнению с которыми померкли бы все преимущества от этой смерти. К тому же убивать его, скорее всего, было уже слишком поздно. Не говоря о присутствии в номере ребенка.

Старлиц аккуратно заткнул револьвер себе сзади за ремень.

— Виктор, — проговорил он тепло, — я знаю, что твой дядя — ворчун, но в глубине души он наверняка тобой гордится. Ты еще останешься на Кипре?

— Конечно! Я обожаю этот остров! Девушки, солнце, музыка, кебабы… Как в раю!

— Тебя не тянет в Соединенные Штаты?

— Как будто мне дали бы грин-карту!

— В таком случае прощаемся, Вик. Напоследок вот что: постарайся отыскать мать этой девочки. Заглядывай в бары для геев и лесбиянок и в вегетарианские рестораны, наблюдай за демонстрациями защитников мира. Если столкнешься с ней, дай ей сотню баксов и транквилизаторы. Я все компенсирую. Виктор почтительно кивнул.

— До свидания, мистер Старлиц. Приятно было с вами познакомиться. Спасибо, я многому от вас научился. Как вам дозвониться?

— Просто держи наготове свой мобильник. Я сам тебе позвоню. Где сейчас Хохлов?

Хохлов дожидался их у безлюдного пляжа в городе-призраке Фамагусте. Следуя его телефонным инструкциям, они достигли края мертвой греческой метрополии. У самой запретной зоны сохранилась дышащая на ладан, построенная, видимо, еще в начале семидесятых заправочная станция. Ржавая, цвета марсианского песка заросшая водорослями колючая проволока уходила в средиземноморский прибой.

У Хохлова оказался с собой персональный аэроплан — он помещался в багажнике большого «мерседеса». Заправочная станция предоставляла все необходимое для бегства воздушным путем: горючее, сжатый воздух, относительное безлюдье и плоскую площадку для взлета.

Вдоль Зеленой линии громоздились брошенные пляжные отели с выбитыми стеклами. Гражданская война принудила эвакуироваться греческих обитателей Фамагусты. Вернуться им не разрешали, туркам тоже запрещалось здесь селиться.

Крохотная карманная Ривьера превратилась в заросший травой некрополь, полный зловещих потусторонних звуков.

Рана, нанесенная 1974 годом, проникла здесь до самых внутренностей: Фамагуста превратилась в кипрскую моль, засушенную в сигарной коробке, ненужную вещь, вырванную из тисков времени. О состоянии стен и крыш заботились огромные стаи городских голубей, в трещинах стен успели вырасти деревья. Мини-экосистему крыс и бродячих собак поддерживали заросли диких лимонов и апельсинов.

— Славная у тебя машина! — похвалил Старлиц.

— Албанская. — Хохлов открыл крышку багажника. — Албанцы — главные автомобильные воры Европы. Весь их режим стоит на угонах машин. Они могут угнать из Бонна «мерседес» и уже через двенадцать часов поставить его в гараж какого-нибудь из своих министров.

— Неплохо, — одобрил Старлиц. — Лучше контрабанды сигарет.

— Охранная сигнализация шикарных машин уже не орет на всю улицу. Теперь их выслеживают спутники, — сказал Хохлов. — Попроси дочь подать мне вон тот шланг.

Зета послушно подкатила ему черную бобину и возобновила болтовню с заправщиком, усатым турком-киприотом в шрамах, по виду разбойником, вышедшим на пенсию. Облик снайпера с огромным послужным списком не помешал ему ласково угостить Зету неаполитанским мороженым. Здесь, на краю брошенной баррикады, он не мог не испытывать недостаток в клиентах. Его станция была ширмой, скрывавшей какую-то другую деятельность.

— Страшноватый тип! — высказался о нем Старлиц, щурясь на солнце. — Он нас не заложит?

— Ему заплатили, — терпеливо ответил Хохлов. — Он коммунист.

— Тогда все понятно.

— Лучше помоги мне собрать президентский лайнер. Это не так просто, как кажется.

Сербская версия «борта № 1» оказалась тяжелой. Вместе с элеронами, кабелями и шасси он весил добрую тонну. То, что тевтонское четырехколесное изделие сумело доставить его в город-призрак, вызывало уважительное изумление. Он был сложен с маниакальной швейцарской аккуратностью и образовывал множество слоев, как какое-то невозможное сочетание альпийской палатки и герметической упаковки памперсов. Поднять его вдвоем оказалось невозможно, пришлось звать на помощь заправщика.

Следующей непростой задачей была установка двух двигателей в двадцать восемь лошадиных сил. Но сложнее всего было поставить на место выдвижное шасси. Навесив плоский пластмассовый пропеллер, Хохлов принялся качать воздух. Самолет медленно приобретал достойные очертания. На заросшем травой асфальте появилось причудливое монокрыло. От кончика хвоста до пропеллера в надувном самолете оказалось все двенадцать метров, он был гладенький, сияющий, удивительный, как выброшенный на берег скат.

— Помнишь DOS и командную строку? — спросил Хохлов.

— Твоя штуковина не работает под Windows?

— Главное — загрузить систему управления растяжными кабелями. После этого моя пташка начинает подчиняться джойстику.

Старлиц подтянул широкие, надежные ленты «Велкро», которыми крепились два маленьких двигателя. Они питались горючим из двух таких же маленьких баков. Все вместе производило впечатление абсурдной хрупкости. Но было очевидно, что двигатели способны справиться со своей работой, потому что сам аппарат состоял из одних мембран, перемычек и воздуха. У него были крылья, элероны, рули направления и высоты; наполнившись воздухом, он мог набрать порядочную высоту и скорость. Немецкая полиэстеровая оболочка была неуязвима для огня из стрелкового оружия. У Стар-лица на глазах буквально из ничего получился четырехместный самолет весом с приличный кусок пенопласта.

— Какое октановое число? — спросил Старлиц.

— Самое высокое, — заверил его Хохлов.

— Спасибо, утешил.

— Оставь запасные баки пустыми. Балласт заменишь ты. До турецкого берега всего полчаса лету.

Коротко переговорив с заправщиком, Старлиц принялся наливать канистры и подтаскивать их к самолету. Когда-то он мог поднимать и не такие тяжести одной рукой, но теперь был вынужден, кряхтя, использовать обе, боясь за позвоночник. Наполняя бак через пластмассовую воронку, он проворчал:

— Я преклоняюсь перед этим швейцарским изделием, но раньше ты, Пулат Романович, предпочитал скорость в один-два маха [27].

— Теперь главное — не скорость. Скорость — для «Конкорда» и космонавтов. Мне важнее остаться незаметным. Президент Милошевич и его жена — люди старой восточноевропейской выучки. Им не хочется кончить так же, как чета Чаушеску. Так что МИГи для них не спасение. — Хохлов с улыбкой похлопал

фюзеляж, приобретший сходство с надувным матрасом. — Когда совсем припечет, они захватят знаменитое полотно Рембрандта, покинут президентский дворец в Белграде и пропадут с экранов натовских радаров. Позже они объявятся на частном греческом островке и заживут на своей вилле стоимостью в восемь миллионов долларов, под защитой православной церкви. У клана Милошевичей хватит денег в банках греческого Кипра, чтобы купить сыну и дочери по радиостанции. Годик-другой, чтобы все успокоилось, — и снова начнется круглосуточное осуществление мстительных славянских фантазий.

— Где ты раздобыл такую суперсовременную птичку, ас?

— У нас, пилотов-контрабандистов, нет друг от друга тайн. Замысел принадлежит одной немецкой фирме пневматических устройств. Она производит роботы, воздушные шары, целые надувные дома с надувными крышами и балками… Как видишь, все просто: взлет — посадка. Горячий воздух, только и всего. Никто не знает, как это работает и куда летит. Совсем как русский банк, Леха.

Старлиц уважительно кивнул.

— Всецело поддерживаю!

На пляже появились двое киприотов-велосипедистов шести — девяти лет в полосатых футболках и с улыбкой до ушей.

— Скажите им, что это волшебный цыганский шатер, — посоветовал Старлиц заправщику. — Сейчас мы исчезнем внутри шатра.

Испугавшись услышанного, мальчишки унеслись на своих велосипедах так быстро, как только позволила их детская прыть.

— Дамы вперед, — сказал Хохлов и подал руку Зете. За ней последовал Старлиц.

— Ненавижу этот драндулет! — пискнула Зета, втискиваясь в сиденье размера и формы спального мешка. — Ни орешков, ни кино! Почему нельзя летать, как все нормальные люди?

— Дядя Пулат — русский, — объяснил Старлиц. — У него переходный период. Мы должны проявлять вежливость.

Двигатели зачихали, потом дружно взвыли. Хохлов ловко погрузился в пилотскую ячейку, надел круглый прозрачный шлем и взялся за ромбовидный джойстик, словно позаимствованный из «Нинтендо». Чудо-машина нехотя прокатилась по асфальту, с трудом поднялась в воздух и полетела над морем.

5

Через несколько дней, вознесясь на высоту тридцать тысяч футов над Атлантикой, Старлиц допил купленный у стюардессы виски и прижался ноющим затылком к маленькой подушке.

Как сказал ему однажды незнакомый пожилой немец, наивысшее блаженство в жизни — глубокий сон в мягкой постели. Раньше он не был фанатиком мирного сна, но после разговора с тем немцем стал относиться ко сну серьезно. Если бы он прожил на свете так долго, как тот немец, то его ночи тоже стали бы бессонными, полными кошмарных воспоминаний: о не менее страшных вещах, чем сталинские пушки на вмерзшем в снега Восточном фронте.

Зета съежилась комочком под тонким одеялом. В одиннадцать лет человек все делает исступленно, даже спит. Стюардесса шла по проходу с застывшей улыбкой профессионалки, проводящей жизнь вне часовых поясов. Старлиц отдал ей три пустые бутылки из-под виски и пять пустых пакетиков из-под арахиса. Она взяла все, ни разу не встретившись с ним взглядом, и равнодушно двинулась дальше. Глядя, как она удаляется, он поймал себя на том, что ее заученная вихляющая походка о чем-то ему напоминает.

Покопавшись в памяти, он хлопнул себя по лбу. Он вспомнил все, кроме имени.

Девушка из Чикаго. Она каждый вечер прибиралась в берлоге чикагского политикана. Она работала уборщицей. Старлиц проводил бессонные ночи в компании жуликов, подсчитывая гонорары и куря сигары, а эта малявка, как ее там, орудовала тряпкой и, таская из угла в угол ведро, постепенно вошла в его жизнь.

Он не мог вспомнить ее лицо. Росту в ней было всего пять футов, зато в ширину она была неохватной. Хрупкой ее можно было бы назвать только в насмешку: она была крепкой и сильной, как трактор. Она запросто протащила бы на плечах козлиную тушу через всю Мексиканскую пустыню, обутая в одни гуарачи [28], не морщась и не жалуясь. Большинство молодых людей не обращали на нее внимания, а хозяева офиса вообще в упор ее не видели. Они никогда к ней не обращались. Она находилась за пределами их вселенной.

А он ее заметил. Поняв, что он не сводит с нее глаз, она оторвала взгляд от своей тряпки, и он увидел, что она похожа на нежную лань. То был не призыв самки, а отважное вторжение в историю его жизни.

Сейчас, мучась ностальгией и борясь с пьяным головокружением, Старлиц вспоминал прошлое, ненавидя неудобную подушку и тщетно пытаясь устроиться поудобнее. Он видел их спальню, чувствовал ее запах, перебирал ее жалкое бельишко, помнил каждую ее черточку — но не имя.

Сперва он попытался ее одурачить: сказал, что поможет ей как следует выучить английский. Со своим ломаным английским она кое-как могла платить за комнату и покупать матери хлеб и разные мелочи. Но заговорить так, как говорят настоящие североамериканцы, она бы никогда не сумела. Их шустрая речь не укладывалась в ее бедной голове. Все ее внутренние ресурсы шли на одно колоссальное, сверхъестественное усилие: на старание не дать умереть своему непостижимому внутреннему миру.

Их связь, если это можно так назвать, продолжалась одиннадцать месяцев. Ворочаясь в жестком кресле экономкласса, Старлиц подсчитал, что никогда так долго ни с кем не оставался. После бесплодных уроков языка он с наслаждением ее наряжал и вез в город — на дискотеку, в хороший ирландский бар, в дорогой ресторан. Ему доставляла наслаждение ее неспособность прочесть меню и что-либо сказать официанту, притом что ее наряды стопроцентной американки, на которые раскошеливался Старлиц, стоили годового заработка официанта. Он вел ее в чайнатаун, поил рисовым вином и кормил упоительно вкусными и безумно острыми сычуанскими блюдами. Он испытывал примитивный, животный восторг, видя, как ее белоснежные зубы дробят крохотные кукурузные початки.

С тех пор минуло двадцать лет, но воспоминания о несуразности всего этого и теперь вызывали у Старлица улыбку. Он очень старался, их связь много для него значила. Это было… веселье, радость. Теперь, в зрелом возрасте, оглядываясь назад и воспринимая прошлое как не очень ясную янтарную ферротипию, он понимал, что она — да как же ее звали? — была первой претенденткой на звание главной любви всей его жизни.

Такого самообладания, как у нее, Старлиц не встречал ни у кого. Они почти не могли разговаривать, но такова жизнь. Ее привлекательности мог позавидовать разве что столб. Принять с ней вторую позицию можно было только после смертельной схватки. Он никогда не видел ее совершенно обнаженной, да и не больно-то хотелось. Все это даже отдаленно не походило на любовные свидания. Нет, это были два соприкоснувшихся со всего размаху чуждых мира. Землетрясение, неодолимая сила тяжести, разнузданные природные стихии.

Почти все время она молча отстаивала свою честь, а через два раза на третий начинала вдруг так же молча ее отвергать. Секс с

ней был мало привлекателен, ибо даже для молодого парня, каким он тогда был, этот секс больше походил на тяжкий труд. Нет, причина, по которой его так привлекала Консуэла (вот как ее звали — Консуэла! — или что-то вроде этого), заключалась в присущем ей бескрайнем, освобождающем душу резервуаре сугубо индивидуальной, какой-то сектантской подлинности. Сказать, что она была горяча в постели, было бы сильным преувеличением, но жизнь становилась для него пленительнее после того, как он покидал ее постель. Он выбегал от нее ночью, корчась от мужской неудовлетворенности, — и Чикаго почти переставал существовать. Огромный, мишурный город в самом сердце бескрайней страны погибал в неземном огне, как плод фантазии Ван Гога. Он чувствовал, что способен проходить сквозь железобетонные стены рвущихся ввысь небоскребов. Он мог бы пять месяцев продержаться на высеченных между ними искрах, на порождении титанического трения между ней и реальностью мира янки. Быть с ней было все равно что побывать на Луне.

Она никогда ни о чем его не спрашивала. Ее ничего не удивляло; вернее, все, что он делал, поражало ее в равной степени — то есть не поражало совершенно. Месяц за месяцем росло его отчаяние, он делался все более жесток, все более безумен. Он прибегал к сложным приемам, чтобы разрушить неприступную крепость статус-кво. Он чувствовал, что, проделав незаметно дыру ниже ее ватерлинии, сумеет заразить ее своей вселенной. Он ставил опыты: завалил ее одеждой, украденной из особняков в Оук-Парк, притащил ей ворованный цветной телевизор, надел ей на голову драгоценную диадему, однажды преподнес краденую норковую шубу.

А она продавала одежду на барахолке, телевизор отдала матери, драгоценности сложила в шкатулку, шкатулку потеряла. Даже в разгар чикагской зимы она отказывалась надевать норковую шубу, хотя однажды он увидел, как она ее поглаживает с печальным изумлением. Все остальное — вибратор, бюстгальтер самого большого размера с силиконовыми подкладками, съедобное нижнее белье — образовывало один бескрайний, однородный, демонический пейзаж, оставалось непристойным мутным хаосом под звенящей струной целомудренности. Она была бесконечно обыкновенной и невыразимо далекой. Иметь с ней дело было все равно что тряхнуть бутылку с колой, сковырнуть крышку — и захлебнуться лавой вулкана Килауэа.

Его она не берегла. Ей было невдомек, что значит льстить самолюбию, выпрашивать подачки, изображать девичье счастье. Она даже сама выносила свой мусор. Его роль в ее жизни была совершенно символической. Для Консуэлы он олицетворял весь

мужской пол, ее экзистенциальное столкновение с мужским началом. Больше никто не стучался в ее женский мир, и после его ухода она спокойно довольствовалась воспоминаниями. Высшие силы нашли его на задворках, отряхнули и подсунули Консуэле, ибо ее внутренний мир нуждался в неизбывном кошмаре.

А потом он познакомился с ее матерью. Длинные седые космы, страшные желтые бельмы, ольмекская сантерия [29]. Не продержавшись и тридцати секунд, он бросился прочь из жертвенной пирамиды. Дальше пути не было. Он подарил ей краденое кольцо с бриллиантом в форме хоккейной площадки, предложил заключить брак (на нейтральной территории — в синагоге) и улететь с ним в Ливию. Консуэла обдумала предложение и пришла к непоколебимому заключению: сказала твердое «нет». Тогда он выбросил кольцо в озеро Мичиган, несколько минут поплакал и в ближайший понедельник улетел в Ливию один. Все кончилось.

Ливия оказалась великолепной, он получил все, чего хотел, даже больше. Только — теперь он это знал — ему уже не было суждено так сильно привязаться к женщине. Секс остался ему доступен, но движущая сила иссякала. Он уже не бился с разбегу головой в стену, а мог в лучшем случае побриться, приодеться, протянуть деньги — и ждать. Иногда дожидался, иногда нет. Он не горевал. Все хотя бы отдаленно напоминающее роман уходило дальше и дальше. Секс утратил смысл, который он не мог бы контролировать, и более не сулил ему истинных последствий. В его крови, в самом его существе не осталось будущего.

— Папа!

— Что?

— Эй, папа!

— Да что тебе?

Зета высунула из-под одеяла всклокоченную головку.

— От игры в «Нинтендо» у меня онемели пальцы. Скоро мы прилетим?

— Мы парим над океаном. Но в конце концов мы доберемся до места.

Таможня в Мехико была гостеприимна к обладателям паспортов, похожих на американские. В обменном пункте Старлиц опорожнил бумажник и снова его набил — теперь мексиканскими песо. В беспошлинном магазине он купил себе упаковку сигарет «Лаки Страйкс» и ребристую бутылку текилы «Гран Сентенарио» на три четверти литра. Зета получила пачку жвачки «Чиклетс».

— Я не люблю цветные, — заныла красноглазая от перелета Зета. — Я люблю белые.

— Тогда жуй только белые. Нам надо сделать покупки.

Старлиц оставил нетяжелый багаж и оба паспорта в ячейке камеры хранения, с силой захлопнул стальную дверцу и спустил ключ от нее в унитаз мужского туалета. Теперь он разыскивал своего отца. Такова была главная задача. Сделать это следовало обязательно, хотя это было очень нелегко. Это было бы неосуществимо без погружения в просторный, сумрачный мир людей без документов.

Старлиц купил дешевую брезентовую сумку на ремне с грубой четырехцветной эмблемой с изображением чупакабры [30], убивающей козу, большую шерстяную кофту с деревянными пуговицами, настоящую мексиканскую шляпу, которую с трудом раскопал среди поддельных.

— Тебе тоже надо полностью преобразиться, — сказал Старлиц дочери. — Я собираюсь познакомить тебя с твоим дедушкой.

— Дедушка не любит прикид «Большой Семерки»?

— Он об этом даже не слыхал. — Старлиц покачал головой. — Понимаешь, когда ты будешь знакомиться с моим папашей, своим дедом, то увидеть его будет очень непросто. Тебе придется по-настоящему раскрепоститься, и тогда, возможно, ты его мельком заметишь. Если нам повезет, если мы правильно определим место и время, то твой дед может… появиться.

Зета задумчиво кивнула. Старлиц постарался придать голосу искренности.

— Теперь, когда мы вместе, Зенобия, тебе пора познакомиться с родней с моей стороны. А эта твоя родня совсем не похожа на мамаш номер один и номер два.

— Они — лесбиянки в стиле «нью-эйдж»?

— О, нет, это было бы слишком просто…

— Родня с моей стороны мне тоже не слишком нравится, — отважно проговорила Зета. — Все нормально, папа.

Старлиц потрепал ее по плечу. Разговор по душам оказался проще, чем он предполагал.

— Будет лучше, если ты временно откажешься от своей крутой одежки из девяностых. Тебе придется одеваться по-другому — в вещи, которые могли бы носиться когда угодно с 1901 по 1999 год. Ориентир — середка, год 1945-й.

— Сорок пятый? Третья мировая война?

— Вторая.

— Ах да!

— Прошлое — это другая страна, Зета. Мы тоже должны измениться. Такси теперь не для нас. Мы с тобой превратились в бедняков. Мы бедны — и невидимы. У нас нет документов, и мы

не можем позволить, чтобы нас сцапала полиция. Мы не знаем ни адвокатов, ни докторов, нам ни к чему банки. Не вздумай заговаривать с незнакомцами. Притворись, что не владеешь английским. Не пиши свое имя, никому не говори, кто ты такая. — Старлиц перевел дух. — Главное, сторонись видеокамер. Как только заметишь камеру слежения — пускайся наутек.

— Чем так плохи камеры?

— Ты еще не заметила? Она пожала плечами.

— Я знаю, что видеокамеры меня не любят. Я их всегда ломаю. Фотоаппараты я тоже иногда ломаю.

— Причин две, детка: наблюдение и учет. Механическая объективность, неусыпное наблюдение, научный метод, воспроизводство результатов, весь этот ужас. Если мы решили отыскать твоего деда, то должны стать неуловимыми, должны уйти от связного повествования как можно дальше. Ты меня понимаешь? Знаю, это не так-то просто понять…

Зета наморщила лобик.

— Что-то вроде игры в прятки?

— Вроде того.

— Мы охотимся на дедушку? Переодеваемся, чтобы его выследить?

— Похоже на то. Очень похоже. Она просияла.

— Мы уходим в подполье, чтобы ухватить его за задницу?

— Именно! — воскликнул Старлиц. — Почти что в самую точку.

К вечеру они уже ехали в автобусе в Хуарес. Зета спала, привалившись к его плечу, с рваным билетиком и надкусанной мармеладной черепашкой в руке. Старлиц курил одну сигарету за другой, не вызывая возражений соседей — скуластой вдовы в черном платке и мужчины в полосатом костюме, похожего очертаниями на грушу. Ночь за стеклом сияла центральноамериканскими звездами.

С наслаждением докурив одну сигарету, вызвавшую приступ рыхлого кашля, как у жителя Мехико, Старлиц без промедления зажег другую. Он остался буквально без гроша, в кармане мешковатых хлопковых штанов не нашлось бы даже одного песо, но его связь с остальным миром поддерживали сигареты. В подполье двадцатого века они всегда были ходовой валютой, вызывавшей в памяти войны, оккупационные войска, сопротивление, заключенных. Тайное богатство ГУЛАГа, Париж времен оккупации, московские stilyagi, обитатели гонконгских лодчонок, окружные каталажки и больницы, реабилитация. Он курил весь день, потому что дым скрывал его лицо, делал его таким же, как все. Он тянул с подсчетом оставшихся сигарет,

потому что ему хотелось думать, что на дне сумки всегда найдется хотя бы еще одна завалявшаяся.

Старлиц и Зета провели в Хуаресе девять дней, разыскивая проводника, который переправил бы их через Большую реку — Рио-Гранде, в Эль-Пасо — «Переход», в Эль-Норте — на север, в легендарное бескрайнее царство жестокости и золота.

Старлиц видел, что Эль-Норте протянуло свои извивающиеся противоестественные щупальца через границу, пустило прочные корни в этой безмятежной прежде стране: в этой части Мексики не осталось дремлющих метисов, стало не с кем сражаться с помощью мачете, перекрестив грудь патронташами. Япония производила здесь свои пластиковые штуковины на пальчиковых батарейках, мультинациональная Европа преобразила здешние города силиконом и чудищами на колесах. Страна еще именовалась Мексикой и в целом оставалась своим, домашним предприятием, но уже стала Мексикой 1999 года, Мексикой НАФТА, единственной в Латинской Америке экономической супердержавой мирового масштаба. До третьего тысячелетия и здесь было уже рукой подать.

На торговых улицах было полно праздношатающихся пьяных янки, поэтому кормежка и ночлег сразу улучшились: Старлиц стянул у одного из них бумажник.

Не сводя глаз со своей тарелки с толченой белой кукурузой, мясом и перцем, Зета спросила:

— Папа, воровать из карманов бумажники неправильно?

— Совершенно неправильно! — твердо заверил ее Старлиц, вылавливая тайваньской вилкой фасолины из цветастой тарелки. — Бизнес карманников дает очень небольшую прибыль. Если все организовать по правилам, то потребуется много участников: один толкает, второй тащит, третий убегает… Чрезмерные трудовые затраты. Процветает только тот, кто высаживает в аэропортах и на вокзалах целые десанты карманников. Даже не думай об этом.

— Ты украл у пьяного бумажник. Это нехорошо?

— Конечно нехорошо. Но еще хуже не заплатить проводнику, переправляющему тебя через Большую реку.

— Понятно, папа. — И она с аппетитом принялась за еду.

Проводник оказался, скорее, любителем, какого первым делом найдешь, плохо владея испанским, в пограничном городке в хмурый выходной: прыщавый те-хано с тяжелой серебряной пряжкой на ремне и в здоровенной черной ковбойской шляпе, воображавший, что заткнет за пояс всю la Frontera [31], раз у него pistola en la mano [32].

После полуночи кучка отчаянных безработных перешла вброд

бетонный желоб Рио-Гранде и тут же попала в перекрестье прожекторных лучей и инфракрасных камер. На их счастье, после недавнего скандала со стрельбой на поражение сотрудники Службы иммиграции и натурализации действовали несколько вяло и нерешительно. Вскарабкавшись по шершавому цементному склону, Старлиц и Зета упали в грязь и застыли среди колючек, пережидая, пока мимо них в каких-то десяти футах протопают форменные башмаки и стихнет собачий скулеж. Потом пришлось, царапаясь до крови, продираться сквозь колючую проволоку и огибать на цыпочках залитые светом простреливаемые участки. Наградой им стала заросшая сорняком обочина обыкновенной американской улицы.

— Знаешь что, папа? — проговорила Зета, вынимая из волос колючки и сучки.

— Что?

— Знаешь что, папа, со мной такого еще никогда не бывало. Это ужасно! Я голодная, я все время голодная. Мне холодно, я вся в грязи. Мы всюду таскаемся пешком. Не пользуемся туалетом. У меня нет своего дома, даже воды нет.

— Точно. Такова главная сюжетная линия.

— Тогда почему у меня такое чувство, что все нормально?

— Потому что все нормально. Большинство людей на свете так и живут. Большинство всегда так жили. Большинство ни на что другое и не надеются. Такова подоплека, таково подлинное молчаливое большинство [33]. Большинство людей на свете совершенно нищие и темные. Так живут миллиарды. Это не попадает в заголовки новостей, в объективы камер, это никогда не показывают по телевизору. И всем на это искренне наплевать.

Некоторое время они брели молча, минуя покосившиеся уличные фонари и непривлекательные магазинчики, заманивающие скорыми тиражами лотерей.

— Послушай, папа!

— Что?

— Послушай.

— Что?

— Бедняки едят электрические лампочки?

— Зачем им это есть? — Старлиц запнулся. — Ты что, ешь лампочки?

Зета, отставшая на пару шагов, пробормотала что-то неразборчивое.

— Я не понял…

Застыв от смущения, она подняла глаза.

— Я же говорила: только белые матовые.

— Кто-нибудь когда-нибудь видел тебя за поеданием

лампочек? — рявкнул Старлиц. — Ты говорила хоть кому-нибудь, что ешь лампочки? По крайней мере перед камерами ты их не ела?

— Нет-нет, папа, никогда, никому.

— В таком случае можешь не волноваться.

— Правда? — Она просияла. — Здорово!

Через несколько минут Старлиц нарушил молчание:

— Ты все-таки поосторожнее с лампочками. Они же из стекла и металла. Неорганические. — Зета ничего не сказала. — Что ж, как знаешь, — смягчился он. — Я твой отец, мне ты можешь рассказывать такие вещи. Все в порядке, Зета. Ты хорошо сделала, что сказала мне об этом.

Сердобольные сельские жители Нью-Мексико охотно подсаживали в машину голосующую на дороге одиннадцатилетнюю девочку. Но тут же разочаровывались: девочка не владела приграничным испанским, к тому же ее сопровождал папаша — крупный, молчаливый, в шляпе. Отец и дочь продвигались медленно, почти наугад, подолгу простаивали на пыльных обочинах, но земная твердь шевелилась у них под ногами, хотя направление движения отсутствовало. Ориентиром для них было собственное душевное состояние.

Единственной помехой могло стать любопытство какого-нибудь заскучавшего помощника шерифа. Они находились в гористой «Пустой Четверти» Северной Америки, обитатели которой ни за что не выдали бы Старлица и Зету презренным бюрократам из далекого Вашингтона. Два раза водители останавливались у придорожных кафе, кормили их чили и платили по счету. Одна щедрая особа даже порывалась купить Зете более приличную обувку.

Они ночевали в водопропускных трубах и под мостами, постепенно поднимаясь к безводным, поросшим соснами просторам, к Сокорро.

Разбитая дорога вела к давно заброшенному военному лагерю. Зета загорела и похудела; несмотря на неудобные ночевки и скудное нерегулярное питание, она даже подросла на дюйм. Она была в постоянном движении, дышала горным воздухом. Каждый новый день, каждый час оставлял заметный слой опыта на гладкой поверхности детской души.

— Папа, мы еще не пришли?

— Почти пришли, я чувствую. Скоро мы будем на месте.

— Дедушка живет где-то здесь?

— Нет, у него нет определенного местожительства, но это то место, которое сделало его тем, что он есть. Или был. Ну, ты понимаешь. Неважно.

Выбор Старлица пал наконец на облезлый железный ангар в умирающем пригороде Сокорро. На эту хибару и участок вокруг нее никто не польстился: как видно, она не попала в коммерческий регистр из-за близости свалки токсических отходов или другой дряни.

Устраиваясь, то есть воюя с паутиной и расставляя в углах свечи, Старлиц и Зета постепенно понимали, где оказались. Жуткая постройка была некогда частью великого, подрывающего основы реальности исследовательского усилия, порождением Большой Науки середины века. Тут сохранился запах, даже привкус Большого Технологического Прорыва, слабый металлический изотропный аромат аномальной радиации, как в какой-нибудь лаборатории славных времен Марии Кюри, где мигающие шкалы вызывали еще не страх, а радостное сердцебиение.

Какой-то наркоман из местных приволок этот ангар после падения Оппенгеймера с некогда строго охраняемого атомного объекта, а какой-то мелкий бизнесмен, уклонист от налогов, кое-как склепал бывшую военную лабораторию, наварив кое-где листы железа. Постепенно она обросла деревянными пристройками, похожими на шлюзы, ведущими в мир пролетарской нищеты.

За десятилетия маленький комплекс пополнился отбросами потребительского общества, как обзаводится новыми каменными лепестками роза пустыни: бензоколонкой, дощатым указателем, севшими аккумуляторами, новым цементным полом, будкой для собаки или городского койота, отъездившими свое тракторными покрышками, нейлоновыми одеялами-подделками под ручную индейскую работу, заляпанными машинным маслом, затоптанными календарями с полуголыми пляжными красотками, сувенирными индейскими стрелами, изготовленными в оккупированной Японии на станках, с которых раньше сходили снаряды, окаменевшими струями трансмиссионного масла, выпотрошенными соломенными тюфяками, разлохмаченными лебедочными ремнями, готовыми распасться на атомы после многолетней нещадной эксплуатации, погнутыми медными заклепками, радужной токарной стружкой, норовящей проткнуть подметку, шестью ведерками с деревянными ручками, краска в которых давно превратилась в резину, бесцветными твердыми отложениями неясного происхождения, кедровыми дровами, изрядно подпорченными крысами, порожними мешками из-под муки, пустыми бутылками из-под виски «Джим Бим» и из-под текилы «Дос Чамукос», безнадежно перекрученным и наполовину погребенным в песке садовым шлангом…

Они продрожали ночь на цементном полу, разведя костер и отплясывая перед ним, чтобы согреться, однако старик так и не появился.

— Жаль, что он не показался, — молвил побежденный Старлиц при первых проблесках зари. — Кажется, это будет труднее, чем я думал. Собственно, я другого и не ожидал, век-то совсем на исходе, но тогда напрасно мы столько старались. Придется попытаться еще, только теперь уже не жалея сил.

— Дедушка не знает, что мы здесь? Старлиц поскреб в жирных волосах.

— Откуда ему от этом знать? Попытаемся подманить его Рождеством. Все рождественские праздники в двадцатом веке одинаковые. С каждым годом Рождество становится все более потребительским событием, иудео-христианские ценности потускнели, но его по-прежнему привлекают праздники. На Рождество обычно слабеет бдительность. Люди напиваются, ссорятся с родственниками, до чужаков им нет дела. Газеты становятся тоньше, с телеэкрана не слезают старые актеры. Раньше, когда я часто видел отца, он всегда появлялся на Рождество. Вроде как приходил в город, чтобы навестить меня в праздник… Обычно во Флориде.

— Ты из Флориды, папа?

— Да. Нет. Может быть. Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, моя мать угодила в больницу и больше оттуда не вышла, а меня забрал один старикан из Таллахасси, мы называли его Профессором.

Женщина, с которой он жил, — наверное, мне надо было звать ее мачехой, — нас кормила. А я помогал ему с его великим проектом. — Старлиц не заметил, что забрел в масляное пятно. — Использование детского труда в лесной глуши, флоридский вариант.

— У него был великий проект? Мне бы тоже хотелось иметь великий проект. Что это было?

— Ничего особенного. У таких типов, как Профессор, конечно, не все дома, зато они вечно носятся с грандиозными замыслами, когда у них есть силенки… Если ты не в курсе, этот замысел может показаться тебе полнейшим сумасшествием. Но если ты посвящен в суть дела, то понимаешь, что это серьезно, что это может перевернуть мир. Профессор не хотел выпадать из общего повествования, понимаешь, вот и цеплялся за него… Накапливал физические свидетельства своего существования. Он, видишь ли, задумал создать якорь для персональной реальности. Материалом ему служили детали с подержанных машин и огромные куски кораллов — у берегов Флориды бывают такие, на

все пять-шесть тонн. Он дожидался темноты, чтобы никто не видел, как он перетаскивает их руками. Вокруг принимали это за искусство, придорожный аттракцион — так выглядел навороченный им огромный каменный лабиринт с кусками кипарисовых корней. Вот где я жил в детстве.

— Почему же мы не едем туда! Там гораздо лучше, чем в этом вонючем гараже. Флорида — это класс! Однажды я там была. Там тепло!

— Все уничтожил торнадо. Его самого, мачеху, все вокруг: домики, трейлеры, рекламные проспекты, сувенирный киоск, все! — Старлиц поскреб в голове. — Во всяком случае, когда все стихло, это назвали торнадо… А все потому, что бедняга слишком высунулся наружу. Уже готовился телевизионный сюжет и все такое…

Зета насупилась.

— Почему?

— Так действует реальность, вот и все.

— Почему она так действует, папа?

— Таковы законы природы. Птицы и пчелы.

— Это я знаю, папа, — сказала Зета, вздрогнув. — Меня заставили прочесть «О вас и вашем теле» [34] в семь лет.

— Если бы все было так просто! Это не «реальность». Понимаешь, глубокая реальность соткана из языка. — Зета молчала. — Люди этого не понимают. Даже если они это говорят, то наверняка не знают, что это значит. А значит это, что никакой «правды» не существует. Есть только язык. И «факта» нет. Нет ни правды, ни лжи, есть всего лишь доминантные процессы, из которых сложена социальная реальность. В мире, состоящем из языка, ничто другое невозможно.

Зета покопалась в песке и показала ржавый гвоздь.

— Это тоже язык?

— Да. Это «ржавый гвоздь» настолько, насколько выстроена концептуальная сущность под названием «ржавый гвоздь» в нашем культурном пространстве в данный момент истории.

— Он выглядит реальным. Видишь, я испачкала им пальцы.

— Слушай меня, Зета. Это по-настоящему важно. «Отец любил девочку, но она все равно умерла ужасной смертью, потому что наступила на ржавый гвоздь». Это тоже язык.

Зета сморщилась от страха и поспешно швырнула гвоздь в темноту.

— Объективной реальности не существует. По-настоящему реальный мир, может быть, и существует. По Ньютону, по Эйнштейну. Но поскольку мы живем в языковом мире, то нам в него отсюда никогда не попасть. Из языкового мира нет выхода.

Коренная реальность — и та нам недоступна. Единственное направление, в котором мы можем пройти, — это в различные оттенки доминирующего социального дискурса, в структуру связного повествования или, что хуже всего, — в пустоту Витгенштейна, где нельзя ничего сказать, ничего помыслить… [35] Туда вход запрещен, понятно? Потому что оттуда нет выхода. Это черная дыра.

— Откуда ты столько об этом знаешь, папа?

— Раньше я ничего такого не знал, а просто жил. Но мне всегда нравилось находиться на краю системы, где все рушится. Потребовалось долгое время, чтобы понять, что я в действительности делаю. Я всегда оказываюсь там, где большая история превращается в маленькие безумные контристории. Но теперь мне открывается мое положение, потому что я уже стар и достаточно знаю, чтобы разобраться в окружающем. — Старлиц вздохнул. — На самом деле не такой уж я знаток. То, как действует реальность, понимают считанные люди. Большинство их не говорит по-английски. Они говорят по-французски. Потому что все они теоретики языка. В основном специалисты по семиотике, некоторые — структуралисты и постструктуралисты. Люси Иригарей, Ролан Барт, Юлия Кристева, Луи Альтюссер… [36] Это мудрейшие люди на свете, владеющие истинным ключом. — Старлиц невесело засмеялся. — Но разве это им помогает? Ничуть! Бедняги, они душат своих жен и попадают под грузовики с грязным бельем. А после наступления двухтысячного года вся их болтовня навсегда выйдет из моды. Это будет вчерашний день.

— А откуда они так много знают?

— Понятия не имею. Но их проникновение в то, что в действительности происходит, видно из того, что написанное ими выглядит убедительно, но потом ловишь себя на том, что, зная, не можешь это знание употребить, чтобы что-то изменить. Если тебе понятна реальность, то ты бессилен. Если ты что-то делаешь, значит, ты не понимаешь реальность. Ты когда-нибудь слыхала об этих французах? Наверняка нет.

— Я слыхала о Юлии Кристевой, — робко возразила Зета. — Она антипатриархальный идеолог второго поколения, как Кэрол Пэйтмен и Мишель Ле Дофф [37].

Старлиц покивал, довольный этим признанием.

— Я рад, что ты о них знаешь… Рад, что тебя успели кое-чему обучить, несмотря на твой нежный возраст. — Он устало пожал плечами. — Я мало общаюсь с Мамашей Номер Один и Мамашей Номер Два. У нас много разногласий. Мы пытаемся ладить, но всегда ссоримся — то из-за торговли оружием под прикрытием коммуны, то из-за вывоза наркотиков из Французской

Полинезии… У нас слишком много споров. Грустно, правда? Я из-за этого грущу. Мне надо было чаще показываться, больше помогать, пока ты была меньше. — Он вздохнул. — Твоей вины в этом никогда не было, Зета. Такие уж они, постнуклеарные семьи [38].

— Теперь ты уже не можешь вернуться в коммуну. Им пришлось все распродать.

— Я знаю. Наверное, это было неизбежно. Приближаются большие перемены. Изменения в фабуле. От этого трудно увернуться. — Он вздохнул и встал. — Надеюсь все-таки найти способ.

6

Старлиц решил не жалеть сил. В конце концов, шел 1999 г. н. э., который десятилетия рекламировали как последний шанс оправдаться за содеянное в двадцатом веке. Было бы глупо напоследок не постараться.

Он долго ехал на автобусе назад к границе, а потом целую неделю искал место сбора преступников. Там, войдя в доверие к главарям банды байкеров, свихнувшихся на скоростях, он аккуратно составил список самых желанных для них предметов: сбываемых в считанные минуты ветровых стекол, дверных ручек и краг. Затем он отправился на промысел.

Но оказалось, что он устарел как профессионал. За его долгое отсутствие автомобили обросли визгливыми противоугонными сиренами, рулевые колонки сковали неприступные замки. И все же перед решительным человеком с верным глазом, твердой рукой и непробиваемым терпением не мог бы устоять даже броневик. К тому же ценным подспорьем оказалась зоркая несовершеннолетняя помощница.

Три угнанные машины удовлетворили потребность Старлица в деньгах, и они с Зетой вернулись автобусом в Сокорро. Обойдя распродажи и дешевые магазины, она купили блестящей шерсти и мишуры, длинные рождественские гирлянды, древний проигрыватель с работающими колонками, огромную стопку пластинок с рождественскими гимнами. У понурого жителя Нью-Мексико, распродававшего по случаю приближающегося Y2K все имущество, они приобрели за бесценок никогда не работавший электрогенератор. Когда-то этот бедняга решил перечеркнуть карьеру, загубить семью, пустить по ветру сбережения и скрывался в глубоком подвале от вездесущих компьютеров; теперь он сбывал заваль, которую раньше усиленно скупал.

И вот настал кульминационный момент всей операции: сбор развеселой толпы для празднования Рождества в разгар осени. Старлиц, разъезжавший без прав и вообще без каких-либо документов, позаимствовал с плохо охраняемой стоянки развалюху грузовичок и отправился за массовкой. Результат поездки представлял собой несвязный хор местных оболтусов: шестеро иностранцев-поденщиков на нелегальном положении, подрабатывавших на паркинге у местной «Home Depot» [39], четверо чумазых индейцев в ковбойских шляпах, покинувших резервацию, чтобы побыстрее спиться, и парочка ни на что не годных местных бородачей, наркоманов-даоистов.

Старлиц перевез их в заброшенный «квонсетовский» гараж [40]

несколькими партиями, кружными путями. Для согрева он разжег трескучий, средней ядовитости огонь в ржавой бочке. Он смазал, проверил, отладил генератор, Зета развесила на рыжих от ржавчины стенах рождественскую красотень. Повсюду были разложены сверкающие шляпы и сладкие свечки в упаковке.

Затем, подавляя гул генератора, проигрыватель заиграл бессмертное «Белое Рождество» Кросби [41].

Половина собравшихся не владела английским, поэтому хор получился слабоват. Два галлона вина «Моген-Давид» добавили веселья.

— Папа, это слишком громко! Сюда нагрянет полиция!

— Да, нет, может быть! — прокричал в ответ Старлиц. — Моему отцу это не впервой. Зато наш принцип срабатывает, я чувствую!

Сладкое пойло действовало на его гостей, как сверхмощные глубинные бомбы. Старлиц с надеждой взирал на скачущие по стенам тени. Дальше, за стенами, сотрясаемыми варварским ревом, погрузилась в зябкую ночь пустыня, вокруг города вилась пыль кедровой пыльцы и танцевали духи вымирающих индейских племен.

— Сработало! — понял Старлиц. — Гляди, Зета, сработало!

Зета разжала уши.

— Что ты сказал?

— Он явился, он здесь! Твой дед рядом с нами. Зета с сомнением оглядела валящихся с ног выпивох.

— Сосчитай их! — велел Старлиц.

Зета аккуратно произвела подсчет гостей.

— У меня получилось тринадцать перепившихся болванов, — доложила она безнадежным голосом.

— Ура! Я нанял только дюжину.

Зета опасливо глянула на гнилые двери, запертые на тяжелые засовы, укрепленные для верности ржавыми цепями.

— Папа, сюда никто никогда не смог бы проникну…

— Твоему деду не надо входить в двери. Дай соображу… Дадим каждому по рождественскому подарку — сигаретке. Это и будет удостоверением личности.

И Старлиц засновал среди празднующих, методично щелкая зажигалкой в густом дыму. Он выволакивал своих непутевых гостей из пьяных глубин их грез, поднося к их лицам мерцающий свет рождественской истины. Беззубые рты, неопрятные бороды. Обожженные ветром щеки и лбы. Седина и испарина. Пот и пыль. Вытаращенные от страха глаза, взлетающие от изумления брови. Кариес, витаминное голодание. Разложение деревни, распад городов.

Потом перед ним предстал тот, кого он искал. Этот человек был похож на остальных даже больше, чем те походили на самих себя, лицо его было сущностью всех потерянных лиц. У него было глубокое, первобытное выражение потерянности, безнадежной несвязности, оторванности, рождавшее непонятную радость, как поэзия на мертвом языке.

Старлиц вцепился в его щуплое плечо.

— Зета! Зета! Скорее сюда! — Девочка примчалась на зов. — Полюбуйся, Зета, это он!

Вечный лоботряс пыхтел только что зажженной сигареткой и плохо держал нечесаную голову. Впрочем, он креп на глазах, освобождаясь от уз массы, пространство-времени, веса, сажи, грязи. Старлица поразило, как молодо выглядит его отец. Таким противоестественно юным он его еще никогда не видел. С такими черными, хоть и запорошенными пылью волосами, с гладкой, без единой морщины шеей, с тонкими запястьями ему нельзя было дать больше двадцати пяти лет.

На отце Старлица были штаны защитного цвета, брезентовые башмаки без носков, серая брезентовая рубаха на пуговицах, какие носят в тюрьмах и на стройках.

Все совершенно бесцветное, донельзя вытертое, вылинявшее на тысяче солнц. Он приподнял тонкую грязную руку и прикоснулся к кисти Зеты. Зета отпрянула, но его это прикосновение оживило. Ощущение человека придало хоть какой-то осмысленности взгляду его глаз, похожих на дырочки для обувных шнурков.

— О, яванский навахо! [42] — пробормотал он.

— Отец, — тревожно сказал Старлиц, — ты ведь меня знаешь?

Молодой человек со слабой, блуждающей улыбкой пожал плечами.

— Держи его за руку, Зета. Держи хорошенько и не отпускай ни на секунду. Я сделаю потише музыку.

Он сбегал к надрывающимся колонкам и сразу вернулся.

— Папа, — заговорил он настойчиво, — это я, Лех. Я твой сын, сын польки, девушки из госпиталя, помнишь? Я уже взрослый, поэтому так выгляжу. А это моя дочь Зенобия. Твоя внучка, папа.

— Он говорит по-английски? — с любопытством осведомилась Зета, цепляясь за тощую руку призрака. — Судя по его виду, вряд ли.

— По-английски — нет, — подтвердил Старлиц. — У него свой, отдельный язык. Племенное наречие. В нем шестнадцать вариантов для оттенков оранжевого цвета и восемнадцать для

обозначения оленьих троп, но нет ни прошлого, ни настоящего, ни давнопрошедшего времени. Понимаешь, будущее и прошлое время ему без надобности. Его повествование обходится без этого.

— Как его зовут?

— Я знаю, что однажды ему присвоили официальное американское имя, потому что в сороковых годах его призвали в американскую армию. Он воевал на Тихом океане, служил с дешифровщиками из индейцев навахо. А потом нанялся уборщиком на большой федеральный проект в Лос-Аламосе. Там и случилась авария, из-за которой улетучилась его личность. Была — и нету. Моя мать, твоя бабка, всегда звала его просто Джо. Ну, как «солдатик Джо» или «Эй, Джо, жвачка есть?». Ты тоже можешь называть его Джо.

— Привет, дедушка Джо, — сказала Зета. Дедушка Джо улыбнулся ей и изрек нечто цветистое, доброе, остроумное и совершенно непостижимое.

— Погоди-ка! — крикнула Зета, пристально в него всматриваясь. — Я знаю, кто это! Я знаю его! Он же тот самый старикан! Ласковый такой, он еще приносил мне игрушки и разные подарки!

— Серьезно? Ты видела его раньше?

— А как же! Только тогда он был гораздо старше. Седой, сгорбленный, бормотал что-то про себя на собственном языке, все время семенил вперед-назад. Он появлялся на Рождество и дарил мне старинные сладости с натуральным сахаром. — Зета нахмурилась. — А Первая и Вторая Мамаши твердили, что я его выдумываю.

— Славный папаша! — Старлиц благодарно похлопал его по хрупкому предплечью. — Понимаешь, у твоего дедушки Джо нет передней и задней передачи. Зато он никогда не забывает, что разглядел в будущем.

Джо сердечно кивал и виновато улыбался. Он все еще походил на призрак, но в нем на глазах прибывало самодовольства. Он напоминал молодого призывника, ставшего свидетелем невероятных нацистских зверств, но быстро восстановившего самообладание при помощи виски и записей Бенни Гудмена.

— Теперь я понимаю: тот милый старикашка был моим дедом! — радостно воскликнула Зета. — Однажды он подарил мне старомодные часы, светившиеся в темноте.

Дедушка Джо положил свою тонкую руку на плечо внучке и доверчиво посмотрел на Старлица. Тот был тронут до глубины души. Его отец пренебрег всеми сложностями и посетил свою единственную внучку, чтобы осыпать ее анахроничными дарами

на дальнем краю своего скитальческого ареала, в завершающее десятилетие века. То было истинным самопожертвованием. Старлиц почувствовал, как внутри у него проходит давно мучившее его невероятное напряжение. Теперь он знал, что правильно поступил, приехав сюда. Все прошлые потери и будущие расплаты были отныне не в счет.

— Кайяк, — произнес дедушка Джо, откашлявшись. — Кинник-кинник. Нок конк.

— Он пытается с нами разговаривать! — взвизгнула Зета.

Дедушка Джо на глазах наливался силой, терял призрачность и крепчал. Он повернулся к Зете, добродушно подмигнул ей и игриво указал пальцем на Старлица.

— Тип из «Сладкой жизни». Влюбчивый осел.

— Папа молодец, — вступилась Зета за Старлица. — Он очень веселый, если с ним как следует познакомиться.

Джо прочувственно шмыгнул носом.

— Ма не знает себя, как и я.

— Это он о твоей бабке, — перевел Старлиц. — Медсестра Старлиц. Агнешка Старлиц. Понимаешь, она была узницей лагеря смерти в Польше, а потом попала в Америку и добралась до места, где могла видеть Джо лучше, чем кто-либо еще. Агнешка даже могла до него дотронуться… Они никогда не находились на одном и том же месте достаточно долго, чтобы пожениться, но отлично друг другу подходили. И даже друг о друге заботились.

— Мы можем повидаться с бабушкой? Старлиц грустно покачал головой.

— До нее теперь не достучаться, милая. У нее кресло-каталка, дистанционный пульт, овсянка трижды вдень… Иногда она сестра, иногда пациент, но чаще то и другое вместе, такая вот многофазовость… Боюсь, ты этого не поймешь, это для взрослых. Нет, повидаться с бабушкой ты не сможешь. Поверь, лучше избегать того состояния, когда начинаешь беседовать с медсестрой Старлиц. — Старлиц почесал подбородок. — Если это кому-то под силу, то в первую очередь ему.

Дедушка Джо разгулялся: встал, зевнул, потянулся. Электрогенератор тут же чихнул и выключился. Рождественские огоньки погасли. Проигрыватель взвыл, рявкнул и заглох.

Несколько обормотов еще немного поголосили рождественские гимны, а потом затихли. Дряхлый гараж погрузился в стальные потемки, озаряемые только огнем в железной бочке, но отцу Старлица не было до этого дела. Наоборот, такое мистическое освещение только придало ему сил. Теперь его настроение можно было назвать даже развязным. Глянув на ближайшего пьянчугу с веселым презрением, он изрек:

— Мужик! — Улыбка до ушей. — Ева пригласила идиота — ретромастоида, идиота, Сэма или тератоида — в одиннадцать часов!

— Наплюй на эту дурную деревенщину, папа. Мы так рады тебя видеть! Ты отлично выглядишь, учитывая, что на дворе 1999 год и все такое прочее.

Сказав это, Старлиц поднялся, чтобы успокоить свою паству новыми порциями спиртного. Вернувшись, он обнаружил, что его дочь и отец увлеченно беседуют.

— Понимаешь, дедушка, тут все дело в почитании Луны, — смущенно втолковывала Зета. — Обе мои

мамы исполняют обряды поклонения Луне в старых лесных зарослях.

— Самые наивные извращенки «Ом», — задумчиво молвил Джо.

— Представляешь, дедушка, я только что приехала из страны мусульман!

Джо снисходительно кивнул.

— Поймай мусульманину верблюда, сомалиец! Турок на гербе.

— Смотри-ка, Зета, папаша с тобой поладил! — Старлиц сел на свою мексиканскую торбу. — Пора поведать тебе историю дедушкиной жизни. — Старлиц церемонно достал янтарную бутыль с текилой «Гран Сентенарио» и стопку бумажных стаканчиков. — Ты должна ее знать. Это ведь твое наследство. Дедушке было бы нелегко рассказать ее самостоятельно. — Старлиц снял с горлышка фольгу и откинул пластмассовую крышечку. — Не возражаешь немного помочь мне с фабулой, папа?

— О нет! — сердечно согласился Джо, принимая полный бумажный стаканчик. — Растопырь жабры, аллигатор! — Он выпил.

— Во-первых, что бы Джо ни нес, никакой он не «яванский навахо», — начал Старлиц. — Он, конечно, туземец — такой, что дальше ехать некуда, но какой бы этнический ярлык ты на него ни налепила, Джо обязательно окажется кем-нибудь другим. Это и есть твое истинное происхождение, Зета. Ты принадлежишь к племени тех, кто не принадлежит ни к каким племенам.

Старлиц отхлебнул текилы. «Гран Сентенарио», урожай века, глоток ностальгии.

— Твоя семья разрушает шаблоны и живет в образовавшихся трещинах. Твой дедушка Джо всегда был одним из «них», но никогда к «ним» не принадлежал. Он яванский навахо, точка встречи двух несоприкасающихся окружностей.

— Да-да! — радостно крикнула Зета. Для нее все это было исполнено смысла. Казалось, она всю жизнь ждала этого откровения. Слушая, она дрожала от восторга.

— Джо рано пошел на войну. Войны созданы для таких, как он. Они всегда приводят к невероятным ситуациям, которые никто не может объяснить. Их невероятность становится видна только спустя многие годы, ибо за долгие месяцы боев противоборствующие стороны отучаются связно мыслить… Взять хоть дешифровщиков нава-хо, японский «пурпурный код» на Тихом океане, доисторические аналоговые компьютеры для взлома кодов, заводные кодирующие машины нацистов, «голубого» британского математика с его тайной жизнью [43]. И все это сверхсекретно, сверхважно, так что никто ничего не знает на протяжении тридцати, сорока, пятидесяти лет… Все это очень подходило для Джо, кто бы он ни был… Вернее, именно потому, что он такой. Это его и сделало таким.

— Папа, вся эта история мне очень нравится, но… для дедушки Джо слишком молодой. Он выглядит даже моложе тебя.

Старлиц закашлялся от жгучей текилы.

— Я как раз к этому и подхожу. Молодого дедушку выперли из отряда кодировщиков навахо — потому, наверное, что его собственный код не принадлежал к языку навахо, и определили не то дворником, не то воришкой на Манхэттенский проект. Ну, туда, где делали атомную бомбу и готовились ее испытать.

Тут у Джо опять прорезался голос — авторитетный, сопровождаемый кивком очевидца:

— Тупица-парабола из арапахо.

— Ну да, Джо был индейцем-дворником, но промышлял в основном кражей запасных покрышек, бензина, металлического лома — все это тогда, при рационировании, очень ценилось. Профессорам-атомщикам выделяли огромные деньги, миллиарды долларов, да каких, сороковых годов, да еще в обстановке строжайшей секретности и спешки. Где им было уследить за пропажей ценностей с грузовиков… Можешь не сомневаться, там не обходилось без махинатора «черного рынка», иначе не бывает. Им, конечно, и был Джо.

— Стратагема мега-пирога, — подтвердил Джо.

— И вот пришло время испытать атомную бомбу — «Штуковину», как они ее называли. Это произошло здесь, в Нью-Мексико, на полигоне Тринити. По соображениям безопасности ее решили рвануть в пять утра, в страшную грозу. Ты только представь, Зета: черным-черно, вой ветра, испытатели ни черта не видят — они же прячутся в своих бункерах на удалении в тысячу ярдов. Самое время пробраться на взрывную площадку и спереть

то, что там плохо лежит!

— Действительно… — задумчиво согласилась Зета.

— Его манили тонны ценной медной проволоки, а то и сам плутониевый сердечник. Если вспомнить, как трудно и дорого было тогда получить этот самый плутоний, то ясно, что это был ценнейший металл на свете. В общем, Джо угодил то ли прямо на бомбу, то ли — знаю, это звучит невероятно, но как будто подтверждается данными об испытаниях — забрался в саму бомбу, прежде чем ее окончательно свинтили! Ну а дальше она рванула. Мощнейший выброс энергии, какой знало до того человечество! — Старлиц вздохнул. — Понятно, что его попросту выдуло из истории.

— Как же так вышло? — спросила любопытная Зета.

— А так! Это был определяющий момент в повествовании двадцатого века. Сердцевинный, основообразующий миг столетия. Бомба была ошеломляющей, всесокрушающей, разрушающей весь предшествовавший сюжет, она появилась из ниоткуда как полнейшая неожиданность, произвела сотрясение в десять баллов по десятибалльной мировой шкале катастроф. После Бомбы история уже не стала прежней, ибо с тех пор ей приходится существовать под атомным грибом, на котором начертано: «История временна». Джо перестал подчиняться причинно-следственным законам с того мгновения, когда его размазало по двадцатому веку, как электронное облако. Он присутствует в повествовании двадцатого века повсюду, но показаться может только тогда, когда его регистрируют, на него смотрят. Когда его ищут.

— Как здесь и сейчас?

— Именно как здесь, именно как сейчас.

— Класс! Значит, сейчас необыкновенный момент?

— Правильно, Зета. Гляди в оба и пытайся запомнить. Ведь это в последний раз.

— Что?! Почему?

— Здорово, что ты видела его раньше и видишь сейчас. Потому что в будущем ты его уже не увидишь.

— Почему? А на следующий год? Джо печально покачал головой:

— Не хренов радон.

— Дедушка прав, — веско произнес Старлиц. — После Y2K это невозможно.

— Но почему? — не унималась потрясенная Зета.

— Из-за Бомбы, — сказал Старлиц. — Таково ее повествование. В следующем столетии не будет «атомного века». Атомный Век кончился, он — вчерашний день. После Y2K

значение Бомбы меняется. Не знаю, видела ли ты когда-нибудь взрыв атомной бомбы. В двадцатом веке она была Святым Граалем [44], но Святым Граалем она могла оставаться всего восемь минут. Эти восемь минут ты бродишь в солнечных очках в ударной волне, повторяя всякую супермифическую чепуху: «Я ярче тысячи солнц, теперь я Смерть, я разрушаю миры…» По истечении восьми минут у тебя остается один мусор. Мусор по определению, понимаешь? Старлиц смотрел в доверчивые глаза дочери. Он делал все, чтобы она его поняла. Время настало.

— Вернемся к испытанию на полигоне Тринити. Сначала горы озаряет безмолвная вспышка. За ней следует колоссальная ударная волна. Потом гигантское вареное яйцо, феникс, взмывающий в небеса. Дальше ветер пустыни неторопливо рассеивает грибовидное облаком, пекло остывает — и вот уже представители федеральных властей в мундирах и фуражках стоят вокруг расплавленной, завязанной узлом арматуры. Вот и все. Вся атомная фабула. Атомная энергия — это сверхсовременный, космический прорыв продолжительностью в восемь минут. А дальше — радиоактивные отходы. Вечный мусор. Он останется мусором через сто, через десять тысяч лет. Следующий век расположен ниже по течению от Атомного Века. Ядерная бомба для него не первоначальный блеск, а прежде всего мусор.

— А как же дедушка? Это несправедливо!

— После Y2K это уже история не для него.

Джо смотрел на Зету с выражением, отдаленно напоминающим сожаление. Было видно, что ему больно ее огорчать. Но обойти эту тему было невозможно, и Джо попытался объясниться:

— Мисс, я Каин, мономаньяк. Мисс, я Каин, мономаньяк. Мисс, я…

— Хватит, папа, — перебил его Старлиц. — Позже я расскажу ей про Бомбу и про Каинову печать.

— Дружище! — взревел один из пьянчуг, подошедший ближе. — У тебя здесь текила!

Зета сжала кулачки.

— Не может быть, чтобы это кончилось просто так!

— Детка, — изрек Старлиц, — чему конец, тому конец.

Зета отказывалась смириться. Рассудок ее бунтовал. Внезапно она расплылась в улыбке.

— А вот и нет, папа! Двухтысячный год все еще относится к двадцатому веку! Так говорится в моем учебнике математики. Так что у дедушки есть еще целый год. Правильно?

— Спросим об этом у кого-нибудь из наших друзей. —

Старлиц повернулся к ближайшему забулдыге. — Парень, ты получишь дозу кактусового сока, но сперва ответь мне на один вопрос. Когда начинается двадцать первый век?

— В Новый год. С Y2K. Это всем известно. С неба посыплются самолеты, всюду вырубится электричество…

— А если начать отсчитывать столетия с нулевого года? Как бы не хватиться одного годика…

— Это еще зачем? — Забулдыга помахал своим дружкам. — Эй, borrachosl — заорал он. — Tenemos tequila! [45]

Столкнувшись с нетерпеливым спросом, Старлиц быстро остался с пустой бутылкой. Даже в чистом виде «Гран Сентенарио» хватило ненадолго. Струйки текилы, брызнувшие в бурдюки с кошерным вином, каковыми стали к этому моменту животы пьянчуг, подействовали на них, как высокооктановое реактивное топливо. Один из батраков запустил спьяну генератор. Снова вспыхнули рождественские огоньки. Двое стали швырять в раскаленную бочку деревяшки и разожгли в гараже кровавое зарево.

— Папа, расскажи мне про мать, — решительно проговорил Старлиц. — Как ей там, у старых родственников?

Джо опрокинул в рот текилу и содрогнулся. Потом он закивал, дрябло мотая подбородком. Возможно, дело было в неверном свете, но сейчас Джо можно было дать все сто лет. Он скорбно покачал головой.

— Лекарство для убийства стариков. Старлиц хлопнул себя по лбу.

— Ее уже, по сути, нет, правда? Y2K ей не страшен: она уже ушла.

Карие глаза Джо сверкнули. Внезапно их покинул возраст, они превратились в две лужицы запотевшего стекла, но не холодные, а подогреваемые изнутри мужественной волей, почти солдатским геройством. Это был человек, научившийся сносить любые удары судьбы.

Джо важно вздохнул и поднял худую руку, как знаменосец в увитом колючей проволокой тупике траншеи.

— Разве нас не несет вперед, считанных нас, мчащихся в новую эру?

Старлиц отвернулся. Он проглотил текилу, и она, как и подобает крепкому напитку, нанесла ему коварный удар: превратила истинные чувства в сантименты. Пьяный хорошо понимает свое состояние: правда бьет наружу из всех потайных местечек, но опьянение снимает остроту переживания, размывает краски, превращает тревогу в дешевый мультфильм.

— Боже, — пробормотал Старлиц, — вот я и влип! Еще

несколько ударов старых атомных часов, и я останусь совсем один на свете. Я один во Вселенной, отец. Без матери и отца. Сирота.

В глазах у Зеты появились слезы.

— Еще есть я, папа! Взгляни на меня! Я не сирота. Старлиц обнял ее плечики, и они застыли, молча

глядя на Джо. Старлиц не знал раньше, что ребенок может быть таким источником силы. Она тащила его в будущее, подобно тому, как спасатель затаскивает в шлюпку тонущего.

Пьяницы снова запели. В стопке старых пластинок они обнаружили мексиканскую «Feliz Navidad» [46], которая пришлась им больше по вкусу. У кого-то нашлась марихуана. Спиртное и «травка» придали им новых сил. Те, кто еще держался на ногах, пытались плясать. Джо любовался их ужимками с лукавым выражением лица, похожий сейчас на знатока джаза сороковых годов.

— Кошачья мята в такое, — изрек он.

Бочка продолжала тлеть, наполняя гараж ядовитым дымом. У Старлица щипало глаза, но он не стал это скрывать. То было пробуждение. Век испустил дух.

В шаткую дверь забарабанили.

— Policia! Полиция!

— La Migra! [47] — заорал кто-то. Веселье мгновенно сменилось паникой.

Джо с вызывающим хохотом скрылся с глаз, попросту испарился, как кружево ручной работы, пожранное очистительным атомным пламенем. Старлиц успел различить его прощальный крик:

— Наплюйте на все, о'кей, нарки!

— Папа, это копы! — испуганно ахнула Зета.

— Сядь, Зета, — сказал Старлиц, вытирая глаза. — Положи руки так, чтоб их было видно. Придется пройти и через это.

Старлица задержали за бродяжничество. Ему также грозили обвинения во взломе, нарушении владений, совращении несовершеннолетней, управлении без прав краденым транспортным средством без номеров, создании угрозы пожара, попытке поджога и так далее. Впрочем, предъявить все эти обвинения ему могли только после того, как он себя назовет. У Старлица не было документов, а на допросах он молчал.

Закон разрешал сделать один телефонный звонок. Он набрал экстренный номер в Вашингтоне округ Колумбия и напоролся на автоответчик. Пришлось опять замкнуться.

Прошло три дня, а Старлиц по-прежнему помалкивал. Полиции округа он скоро надоел, но испытание воли продолжалось. Это была обычная для тюрьмы ситуация «они меня

или я их». Старлиц не вмешивался в драки, смотрел телевизор, заботился о чистоте зубов, волос, ногтей и робы и наконец дождался разрешения на второй звонок. В этот раз на том конце сняли трубку.

— Джейн О'Хулихан? — спросил он.

— Она самая. Платите вы.

— Платит округ, Джейн. Я в окружной тюряге в Со-корро, штат Нью-Мексико.

— Это я вижу на определителе номера. Кто говорит?

— Не могу сказать, потому что звонки теперь прослушивают даже окружные полицейские. Вспомни начало девяностых. Ты тогда была помощницей прокурора штата Юта. Дело № 10/30 об облаве на радикальных противниц абортов в здании сената штата?

— Черт! — сказала О'Хулихан озадаченно. — Легги?

— Он самый. Прости, Джейн. Голос из прошлого и все такое… Человек, знавший тебя когда-то. Окажи мне услугу.

— Это ты оставил сообщение на автоответчике в пятницу?

— Я.

— А я подумала на телефонных жуликов. Это теперь сплошь болгары, ты в курсе? Чертова куча психов болгар! — О'Хулихан фыркнула. — Что толку в телефонной безопасности, когда национальная телефонная компания в руках болгарской мафии? Эти сукины сыны раздобыли даже мой служебный номер.

— Хорошо хоть, что они не сербы.

— Шутишь? Сербы хуже всех.

— За исключением русских. О'Хулихан сразу осипла.

— В России даже полиция — это мафия…

— Джейн, я знаю, как ты занята, но удели мне минутку, хорошо? Тут, на границе, случилась незадача: меня сцапали за бродяжничество. Мне нужны связи в министерстве юстиции — потянуть за ниточки в столице, чтобы я выкарабкался.

— Ты с ума сошел? Хочешь, чтобы я освободила тебя из окружной каталажки? Милый мой, ты себе не представляешь, что такое федеральное агентство! Чтобы получить скрепку, я должна заполнить кучу бланков и зайти на интернет-сайт Ала Гора.

— Джейн, ты меня огорчаешь. Забыла, кто тебя устроил в «Клуб незамужних прокурорш», да еще правой рукой Джанет Рино? Если бы не мой нюх на таланты, ты бы до сих пор отлавливала поддельные чеки в своем заштатном Мормонвиле.

— Не зарывайся, парень! Мне ничего не стоит повесить трубку. — Для пущей выразительности она испугала Старлица несколькими щелчками. — Смотри, как бы твоя просьба не осталась гласом вопиющего в пустыне.

— Не вешай трубку, Джейн!

— Так-то лучше, — смягчилась О'Хулихан.

— Это всего лишь бродяжничество. Я остался без гроша, при мне не было документов, я заночевал в пустом гараже. Боже, какие же это преступления.

— У тебя не нашли наркотиков?

— Никаких наркотиков!

— Ты не занимался компьютерным хакерством и не сидел на ящиках с гранатометами?

— Даже не думал.

— Тогда за что тебя посадили? Ты скрываешь от меня правду.

— В дело вовлечена несовершеннолетняя…

— Вот оно что!

— Она моя дочь.

— Твоя дочь? — От удивления О'Хулихан задохнулась. — Твоя дочь, Старлиц? От кого, интересно знать? — Она задумалась. — Кажется, я припоминаю парочку стервозных лесбиянок из Орегона…

— Мать — одна из них.

— Чего только мужчины с собой не делают! — простонала О'Хулихан. — А ведь на свете есть чудесные женщины: Грейс Хоппер, Джанет Рино, Мадлен Олбрайт [48]. Честные, чистые, самоотверженные, верные служанки общества…

— Я прошу не только за себя, понимаешь? Еще и за дочь. Ее упекут в учреждение для малолетних преступников, а ведь она не знакома с задворками жизни. Ей всего одиннадцать лет.

— Предположим. Как ее зовут? У тебя есть перед глазами ее номер социального страхования?

— Ее зовут Зенобия Боадиция Гипатия Макмиллен.

— Этих имен хватило бы сразу на пять или шесть маленьких хиппи.

— Ее назвали без меня. И пяти-шести детей у меня нет, она у меня одна. Я здорово влип, Джейн. Кроме нее, у меня нет никого в целом свете.

— Что ж… — медленно проговорила О'Хулихан. — Будем считать, что ты меня растрогал. Возможно, я сумею закрыть дело о бродяжничестве в Нью-Мексико. Если только ты не занимался ядерным шпионажем в Лос-Аламосе.

— Не занимался.

— Тогда выкладывай, а я подумаю.

— Что ты хочешь узнать? — осторожно спросил Старлиц.

— Что у тебя есть?

— Это не тема для разговора по прослушиваемой линии.

— Я теперь на федеральной службе, понял? Правило номер

один: и слышать не хочу ничего такого, что по плечу заштатному окружному шерифу.

— Вот, значит, как… — протянул Старлиц. — Что ж, попытаюсь тебе помочь. Я уважаю закон. Я уже припал ухом к земле и кое-что слышу… Надеюсь, я сумею вывести тебя на хорошее дельце, которым не стыдно заняться из столицы.

— Я слушаю! — подстегнула его О'Хулихан.

— К примеру… Вспомнил! Знаю двух девушек, занимавшихся оральным сексом с президентом.

— Это теперь тема парламентского расследования. Рино больше не будет этим заниматься. Скорее она позволит отрезать себе уши.

— А как тебе вот это: целая коммуна начитавшихся Библии проповедников апокалипсиса, совершенно свихнутых и вооруженных до зубов?

— Обращайся в ATF [49]. Я с ниндзя не работаю.

— Тогда — парень с промытыми в армии мозгами, параноик, помешавшийся на превосходстве белой расы. Закупает удобрения и уже арендовал грузовик.

— С этим тебе надо к Теду Качински! [50] Я не вожусь с психами, слишком уж их много. Мне нужно дельце посочнее, например о рэкете и коррупции…

— Хорошо тебя понимаю. Я уже выскребываю самое дно… Хочешь частную мафию старшеклассников в плащах, решивших перестрелять всех качков в школьном тренажерном зале?

— Детство! Ты принимаешь меня за двенадцатилетнюю? Будь посерьезнее.

— Ладно, — устало сказал Старлиц. — Слушай, это лучше всего! Контрабанда турецкого героина на турецкий Кипр внутри огромных надувных баллонов для пресной воды.

Он услышал скрип шариковой ручки.

— Кипр, говоришь? Турецкий Кипр?

— Самый что ни на есть турецкий.

Стук клавиш на клавиатуре, шуршанье эргономичной мыши.

— Остров на востоке Средиземного моря? Режим экономического эмбарго? Международные торговые санкции?

— Совершенно верно.

— Героин? Новый способ контрабанды? О котором еще никто не писал?

— Никто, можешь не беспокоиться. Только учти, если я выведу на чистую воду этих кипрских подводников, мне потребуется охрана по программе защиты свидетелей. Мне и моей дочке.

Выйдя из каталажки, Старлиц покатил в автобусе на север, в

Альбукерке, чтобы вызволить дочь из учреждения для подростков-правонарушителей. Задачка оказалась не из легких: учреждение считало одной из главных своих задач обеспечить недоступность подопечных для подозрительных одиноких мужчин, твердящих о своем отцовстве.

Планируя выход дочери на свободу, Старлиц подбадривал ее, переправляя ее любимые лакомства: сандвичи без хлебной корки с тунцом, белый мармелад, блюда из проволоне [51] и макарон. Для первой тюремной ходки Зета держалась молодцом. Правда, не обошлось без инцидентов: хождений по потолку, внезапного взрыва телевизора, очень похожего на полтергейст, возгорания сумочки в руках у сотрудницы попечительского совета. Все это списали на детские шалости в стиле 1999 года, то есть на употребление нетрадиционных наркотиков и дурное влияние электронных средств информации. Старлиц не сомневался в смышлености своей дочери и знал, что она не подкачает.

Но когда они наконец встретились в тоскливой комнате для свиданий, среди несгораемой, стойкой к вандализму, скучного цвета пластмассовой мебели, Старлиц увидел в глазах Зеты сомнение, даже растерянность. Никогда человеческое лицо не глядело на него с таким невыносимым немым упреком. Взгляд Зеты пронзил его, как острый гарпун, был хуже пули в упор. Он не сумел толком позаботиться о дочери, и она это знала. Он сам это знал и не мог толком оправдаться.

Пришлось взять персонал учреждения в оборот: бомбардировать телефонными звонками и бесконечными факсами на поддельных бланках адвокатов по детской опеке и детских психиатров. Кончилось это тем, что Зету отпустили из учреждения на один день. Оба мгновенно покинули Нью-Мексико.

Старлиц досыта наелся местного гостеприимства и поспешно подался вместе с дочерью в соседний Колорадо. Там, в городе Боулдер, они вышли из автобуса. Боулдер подходил для остановки и восстановления сил не хуже любого другого места, а может, даже лучше.

На следующей неделе Старлиц по-настоящему вкусил одинокого отцовства. Он снял трейлер в «Мейплтон Мобил Хоум Парк». Трейлер принадлежал плотнику, чье супружество дало опасную трещину, поэтому перед вагончиком и позади него громоздились необструганные доски, сломанные инструменты, горы гниющей стружки. Над всем трейлерным городком, над соснами, ивами, мусорными баками, детскими велосипедами, сохнущим на ветру бельем, загончиками для барбекю высились гигантские вышки высоковольтной линии.

Старлиц поступил продавцом в магазинчик неподалеку, сразу

за педиатрическим центром и глазной клиникой, открыл счет в банке и обзавелся кредитными карточками. Он определил Зету в шестой класс местной школы, нанял адвоката по детской опеке и принялся заполнять бесконечные бумаги.

Рутина поглотила Зету и Старлица, затмив все, что было раньше. Каждое утро Старлиц вытаскивал упирающуюся Зету из кровати, заставлял клевать хлопья, одеваться, расчесывать волосы и чистить зубы. Он давал ей с собой ленч: сандвичи без корки с тунцом, самые бледные из всех существующих крекеров, замороженный десерт с сиропом, банан. Он провожал ее через шесть кварталов до школы; в дождь они не шли пешком, а садились в ветхий оранжевый драндулет плотника. Потом он возвращался мимо ломбарда, приходил в свой магазинчик при бензоколонке и восемь часов торговал сладостями, сигаретами, капуччино и бензином.

Потом он забирал Зету с продленки, оплачиваемой штатом, и они возвращались в свой трейлерный городок, где звенели на ветру колокольчики, спали под ногами собаки, слетались к кормушкам птицы, тянулись к небу осины, а стареющие хиппи слушали виниловые пластинки Эрика Клэптона. Дома они ели размороженную еду перед телеэкраном с кабельной программой мультиков, про болтливых чудищ и вселенские катаклизмы из японских аним.

— Послушай, папа…

— Что?

— Папа! —Да?

— Почему я должна зря тратить время в этой вонючей школе, в обществе тупых детей?

— Потому что я так велю. — Старлиц со вздохом положил испачканную вилку. — Потому что я отец, а ты ребенок. Понимаешь, Зета, так заведено. Иногда гораздо проще стать тем, за кого себя выдаешь, чем пытаться за него сойти.

— Но ведь мы с тобой, папа, можем сойти за кого угодно. Ты создал «Большую Семерку» — лучшую группу в мире! Почему бы тебе не сойти, скажем, за владельца компании «Нинтендо»? Тогда ты был бы миллиардером, а я японкой. Представляешь, какой класс?!

— Это не входит в повествование.

— Почему нет?

Потому что повествованием была теперь она. Она, а не тряпичная пособница, придающая местный колорит при перелетах из города в город в компании жуликов и поп-певичек. Лично ему там было самое место, это был его естественный мир. Но мир этот был липовым, мерцающим на последнем издыхании.

Он не мог выйти из этого века, не побыв ее отцом во всей полноте этого понятия. А это означало отцовство. Не выдуманный, сентиментальный, телевизионный вариант родительства, когда отец соизволит быть отцом только в объективе камеры, а потом ускользает, не запачкавшись. Нет, тут требовалось вести серьезную, во всей красе родительскую жизнь.

И никаких «если», "и", «но». Долой отказ от собственных слов, скороговорку и сюсюканье. Необходимо было испытать, что значит принадлежать к человеческой породе, нырнуть с головой в бытовой омут. Он не мог запереть Зету в шкаф в перерыве между съемками, не мог платить за ее воспитание другим людям. Он должен был растить ее сам. Круглосуточно. Кормить ее, одевать, водить на обязательные прививки, учить плавать и ездить на велосипеде, давать ей карманные деньги, переносить ее капризы и взрывы дурного настроения, унимать ее кошмары, сковыривать струпья с ее сбитых коленок, ловить вылетающие молочные зубы, лечить корь и не психовать, когда у нее сильно поднимается температура. Успокаивать ее, когда она бесится, подбадривать при приступах хандры. Мамаши Номер Один и Номер Два занимались всем этим целых одиннадцать лет, так что он не имел права жаловаться, когда пришел его черед внести свою лепту.

— Почему, папа?

— Потому что таков мир, и мы в нем живем. Я покажу тебе приводные ремни согласованной реальности. Твои мамаши никогда бы этого не сделали. У нас будут документы, Зета: номера социального страхования, нормальные американские паспорта. Я получу право исключительного попечительства, предоставленное судом штата Колорадо, — со всеми подписями, печатями, с уведомлением о вручении. Оплаченное. Заверенное свидетелями. В архив лягут копии. После этого мы станем настоящими отцом и дочерью. Мы будем даже лучше настоящих. Мы будем официальными. — О!..

Джуди, Мамаша Номер Два, официально ответственное юридическое лицо, не смогла опротестовать процедуру установления опеки. Скорее всего, она о ней даже не пронюхала. Суд Колорадо признал Старлица единственным опекуном. Адвокатские услуги он оплатил за счет обязательной усушки-утруски подотчетного ему в магазине товара.

А потом появились два зернистых синих паспорта, прилетевшие за считанные часы прямо из Вашингтона в красивом конверте, перехваченном резинкой. Старлиц завороженно уставился на документы. Они были верхом совершенства. Даже к фотографии Зеты невозможно было придраться. В действительности она была на девять десятых фиктивной: он

поработал над размытым отпечатком с помощью Adobe Photoshop, и в результате его усилий улыбающаяся девчонка с косичками приобрела стопроцентный пропуск в экономическую глобализацию — настоящий, весь в печатях, паспорт Соединенных Штатов. Неправильно написанное имя — «Зинобия» — было мелочью, не способной испортить торжество.

Ему не верилось, что О'Хулихан справилась с задачей. Но благодарить следовало именно ее. Джейн О'Хулихан была добросовестной государственной чиновницей. Правда, она служила прокурором в министерстве юстиции, поэтому привлекать ее внимание было опаснее, чем сломать себе оба бедра, и все же у нее имелись неоспоримые достоинства. В отличие от большинства коллег-юристов, она не просто набивала себе карманы, а была истовой подвижницей федеральной законности и порядка, незапятнанной воительницей за буржуазную конституционную демократию, редчайшим оригиналом своего отмирающего века. Зета со скучающим видом полистала свой паспорт.

— Чему ты так радуешься, папа?

—Тому, что мы примкнули к привилегированной касте человечества. Нас снабдили документами. И не какими-нибудь, а документами последней на свете сверхдержавы!

— Подумаешь, какая-то паршивая пустая книжица! Всего одна фотография.

— Это верно, но ты предлагаешь детский вариант правды. — Старлиц вздохнул. — Зета, нам пора серьезно поговорить.

Узкие плечики Зеты обвалились в предчувствии боли.

— Опять, папа!..

— Это жизненно важно, милая. Мы стоим перед выбором вероятностей. Ты не представляешь, до чего трудно обзавестись такими документами, зато теперь мы оба их имеем. Это огромное достижение. Ничто не помешает нам жить так и впредь. В следующем году ты сможешь перейти из младшей школы в среднюю. Я куплю тебе новую одежду, такую же, в какой Бритни Спирс снимается на MTV. Я буду помогать тебе с домашними заданиями по математике, куплю тебе мопед, во всем стану поддерживать. Я законопослушный и трезвый человеку меня нормальная работа, я всегда вовремя прихожу к своей смене, полностью отдаю сдачу и не таскаю из кассы. Я образцовый работник. Меня бы уже повысили и назначили заведующим секцией, если бы не вынос товара через служебный выход, создающий магазину убытки.

— Папа, мне уже надоели эти сласти. Раньше я их любила, но три коробки — это слишком.

— Зета, перед нами широкая дорога. Сейчас в Соединенных Штатах экономический бум. Высокая занятость, низкая инфляция, два миллиона человек заперты в местном ГУЛАГе, поэтому резко снижается преступность. Янки процветают. Мы можем переехать в лучшее жилье. Я уйду из ненадежной розничной торговли на улице — это двадцатый век, это старо. У меня другие планы: четыре-пять личных электронных счетов и торговля по Интернету. Мы будем вести чрезвычайно мобильный образ жизни среднего класса, мы осуществим американскую мечту. Купим медицинскую страховку, будем есть витамины, ты вырастешь высокой, сильной и грамотной, с большими белыми зубами, богатыми фосфором, без шрамов и судимостей. А самое лучшее — это то, что, поселившись в городе яппи, в самой середине главной демографической тенденции, мы наверняка проскользнем через Y2K!

— Разве все это хорошо, папа?

— Я не говорю, что мы останемся совершенно невредимыми. Возможны перебои с электричеством здесь, в Боулдере, поломка светофоров, разорение некоторых банков… Ничего, мы заранее закупим рис и свечи. Зато мы угнездились в очень плотной части повествования. Все готово для того, чтобы проскочить в двухтысячный год, хотя ты в любом случае легко бы там оказалась. Но теперь с тобой буду я, твой бесценный папаша. Отныне я буду совершать только предсказуемые поступки в стиле отца-одиночки. Может быть, куплю подержанную машину, увлекусь ловлей форели в Скалистых горах, заделаюсь бейсбольным болельщиком. Или даже женюсь!

— Как все это невыносимо скучно, папа!

— Милая, скучно это только в тот случае, если не знать никакой другой жизни. Но если посмотреть на это под другим углом, то следование обыкновеннейшему среднеамериканскому образцу может оказаться чрезвычайно захватывающим, настоящим приключением. Представь, что значит жить так с полной убежденностью,

без всякого сомнения! Это все равно что искать истоки Нила. Это превосходит воображение! Зета обдумала услышанное.

— Хорошо. Какой еще образ жизни мы можем выбрать?

— Что ж, у нас новые паспорта… — Голос Старлица становился все ниже, все скрипучее. — Нам ничего не стоит сесть в самолет и вернуться на поп-сцену. В совершенно другом мире, чем тот, где обитают школьники-шестиклассники из Боулдера, назревает сербская заваруха. НАТО — огнедышащий дракон. Мир «Макдональдса» противостоит миру джихада, навороченный «лексус» с размаху врезается в оливу. Лопается версия реальности

образца девяностых годов, зашкаливает счет трупов, вспыхивает беспощадная культурная война в Косово, Черногории, Греции, Италии, Македонии, Хорватии, Турции, Болгарии, Венгрии, Албании и Азербайджане. Мои знакомые из русской мафии погрузятся во все это по самые уши.

— И ты забрал бы меня из школы, не дожидаясь результатов за четверть?

— Обязательно. Я подумываю об учебе экстерном и об отдельном преподавателе. Тебе понадобится лэптоп. Но сперва надо кое-куда позвонить…

— Возьми спутниковый телефон, папа.

С помощью своих кредитных карточек Старлиц за неделю утроил свое состояние, удачно поторговав на интернет-аукционах. Теперь у него были деньги для звонка на Кипр.

— Shtoh vy khotiti?. — спросили на том конце по-русски.

— Мне нужен Виктор.

— Виктор Билибин Эфенди слушает. Кто говорит?

— Виктор, это я, Лех Старлиц.

— Кто?! Что?!

— Лех Старлиц!

— Вспомнил, — угрюмо проворчал Виктор. — Бывший друг моего бывшего дядюшки.

— Ты не пьян, Виктор? — Старлиц слышал музыку и поющие девичьи голоса, похожие на русские. Балканская радиостанция, диатонические трели, сербохорватская речь.

— А вам какое дело? — спросил Виктор, с трудом ворочая языком. — Убирайтесь в Америку! Покиньте нас в нашей беде!

— Твой дядя близко? Дай мне Пулата Романовича.

— Мой дядя находился в белградском авиационном ангаре. Первая волна натовского налета все там уничтожила. Он пропал без вести и считается погибшим, слышите, палач Балкан? Натовский агрессор, размахивающий бомбой!

Новость была неприятная, но выглядела недостоверной. В ней ощущалась ритуальная фальшь.

— Ты сам видел Пулата Романовича в цинковом гробу, Виктор?

— Нет, они все еще собирают куски от МИГов.

— То есть труп не найден? Афганского ветерана нелегко укокошить. Раз даже моджахедам не удалось сбить его «стингерами», то где там новичку-голландцу на французском «мираже»!

— На войне всякое бывает, — пробурчал Виктор. — Иногда на ней гибнут люди.

— Лучше расскажи мне про группу, Виктор.

— Он молодчина! — выпалил Виктор.

— Ты о ком?

— О турке, Озбее. Как он развернулся! После войны на Балканах он достиг невероятных успехов. Этот человек — злой гений. Турки не могли поверить, что НАТО станет бомбить христиан, защищая мусульман. Но они

ошиблись, это случилось. Они не верили, что смогут поймать курдского лидера Оджалана. И снова ошиблись: американские шпионы провели греков и передали его туркам. Турецкие тайные агенты похитили курда в Кении, и турки плясали от радости на улицах Стамбула. Озбей и его шпионы — национальные герои.

Виктор перевел дух. Его охватил славянский исповедальный раж, пробка вылетела, и он откровенничал, не зная удержу.

— А потом случилось вот что: курды ворвались в греческие посольства по всей Европе и подожгли себя. Представляете, какая драма? Ненавистные курды захватывают греческие посольства и совершают там самосожжения. Перед камерами CNN, перед турецкими камерами. Это турецкое чудо, турецкая мечта! И вот теперь, в этот самый момент, турецкие летчики бомбят аэродромы христианского государства, а НАТО хлопает их по спине и покрывает все их расходы. Озбей корчит из себя министра, Озбей — великан, неприкасаемый!

— Успокойся, Виктор. Лучше скажи, как там дела с этой, м-м-м, подводной почтовой доставкой? Не беспокоит ли почтальонов американская служба борьбы с наркотиками, Интерпол и так далее?

Виктор хрипло захохотал.

— Разве можно представить скандал из-за турецкой героиновой контрабанды, когда пылают Балканы? Американская полиция не настолько глупа. Геройский славянский народ уничтожают прямо на его невинной героической родине. Теперь янки наплевать на героин. Они опекают албанских террористов из «Армии освобождения Косово», угонщиков автомобилей и торговцев героином. Так «Армия освобождения Косово» зарабатывала оружие, чтобы убивать беременных сербок и выкалывать глаза детям.

— Да уж, чего только не бывает!

— «Армию освобождения Косово» натаскивал Усама бен Ладен, слыхали?

— Миллионер-филантроп, опасный человек. Слыхал. Как я погляжу, Виктор, ты принимаешь этот воздушный удар близко к сердцу. С удовольствием поговорю с тобой о региональной политике как-нибудь в другой раз. Честно говоря, я позвонил, только чтобы узнать, как поживает группа.

— Группа купается в деньгах, — тихо ответил Виктор. — Туры, новые шмотки.

— Отлично.

— Новый альбом. Песни на турецком.

— Серьезно?

— Француженка умерла.

— Как жалко! Француженка, единственная настоящая певица?

— Это случилось по ее собственной вине. Дурочка, нанюхалась какого-то ядовитого белого порошка на вечеринке в Ереване. Озбей уже нанял новую Француженку — марокканку из арабского квартала Парижа Шебу Анжелик, певицу «рай» в изгнании. Удачное приобретение: публика от нее без ума. По сравнению с ней прежняя Француженка — все равно что бланманже недельной давности.

— Мне не верится, что Француженки больше нет…

— Хотите верьте, хотите нет, но она мертва. Мертвее не бывает. Я видел, как отправляли на родину ее тело. А эта новая Американка, боже!

— Ты с ней не переспал?

— Я — нет, в отличие от Озбея. И его дяди-министра. И дядиного босса. Муж Тансу Чиллер, бывшего премьер-министра, и саудовский принц подарили ей по золотому «мерседесу». Гуляка сынок азербайджанского президента подарил Американке сто тысяч долларов в ереванском казино. Она разделась догола в степи в…

— Дальнейшее дорисует мое воображение.

— Она тоже молодчина, не хуже Озбея, только… только по-женски. Как поп-звезда.

— Ты совершенно уверен, что Француженка умерла?

— Как Наполеон, Леха! Мертвее Минителя [52].

— Тогда это очень серьезно. Я еще позвоню. — И Старлиц повесил трубку.

В новеньком, только что открытом аэропорту Денвера они сели в самолет, и Зета немедленно уткнулась носом в матовое стекло иллюминатора.

— Папа, ты волшебник! Никаких экзаменов! И Гавайи! Никогда не была на Гавайях. Мы займемся серфингом? Вот это жизнь!

7

На заре двадцатого века весь остров Кауаи аккуратно возделывали шесть олигархических кланов. То были англо-гавайские плантаторы, люди, похожие упрямством и решительностью на Скарлетт О'Хару, хотя носили саронги, а не кринолины. Только самая ужасная катастрофа могла бы их заставить продать родину. Но в 1992-м страшный тайфун Эль-Ниньо разорил Кауаи. Плантации ореха макадамии, превращенные наводнением и ураганом в месиво из голых стеблей, выскользнули из рук разом обнищавших владельцев. Макото победил на торгах, но заключила сделку Барбара. Появившись, как видение, в местном подобии Тары [53], она собрала безутешных гавайских фермеров и безупречно исполнила местную сентиментальную классику «Пупу Хинухину». Бабушка, хранившая поеденную термитами дарственную на землю, выданную еще королевским двором Лилиуокалани, пролила слезы облегчения. Клан избежал невыносимого ритуального унижения. Ведь Макото и Барбара были артистами, они умели петь.

Барбара, японская поп-звезда первой величины, не была настоящей японкой. В ней была перемешана китайская, ирландская, польская и филиппинская кровь, ибо ее произвела на свет семья переводчиков Госдепартамента США. Она родилась в Куала-Лумпуре, росла в Варшаве, Брюсселе, Сингапуре и Цюрихе. Барбара была раритетом, истинной представительницей заморской диаспоры имперской Америки. До высадки на белые пляжи Гавайев она ни разу не посещала территорию Соединенных Штатов.

Старлицу было легко понять Макото. С Макото он запросто ладил. Макото был, вероятно, самым технически совершенным поп-музыкантом в мире, но все его приемы, мотивы, вся его тактика оставались кристально ясны только до тех пор, пока не звучала просьба объяснить его музыку. Макото был японским хиппи и студийным продюсером. Как японец он был непроницаем, как хиппи — чудак, и его карьера в музыкальном бизнесе была необычной. Но все эти три особенности его личности полностью затмевались четвертой — тем, что он был мультимиллионером.

Зато Барбару Старлиц находил полной противоположностью Макото, совершенно неземным созданием. По поводу того, как «мальчик встретил девочку», у него были кое-какие вопросы, но суть состояла в том, что Макото обнаружил Барбару, когда та

бездельничала в подвальчике «новой волны» в Шибуйе; на ней была обтягивающая кофточка, она цедила соевое молоко с солодом и находилась примерно в восьми миллионах световых лет от какого-либо признака национальной принадлежности. Подобно всем красоткам, прошедшим через стадию излишнего роста и худобы, Барбара отдаленно напоминала модель. Тогда ее устраивало пребывание в частных колючих зарослях и роль дремлющей поп-принцессы Тихоокеанского побережья.

Появившись в ее жизни, Макото понюхал сонный воздух и изрек: «Детка, будь волшебницей». Барбара очнулась, поморгала, привела в порядок волосы, губы и ногти и устроила на сцене взрыв. Просьба быть волшебницей оказалась первой искренней просьбой, с которой к ней обратились за всю ее жизнь, и вполне соответствовала ее собственным желаниям. Трудиться над ней не было необходимости.

Старлиц был не из тех, у кого могла бы вызвать сентиментальное настроение какая-то певичка, но он никогда не встречал женщин, которые так подходили бы для роли дивы, вызывающей у окружающих истерический восторг, как Барбара. Она была примадонной на сто пять процентов, откуда на нее ни взглянуть: с востока, с запада, с севера, с юга, даже сверху или снизу. Если в ней и было что-то от обыкновенного человека, то разве самая малость. Поэтому принять ее за человека было затруднительно: виделся только ее рост, думалось только о ее телосложении, слышался только ее голос.

У Барбары отсутствовало самомнение, обожание публики ничего для нее не значило. Она была ослепительной звездой Макото, возлюбленной музой музыкального гения, все равно что гитарой, евшей, спавшей, целовавшей Макото. Сам он никогда не был звездой. Он мог играть на сцене, сколотить группу, мог солировать, но при этом оставался очкастым японским хиппи с пахнущими борным мылом лохмами на голове, похожей на футбольный мяч. Зато рядом с Макото Барбара могла исполнить что угодно. Ее музыкальная пластичность казалась неисчерпаемой. Ее не смущали даже восьмисотваттные прожектора. Она могла излить все свое несуществующее сердце любому одинокому слушателю на битком набитом стадионе с силой восьмидесяти децибел и оставить его в уверенности, что идеальная любовь существует, вот только его обходит стороной. И самое, возможно, важное: Барбара могла безупречно исполнять японский синтетический «поп», индонезийский «кронконг» и «денг-дат», гонконгский «канто-поп», ямайский «рэгги» и шесть региональных вариантов «евро-диско».

Макото и Барбара — они по-разному называли свои группы,

потому что постоянно уводили разных музыкантов из конюшен «Тошиба-ЭМИ» и «Сони-Эпик», — никогда не возносились на первые строки американских чартов. В семидесятых годах они гремели в Бразилии, Индонезии, Малайзии, Таиланде, Новой Зеландии, Норвегии, Финляндии, в восьмидесятых в Португалии, Гоа, Макао, на Мальте, Ибице, в Корее, Швеции, Гонконге, Сингапуре, на Тайване. Их записи попадали в десятки хитов во Франции, Испании, Голландии, Италии и Греции. Макото и Барбара неизменно покоряли Японию, где хорошо принимали даже дочерние группы Макото. Но американский рынок оставался им не по зубам, несмотря на то, что оба говорили главным образом по-английски, жили в Америке и собрали все мыслимые записи Элвиса Пресли.

Старлиц и Зета явились в сказочный дом Макото в десять с минутами по среднетихоокеанскому времени. Особняк магната нельзя было назвать огромным, несмотря на внушительные размеры: он все равно походил на хрупкого коробчатого воздушного змея из Японии, рухнувшего с большой высоты на ярко-зеленый склон северного побережья Кауаи. Стены казались трепещущими на морском ветерке, вокруг пестрели и благоухали шпалеры, вились веранды с изящными крылечками и мокрые дощатые дорожки, в тени бугенвилей скромно прятались спутниковые «тарелки».

У входившего в дом создавалось впечатление, что его проглотил бумажный журавль. Сами стены —

правильнее сказать, мембраны — были необыкновенные, из глянцевого губчатого материала. В изломанных крышах зияли провалы патио, через которые яркая гавайская луна могла созерцать жуткие анфилады из акрилового стекла и волнистой лавы. Полы и дверные косяки были сделаны из пятнистого, цвета меда «плайбука», постмодернистского ламината из расщепленного бамбука и пластикового клея.

Казалось, все это жилище принес из океана ветер, в нем можно было, наверное, наткнуться на кита, однако в нем обитало двадцать человек, и стоило оно более трех миллионов долларов. На острове Кауаи нельзя было найти архитектора, который замахнулся бы на такой проект. Над ним потрудились, как видно, многонациональные бригады, на счету у которых был музей Гетти в Лос-Анджелесе и невероятная постройка Фрэнка Гери в Бильбао. Счета за такую диковину сразили бы любого, кроме эстетствующего миллионера, для которого любая встреча с бухгалтером кончается приступом нарколепсии. Дворец на Кауаи дался Макото нелегко, но он быстро возрождался из пепла. Перерасходом его было не пронять. Немного марихуаны — и к

нему возвращалось настроение добродушного наплевательства.

— Послушай, папа!

— Что?

— Послушай, папа, почему богачи не любят комнат в доме?

— Милая, здесь ценят объем и движение воздуха, — объяснил Старлиц. — На Гавайях не знают, что такое холод или жара. Вот они и позволяют себе всяческие безумства.

Навстречу гостям вышла зевающая служанка. Макото набирал персонал для дома из бывших лифтеров компьютерно-обувного супермаркета «Йеллоу Мэджик Оркестра». На служанке была непромокаемая розовая форма из полиэфира. Старлиц предположил, что форму разработал Жан-Поль Готье: только у Готье полиэфир мог получиться таким пушистым.

Лениво покачиваясь в сугубо гавайской манере, служанка провела их наклонными коридорами, стены которых были беспорядочно увешаны золотыми альбомами и бурными излияниями за подписями знаменитостей. «Хотелось бы, чтобы больше американских ребят увидели, как мы постигаем твою задушевную музыку. Типпер и Ал», «Можешь считать меня мечтательницей, но ты и сам такой. Йоко и Шон», «От Теда и Джейн — Макото и Барбаре! Спасибо за помощь на яхте. Будете в Атланте, заходите!» [54]

Сам Макото завтракал в одной из кухонь, стоя и босой. Судя по виду и запаху, трапеза Макото не менялась уже много лет: мясные консервы с гречневой лапшой.

— Регги! — крикнул он, заключая Легги в объятия. Макото поседел, пополнел, стал пользоваться двухфокусными очками.

— Ешь «Спам» [55]. — Макото великодушно протянул свой котелок. — С континента. Для тебя полезно.

— Мы поели в отеле, — сказал Старлиц.

— Отель! — возмутился Макото. — Ты что, Регги? Тут для тебя есть комнаты для гостей. Можешь занять комнату Марико Мори. Марико Мори знаешь?

— А, да, нет, может быть. Марико Мори — дочь строителя величайших в мире небоскребов. Она фотографируется в токийском метро в космических скафандрах из «майлара».

Макото энергично закивал.

— Какая славная девочка, а? Суперталантливая! Как хороша!

— Интересно, Марико Мори понимает, что в последнее время слишком далеко зашла?

— Конечно! Марико большая художница. Большие продажи нью-йоркского «Сотбиз». — Макото глянул на Зету и деланно осклабился. — Кто эта фанатка? У нее такие шикарные башмаки!

— Это моя дочь, Зенобия. Зенобия Боадиция Гипа-тия

Макмиллен.

Зета и Макото обменялись долгими, осторожными, трансконтинентальными взглядами.

— Тебе нравится «Шар дракона»? — спросил наконец Макото.

— Да, — тихо ответила Зета. — «Шар дракона» — это здорово.

— А «Сейлор Мун»? [56] Она вскинула голову.

— Конечно!

— «Покемон»? «Привет, Китти»?

— Это всем нравится! Только дураки от этого не тащатся!

— Девчонка что надо! — одобрил Макото. — Ты голодная, Зен Оби? Ты нравиться лапша удон? [57]

— А это белая лапша удон?

— Очень, очень белая.

— Классно. Сделай мне немного. Сделай мне немного прямо сейчас! Умираю от голода!

Макото плеснул в плохо отмытую кастрюльку безумно дорогой импортной ключевой воды из канистры.

— Американки растут большие, если едят лапшу удон, — предположил Макото, прохаживаясь перед кухонными тумбами из тропической древесины и наугад дергая ручки ящиков. Из одного испуганно выскочили два здоровенных таракана-островитянина с палец величиной. Макото проводил их шумный полет снисходительным взглядом гавайца. Наконец он наткнулся на залежи японской лапши в целлофане.

— Я ее варю, — сообщил он, включая электроплиту. — Микроволновка не тот вкус. Мы готовим лапшу старинно, любовью, естественно, совершенно.

Кастрюлька закипала в умиротворенной тишине. Макото устремил на Зету задумчивый взгляд.

— Что тебе больше нравится, «Нинтендо» или «Сега»?

— «Сега» сыграла в ящик. Ну, почти.

— Да. Ты права. Я им твержу: возьмите ди-джея из Токио, но нет, нет, «Пропеллерхэдз», «Продиджи», прочая мура! У ребят из британского «техно» пунктик на музыке для видеоигр.

Не в привычках Макото было заговаривать о деле, не посвятив сперва, согласно японским правилам гостеприимства, несколько часов болтовне ни о чем. Видимо, его не покидали мысли о видеоиграх. Невозможность покорить Америку заставляла его еще более серьезно относиться к британской поп-сцене. На ней он по пояс увяз в конкурентной борьбе. Британия была европейской Японией.

— Какие новости про Ино? — осторожно поинтересовался Старлиц.

— Я знаю его. Вернулся в «Рокси Мьюзик», — машинально ответил Макото. — Я узнаю Брайана Ино даже в гриме и перьях.

— Ты читал его новую книгу? Ту, про один год в девяностых?

— Профессор Ино очень хороший писатель, — кисло проговорил Макото. Повозив языком во рту, он выдал цитату: — «Никогда не делать того, чего никто никогда не думал не делать».

Старлиц обдумал сентенцию. Не много европейцев осмелились бы такое написать.

— Да, Ино — тяжеловес.

— Я веду дневник 1999 года. Называется «Окольная стратегия». — Макото поднял глаза, продолжая вяло помешивать свое варево. — Ты ведешь дневник. Регги?

— У меня принцип: не оставлять письменных следов.

— Ты вечно в бегах. Тебе пускать корни, так лучше для тебя. У тебя маленькая девочка, ей будет лучше с большим домом.

— Кому ты это говоришь? Помнишь, я сам говорил это тебе. Я — тебе.

Макото изобразил улыбку сфинкса.

— Значит, у нас равновесие.

В кухню вошли две служанки Макото — в форме, чистенькие и радостные.

— Мы снова нашли на диване многоножку, босс, — доложила одна по-японски.

— Здоровенную коричневую лентяйку или шуструю голубенькую, из ядовитых?

— Большую коричневую, босс.

— Тогда не бойтесь, ее сожрут гекконы.

— У тебя тут многочисленные жуки? — спросил Старлиц на своем неудобоваримом японском.

Макото грустно кивнул.

— Ты не поверишь, братец! Это сырость. Мы каждую неделю или примерно собираем плесень от пластиковых стен, но жуки живут под домом, на сваях, и размножаются в мертвых пнях от макадамий. — Макото в задумчивости почесал круглую пышноволосую голову. — Самое худшее здесь — постоянный соленый бриз. Сожрал все мое студийное оборудование. Машины, компьютеры, магнитофоны, ну как это назвать: все портится.

Служанки тем временем подплыли к рыжему от ржавчины холодильнику и стали вынимать из него фрукты. Они двигались бесшумно, с непередаваемой истомой, словно под гипнозом. Одна нарезала большой сочный плод манго керамическим японским ножиком цвета крабового мяса, другая включила дряхлый кухонный комбайн «Браун». Кто-то в глубине дома включил бухающую запись балийского гамелана.

— Да, ржавчина — это целая проблема, — посочувствовал Старлиц.

— Домашние растения, однако, — проворковал Макото. — На этом острове лучшая в мире вулканическая почва. У меня бонсай на заднем крыльце под три метра!

— Бонсай, такой большой?

— Шутка.

— Извини, мой японский тоже заржавел от редкого применения.

— Если честно, Регги, та безграмотная чушь, которую ты нес тогда в баре в Роппонги, была не японским языком, а твоим собственным уникальным личным диалектом. Реггийским.

Макото слил из кастрюльки воду и вывалил лапшу в конический глиняный сосуд.

— Ты ешь лапшу! — приказал он Зете по-английски. — Наслаждайся!

— Мне нужны палочки! — заявила обрадованная Зе-та. Вооружившись палочками, она стала со скоростью пылесоса втягивать в себя лапшу, довольно хлюпая.

Макото устроился на подушке хромированного табурета.

— Сначала мне показалось, что она на тебя не похожа, но теперь я могу чувствовать сильное семейное сходство.

— Хай [58]. — Старлиц поблагодарил хозяина дома вежливым японским кивком.

— Очень приятно познакомиться с этой юной леди. Однажды ты уже упоминал про свою дочь, но тогда я решил, что все увязнет в этих невозможных американских джунглях развода и опеки. Ничего не собираюсь выпытывать.

Старлиц отвесил встревоженный полупоклон.

— Прости, что я оставил группу. Это моя вина. Gomen nasai [59].

— Регги, брат мой, верь мне, я все понимаю. Это проблема giri и ninjo [60]. Либо одно, либо другое. Такова человеческая жизнь. Человек должен следовать своей карме, понимаешь? Меня устраивают оба пути.

Зета недовольно отвлеклась от заметно уменьшившейся горки лапши.

— Хватит болтать по-японски! Тем более хватит болтать по-японски про меня!

— Хочешь в магазин? — простодушно спросил ее Макото.

— Потратить денежки? Конечно!

— Твой отец и я, мы пока поговорить немного о деле. Кэтс отвезет тебя в хороший магазин на набережной в Лихуэ. Ты покупать все отлично. — Он повернулся к беспечной служанке: —

Кэтсу, отвези этого неместного ребенка в город. Покажи ей все лавки с безделушками. Расплачивайся карточкой MasterCard, на ней деньги на развлечения.

— «Лексус» на ходу, босс?

— Вроде бы.

— Хорошо.

— В Лихуэ нас знают, — сообщил Макото, доедая свой «Спам». — На таком маленьком острове все друг друга знают. Привозишь ораву в двадцать ртов из Токио и за большой стол в «Таишо» на южном берегу — единственный на Кауаи суси-бар, где кормят свежими кальмарами. О каждом твоем шаге все известно всем. Здесь все друг за другом смотрят. Даже у англо-американцев есть азиатские ценности. Так что твоя дочь будет в порядке.

Доев лапшу, Зета объявила:

— Мне надо в туалет, папа.

Макото молча указал на крапчатую «плайбуковую» дверь. Отец и дочь направились туда. Доверчиво глядя на Старлица, Зета спросила:

— Папа, Макото хороший?

— Он очень богат.

— Но ведь он хороший? Он не злится на тебя из-за «Большой Семерки». И лапша у него что надо.

— В общем, если копнуть на десять — двенадцать слоев вглубь, заглянуть под все контракты, махнуть рукой на все записи, гастроли, все случаи, когда его обманывали, все усилия, которые он прилагает, чтобы остаться самым модным сукиным сыном в мире, то можно сказать, что Макото хороший.

Заблудившись в лабиринтах дома, они забрели в спальню Макото, где среди леса из сандаловых ширм стояли две кровати под цветастыми покрывалами. Оттуда их сразу прогнал сырой эротический дух пачули, мускуса и злаковых проростков. Но Старлиц успел заметить у изголовья Макото потрепанный томик «Норвежского леса» Харуки Мураками.

Макото был одержим этим писателем. С преданностью фанатика он прочел все его романы: «Охоту на овец», «Дэнс, дэнс, дэнс», «Страну чудес без тормозов», даже неподъемные «Хроники заводной птицы» — полцентнера вареной редиски для неяпонца, зато оскорбительный и одновременно преображающий культурный опыт для японца.

Первый роман Мураками «Норвежский лес» стал повествовательной основой всего его творчества. Герой, неисправимо избалованный, до крайности чуткий, с потрясающе хорошим вкусом в одежде и музыке японец, совсем уже собрался

наложить на себя руки, но первой с собой кончает его подружка. Только толстокожие неяпонцы способны счесть этот сюжет смешным, для японцев же эта история наполнена сексуальной, политической и экзистенциальной правдой.

Как-то раз в квартале Горуден Гай [61] под виски «Сан-тори» и сакэ «Геккейкан», под пьяный рев плотной и потной толпы в сверхмодном баре размером с телефонную будку Макото втолковывал Старлицу глубинную сущность этой коллизии. Старлиц слушал с неослабным вниманием. С Макото всегда стоило потолковать. Он был неповторимым слушателем, к тому же у него были восхитительные уши — самое красивое в его облике. Макото улавливал ими звуки, не достигающие слуха прочих смертных.

Старлиц молвил тогда: «Я понимаю, зачем умерла девушка. В этом весь драматизм и трогательность сюжета. Повесившись, она повысила ценность невысказанной тревоги героя. Но давай предположим — только для продления спора, — что герой осознает свое существование на более высоком уровне. Он знает, что является утонченным интеллектуалом, переживающим смертельный кризис своей идентичности в высоко конфликтном, сверхкоммерческом обществе. И вот он в приступе сознательной извращенности делает так, чтобы его девушка не кончала с собой. Он ее хорошо кормит, заставляет заниматься физкультурой, ухаживает за ней, окружает уважением, сдувает с нее пылинки…»

«Регги, это был бы плохой роман».

«Конечно, плохой. Но ты слушай. В „Норвежском лесе“ всего сорок пять тысяч слов. Эта книга ужасно короткая, Макото. Заглотав этот крючок, ты и твоя девушка захлебнетесь собственной рвотой, как Хендрикс и Джоплин. Но если ты каким-то образом нарушишь главный ход повествования, то будешь купаться в гонорарах, а все остальные свихнутые артисты, голоса своего треклятого японского поколения, окажутся в чертовых кремационных урнах».

Спор получался сложным, но японский Старлица всегда резко улучшался, когда вокруг него толпились пьяные. Макото слушал его, и в нем происходила какая-то важная перемена. Потом он протолкался наружу, в токийский закоулок, и исторг вместе с рвотой все, что понял.

После того случая Макото перестал писать собственные уникальные песни, которые все равно никто не понимал, и занялся изготовлением блестящих компиляций глобал-поп, регулярно приносивших круглые суммы.

— Это ванная, папа?

— Да. Наверное, это ванная Барбары.

— Зайди со мной, одна я боюсь.

Ванная и впрямь была жутковатая: огромные зеркала, как в гримерной, густые ковры, пахучие свечи, благовония, фазаньи перья, ароматические масла, отдельный гримерный будуар, махровые купальные халаты восьми мягких тропических оттенков, формователи для ресниц, похожие на оборудование для расщепления кварков из женевского ЦЕРНа. В углу высилась тщательно отполированная бронзовая богиня Кали с мерцающими морскими раковинами в глазницах.

— Папа, что это за штука?

— Это называется биде, милая.

— У нее здесь нет унитаза!

Унитаза у дивы действительно не оказалось.

— Тогда давай заглянем в ванную к Макото. Уж там-то должен стоять унитаз!

Таковой там действительно обнаружился, но низкий, в японском стиле, обложенный стопками плесневеющих журналов «Метрополис» и «I.D.» [62].

Зета с непреклонной женской решительностью поджала губы.

— Здесь я не смогу. Лучше потерпеть.

— Ты уверена, что дотерпишь до Лихуэ?

— Придется.

После того, как сутулящуюся Зету увез «лексус», Старлиц и Макото сели пить чай из жимолости и женьшеня в уютной лавовой пещере. Низкий кофейный столик блестел черным лаком, как концертный «Стейнвей» [63]. Стены были украшены оригиналами из легендарной серии укиё-э [64] гавайского художника Масами Тераока «Гамбургеры „Макдональдс“ завоевывают Японию». Тут же были выставлены свидетельства подвигов Макото на ниве благотворительности: участие в борьбе с африканской речной бактерией, вызывающей слепоту, в проверке на СПИД на островах Карибского бассейна, в раздаче бесплатных летних бронекурток сотрудникам ЮНИСЕФ. За легкими плексигласовыми дверями виднелась галька дворика «дзен», символическое море, плещущееся под шестью бетонными скалами — обломками Берлинской стены.

— Tabacol — предложил Макото.

— Я опять бросил.

— Я тоже, — солгал Макото и с наигранной небрежностью отбросил пачку «Севен Старс». После этого он открыл шкатулку из красного дерева и зажег туго свернутую самокрутку с марихуаной. Спичка упала на тяжелый ониксовый поднос.

— Скоро в Япония вернется «большой бум», — молвил он ни с того ни с сего.

— Да, так говорят. Каждому пузырьку свой «бум».

— Когда Япония богатая и счастливая, я вернусь жить. Я часто туда езжу. На студию. Но в Японии мертв дух. Всё запахнет гнилью.

— Давно нюхал Россию?

— Россия слишком много пьет, никогда не работает. Конечно разорение, — ответил Макото с улыбкой. — Но почему разоряются японцы? Японцы каждый день очень много работают. Почему, Регги?

— Ты и ответь. Откуда у меня ответы на все вопросы? Макото втянул смолистый дымок, щелкнул крепкими пальцами гитариста и перешел на японский.

— Верно, ответов на все вопросы у тебя нет. Теперь это очевидно для нас обоих. Ведь ты проиграл пари.

— Проиграл.

— Француженка умерла, нанюхавшись кокаина в поганом отеле посреди Азии. — Старлиц смолчал. — Я думал, победишь ты, Регги. Мне, собственно, все равно. Дурацкое было пари. Зачем оно тебе понадобилось?

Выигравший получает немножко денег. Проиграл ты. Придется тебе стать волшебником.

— Разве триста миллионов иен, не облагаемые налогом, — это мало? — спросил Старлиц по-английски. — Лично я нашел бы, как их истратить. После наступления Y2K такая куча иен любому сгодилась бы.

— Не такая уж это куча. — Макото пожал плечами. — Труднее всего дается первая сотня тысяч. Но ты проиграл, верно? — В его откровенном взгляде проклюнулся некоторый интерес.

— Проиграл. И стану волшебником. Для тебя. Совсем скоро.

— В чем главная ошибка?

— Я размышлял об этом. Серьезно. Легче всего заключить, что я все завалил по личным обстоятельствам. Из-за дочери, обязательств gin и ninjo и так далее. Да, я бросил «Большую Семерку», я сдался. Но если бы не появилась дочь, то возникла бы какая-нибудь другая причина. Напрасно я вообразил, что мы можем создать многонациональный поп-проект и заработать кучу денег, не располагая талантами, не вкладывая душу, без вдохновения, без малейшей музыкальной искренности.

— Тем не менее это звучит разумно. Главная современная тенденция в индустрии.

Старлиц развел руками.

— Конечно, мы с тобой могли бы создать успешный мировой поп-проект. У нас был капитал, технологии, связи. Но это не

сошло бы мне с рук. Мир только выглядит донельзя циничным. Я нарушил главный закон повествования. Надо было знать, что какая-нибудь из девчонок в «Семерке» трагически погибнет, несмотря на то что весь проект— подделка и полная бессмыслица. — Старлиц вздохнул. — Причем не кто-нибудь, а именно Француженка! Это меня окончательно добило. Ведь она была самой лучшей, она знала, что участвует в голой видимости, лишенной содержания. И она была единственной среди них настоящей певицей.

— Теперь «Большая семерка» зарабатывает отличные деньги, — возразил Макото. — Гораздо больше прежнего.

— Это неудивительно!

— Хай, — аккуратно произнес Макото. — Твой турецкий друг, этот Мехмет Озбей-сан — весьма деловой господин, прирожденный импресарио. Деньги капают по часам, неделя за неделей. В ценных бумагах турецкого правительства! В дипломатических посылках! — Макото изучил тлеющий кончик самокрутки и увлажнил его, лизнув кончик пальца. — Наш прежний бухгалтер «Большой Семерки» — как его звали?..

— Ник.

— Ник. — Макото выдохнул дым и опять перешел на английский. — Британская полиция, они арестовали твоего Ника. В Стамбуле. Его сцапал Интерпол. Боюсь, твой друг Ник — не очень честный бухгалтер.

— Черт! Очень жаль. То есть Ника жаль. — Старлиц покачал головой. — Я должен был предвидеть, что он сорвется. Вернее, что его подставят. Я дорожил Ником, но для Озбея он был помехой. — Старлиц раздраженно почесал скулу. — У нас была деликатная договоренность. Ник обладал уникальными способностями, в самый раз для этого дерьмового проекта. Такие под ногами не валяются.

Макото погасил окурок.

— В Индонезии валютный кризис, — сурово молвил он. — Финансы Малайзии больны. В Японии уже восемь-девять лет продолжается спад. Гонконг держат за глотку новые китайские хозяева. То ли дело Центральная Азия: куча нефтяных денег и зачаточное проникновение поп-музыки! Я сочиняю песню специально для «Большой Семерки»! Так, ради удовольствия.

— Нет!.. — пробормотал пораженный Старлиц. — Скажи хотя бы, что ты не написал им хорошую песню!

— Слушай меня, Регги! — сказал Макото по-японски. — Знаю, я тебе обещал не давать группе приличных мелодий. Это было частью пари. Но теперь, после гибели девушки, наши прежние договоренности лишаются силы. Сознаюсь, я уже

написал для «Большой Семерки» одну песню. В центральноазиатском ключе, с тувинским горловым пением. И это хит, братец. Величайший поп-хит, когда-либо впервые исполненный в Ташкенте.

В пику Макото Старлиц опять перешел на английский.

— Зачем ты так торопишься? Ты играешь с огнем! Разве ты этого не знаешь?

— Теперь «Большая Семерка» — лучший мой коммерческий проект. — Макото нахмурился. — Один модный желторотый ди-джей в Лондоне тоже пишет им неплохие песенки.

— Ты шутишь? Кто он?

— Эти новые ди-джеи все одинаковые! Всё пропускают через компьютер, не знают нот и не владеют гитарой.

— И все-таки кто он? Мне нужно имя.

— Дэд Уайт Евросентрик.

— Кошмар! — взвыл Старлиц. — Ты меня пугаешь. Зачем ему писать для «Большой Семерки»? Ему в дверь стучится сама Мадонна, забросив на спину своего младенца!

Макото почесал широкую переносицу.

— «Большая Семерка» вошла в моду. Он чувствует запах жареного. Как и я. — Он мрачно уставился на собственное похоронное отражение в черной крышке столика. — Мода, понял? Потому что посыпались бомбы. Идет культурная война.

Макото и Старлиц провели несколько дневных часов, лениво прохаживаясь по дворцовому парку. Макото демонстрировал Старлицу псарню, планеры, доски для серфинга, акваланги, тримаран. Это был ритуальный показ, вошедший у Макото в привычку. Одновременно он доказывал Старлицу, что не держит на него зла. Да, им не удалось проводить уходящий век, сохранив полный коммерческий контроль над самой паршивой на свете поп-группой, но музыкальный бизнес есть музыкальный бизнес, ссориться из-за него глупо. В нем бывают свои взлеты, свои падения. Двум разумным людям негоже принимать это близко к сердцу.

— Взгляни на мои розы, — сказал Макото по-японски. — Это ЭГМ.

— Хай? — Растения выглядели невзрачно: мелкие листики, кривые стебли, никаких цветов.

— Эталонная генетическая модификация. Размножаются только в лаборатории. Каждый экземпляр защищен авторским правом. — Макото ковырнул носком сандалии жирную почву. — В них вживлены гены светлячков, они светятся в темноте. Только что из лаборатории, привет из нового столетия. Барбара их ненавидит, слуги тоже. Они ненастоящие, какие-то вавилонские

монстры-мутанты. Сколько я ни стараюсь, они отказываются цвести.

— Зачем было покупать опытное сырье?

— Это был один из тех веб-сайтов, где всё покупают, лишь раз «кликнув» мышкой. — Макото повесил голову. — Я лазил по Интернету, когда был под кайфом. Я не должен больше так делать. Я просто должен прекратить и платить другим, чтобы они разбирались с моими сумасшедшими решениями. Ты бы не хотел этим заняться?

Старлиц удивленно пожал плечами.

— Не исключено. На Кауаи не так много работы.

— Кауаи — «Остров-сад». Середина Тихого океана, туристический бум. Бар на баре, как в твои старые деньки, в Роппонги. — Макото положил руку Старлицу на плечо. — Честное слово, Регги, в труде садовника нет ничего зазорного. Славное, почетное занятие. Сэнсей Борутаро учил, что надо возделывать собственный сад.

— Борутаро? Из философов «дзен»?

— Вольтер.

— А, этот… — Старлиц пригляделся к розовым кустам. — Я подумаю над твоим предложением. Серьезно.

— Я вижу будущее, братец, — сообщил Макото. — Наступление Y2K меня не страшит. Просто идут годы, я толстею, старею и богатею. Возможно, совершенствуюсь в игре на гитаре. Но у меня находится все меньше, что сказать. Скоро я достигну вершины мастерства, но уже не будет причин играть. И тогда меня можно будет кремировать.

— Лучше завянуть, чем сгореть.

— Конечно, лучше, но ненамного. Поэтому у меня получится.

Ясным тропическим вечером Барбара возвратилась с урока гавайского танца. Когда-то она сама брала уроки в местной танцевальной школе, скромно участвовала в общинных концертах, станцевала однажды на фестивале «Коке'е Банана Пока». Но подлинной исполнительницей гавайских танцев она не была. Настоящую хулу плясали доисторические племена, не знавшие железа и грешившие человеческими жертвоприношениями. Однако появление Барбары на сцене сдуло оттуда всех остальных. Хула, которую танцевала Барбара, была танцем, который родился бы на Гавайях, стань они полинезийской сверхдержавой с ядерными каноэ-авианосцами. Ее хула была посвящена 1999 году. Это был яркий, самоотверженный танец, торжество безопасного секса, стероидов и стиля гимнастического зала.

Теперь Барбара была на Кауаи гуру постмодерновой хулы. У

нее была собственная танцевальная школа и две дюжины влюбленных в нее либеральных американок средних лет, свято в нее веривших и готовых повиноваться любому ее жесту.

Старлиц наблюдал с безопасного расстояния, как босая Барбара выходит из своего «мерседеса». Ее бедра были обернуты цветастой юбкой, грудь венчал тесный лифчик без бретелек, голову — плетеная шляпка с цветком. Легко миновав сорок футов красной мшистой грязи, она взошла на крыльцо с такими чистыми ногами, словно по пути побывала на педикюре.

— Легги! — Барбара еще больше расширила огромные раскосые глаза. — Алоха, дружок!

— Рад тебя видеть.

Она прикоснулась губами к его виску. Он был поражен. Обычно поцелуй Барбары заканчивался еще в воздухе и больше напоминал ласку деревянной туземной богини. На сей раз состоялось настоящее плотское соприкосновение.

— Где ты столько пропадал? — пропела Барбара самым сногсшибательным сценическим голосом. — Я боялась, что ты нас разлюбил.

— Дела… — пробормотал Старлиц.

— Побудь с нами, Легги. Добро пожаловать в рай. — И она выразительно щелкнула пальцами: — Anuanua o te heiti nehenehe to tino e.

— А, да, нет, может быть. — Старлиц старался не таращиться на нее. Человек, не знавший Барбару так давно, как он, ни за что этого не различил бы, но он увидел, что она стареет. С непередаваемым изяществом — но стареет. На ее прежде безупречном лице появились мелкие зацепки, тревожные намеки на морщинки, на великолепных волосах сильнее, чем раньше, был заметен слой кокосового масла.

Солнце. Соленая вода. Серфинг. Старлиц даже обнаружил на ее бедрах три-четыре лишних фунта плоти — следствие увлечения жареной свининой.

Барбара вплыла в дом, Старлиц последовал за ней, сбросив у двери сандалии.

— Как тебе здесь живется, крошка?

— Здесь все со мной очень милы.

— Неужели?

— На Кауаи я своя, ohana [65]. Меня любят всюду: в цветочной лавке, в кафе. — Ее паузы волновали еще сильнее, чем звук ее голоса. — Понимаешь?

— Понимаю, Барбара. Здесь известность перестала быть для тебе обузой. Здешний простой многонациональный люд умеет заглянуть за оболочку и разглядеть твою хрупкую душу.

— Я могла бы сказать то же самое, если бы захотела.

— Я вынужден просить тебя об услуге, — поспешно сообщил Старлиц.

Барбара широко улыбнулась и потрепала его по плечу. Старлицу показалось, что в ней стало меньше от танцовщицы хулы и больше от мастерицы кун-фу.

— Ты не меняешься, Старлиц.

— Мы с Макото заключили пари. Я проиграл. Ты знаешь об этом?

Барбара важно кивнула.

— Волшебство!

— Да. Ты не откажешься поехать с нами на реку Ваиалуа? Мне нужна добровольная помощница. Лучшая кандидатка — ты.

После дальнего перелета Старлица рано сморил сон. Наутро он и Зета встали вместе с птицами, взяли машину из хозяйского гаража и покатили в Лихуэ за свечами, дымовыми шашками, взрывпакетами и зеркалами.

Зета была вымазана ярко-фиолетовым кремом от загара — новомодным и параноидальным ответом на утончение озонового слоя планеты. Инструкция требовала покрыть им ребенка с головы до ног, чтобы потом, в разгар двадцать первого века, у него не обнаружилось рака кожи. Фиолетовый цвет служил для того, чтобы на теле не осталось ни одного незащищенного клочка. Крем быстро впитывался, но Зета не возражала ходить фиолетовой и мазалась им трижды в день.

Вчерашняя ее поездка в Лихуэ удалась: на Зете был дымчатый противосолнечный козырек, коротенькая футболка с батиковой печатью в виде геккона и хлопковые пляжные брючки, обсыпанные разноцветными рыбешками — символами Гавайев с ласкающим слух названием «хумухумунукунукуапуа'а».

— Как здорово, папа! Вместо этой паршивой школы — Гавайи. Ты лучше всех на свете!

— О здешних школах я не слышал ничего хорошего.

— Папа, здесь продается мыльная обувь! — крикнула Зета, задирая ногу в обновке. — В Колорадо об этом даже не слыхали.

Старлиц заложил вираж, вглядываясь в выщербленное покрытие шоссе.

— Объясни, с чем это едят.

— «Фэйдер» — самая классная «мыльная» обувь! — сообщила Зета, звонко ударяя стальной подошвой по пыльному коврику. — "В этой сделанной из веганской [66] кожи pleather [67] в соответствии с лозунгом «Мясо — это убийство» [68] спортивной обуви сочетается старомодная мелкоячеистая сетка с охлаждающей сеточкой, обеспечивающей улучшенную

воздухопроницаемость. Для лучшей видимости на дороге Фэйдер светится при помощи отражающих трубок от компании 3M".

— А почему «мыльная»?

— Ну, ты знаешь, как скейтеры запрыгивают на перила и скользят по ним на осях?

— А, да, — кивнул Старлиц. — Трюки на краю, отрыв от скейта, поворот на 360°, на 720°, знак спонсора на деке, понял.

— Вот в подметки вставлены металлические пластинки, чтобы можно было куда угодно запрыгнуть и проехаться. Они как намыленные.

— Значит, долой скейтборды? Прямо в подметке?

— Представь себе!

Доски отправлены в отставку, остается только голый трюк. «Никогда не делать того, чего никто никогда не думал не делать»… Старлиц потрепал дочь по голому фиолетовому плечику.

— Как я погляжу, внешкольная программа пришлась тебе по вкусу.

Старлиц и Зета осмотрели берег реки Ваиалуа, нашли подходящий уединенный пятачок, окруженный кустами, и аккуратно установили необходимый волшебный инвентарь. После этого они вернулись в особняк, где Старлиц вкратце поведал хозяину о предстоящем ритуале.

— Я не говорю, что сгодилась бы любая женщина, — сказал Старлиц. — Барбара сгодится идеально. Но в случае, если что-то получится не так, ты не забывай, что она сама вызвалась…

— …нарушить закон тяготения?

— Неверная формулировка! — отмахнулся Старлиц. — Технически Барбара действительно должна нарушить закон тяготения. Но не надо сравнивать это с испытаниями НАСА! Она делает это для тебя. Это явление духовного порядка. Она освободится, понял? Она станет… неземной. Незапятнанной. Запредельной!

— Ты серьезно? Старлиц нахмурился.

— Мы побились об заклад. Пари есть пари. Оно уже стоило жизни одной женщине. Ты давно со мной знаком и знаешь, что я могу проделывать такие вещи. Сам знаешь, я способен на… на необъяснимые поступки.

— Парение в воздухе?

— Настали странные времена. Ты просил волшебства, вот я и приехал, чтобы выполнить твою просьбу. Ты, я, твои домочадцы отправятся на древнюю ритуальную площадку полинезийцев. Лучше не ухмыляйся, приятель, это тебе не токийский «Диснейленд». Это настоящее некромантия вуду. Если у тебя

хватит храбрости стать этому свидетелем, твоя жизнь изменится.

Макото вздрогнул.

— С Барбарой ничего не случится? Старлиц похлопал Макото по плечу.

— Честно говоря, я побаиваюсь высвобождать эту первобытную энергию. Но ты сам попросил, поэтому мне гораздо легче. Потому что я тебе доверяю. С Барбарой ничего не случится, если на протяжении церемонии ее никак не беспокоить. Энергия фэн-шу на полинезийской ритуальной площадке… Это место и процесс колоссальной, древней, сверхъестественной земной силы, понимаешь? Это нам, это мана [69]. На церемонии не должно оказаться людей, которым ты не полностью доверяешь.

Макото почесал в затылке. Он уже давно сидел на крючке.

— Что я должен привезти?

— Ну, — сказал Старлиц, — возьми побольше па-калоло [70].

Подготовка к ритуалу заняла три дня. Для пущей важности события от участников требовался пост, медитация и ритуальное самоочищение. Это требование немедленно отсеяло половину окружения Макото — людей, сразу смекнувших, что готовится очередная лапша на уши.

Остальные были склонны рисковать. Просидев три дня на белом рисе, рыбном отваре и местной марихуане, они были готовы ко всему. Для полноты впечатления Старлиц заставил их протащиться за ним добрых семь миль по национальному парку Ваиалуа.

— Встаньте кругом! — приказал он наконец, достав из кармана бумажку с японскими фразами, записанными латинскими буквами. — Как видите, я побывал здесь раньше, освятил участок и установил факелы. Но у нас ничего не получится, если мы не очистим все вместе эту священную землю от всех следов двадцатого века! Она должна стать вечной, безвременной, какой была до рождения науки и станет после. Долой все материальные следы: окурки, кольца от пивных банок, ничего сделанного на заводе или при помощи машин. Увидите след современной подошвы — сотрите его. Нам нужна чистота. Естественная, незапятнанная. Встаньте на четвереньки и проверьте каждый сантиметр. Считайте это молитвой.

Продиктовав задание, Старлиц удалился в зыбкую тень на краю лужайки, где сел, предоставив отдых ногам, и закурил.

Зета наблюдала за японцами, ревностно прочесывающими мокрый подлесок и не дающими спуску ничему даже отдаленно похожему на мусор.

— Папа, какой же у них дурацкий вид!

— Посмотрим, что ты скажешь, когда они как следуют

вываляются в грязи! — Зета хихикнула. — Милая, ты обещала не смеяться. Хочешь похихикать — ступай в машину.

— Я постараюсь, папа. Можно мне немножко гранолы? [71]

Выждав, Старлиц возвратился на вылизанный молитвенный пятачок.

— Теперь у каждого из вас наверняка созрел вопрос: а я сам? Достаточно ли я чист для этого ритуала? Чисто ли мое сердце? Чиста ли душа? Разумеется, нет! Вся ваша одежда — изделия двадцатого века. Необходимо ее уничтожить. В огонь ее!

— В чем же мы вернемся домой?

— Больше доверия! — рявкнул Старлиц экспромтом и снова уткнулся в сценарий. — Вы должны вымазаться с головы до ног этим священным красноземом. Я не несу ответственности за последствия, если на вашей коже останется хотя бы маленький непокрытый клочок, на который подействуют неземные силы.

Когда он снова вернулся, его паства уже оголилась и вывалялась в грязи. Ничего вредного в ней не было,

напротив, она оказывала успокаивающее действие. Сам Старлиц напялил утыканный перьями плащ, прикрыл ноги щитками из коры и травы, на голову водрузил высокий гавайский шлем — все это он приобрел в магазине местных поделок.

— Момент близится! — завопил он. — Теперь вы наги и чисты. Но кое о чем вы запамятовали. Знаете, что это?

Японцы недоумевали, теряясь в догадках.

— Ваши контактные линзы! Чуждые штуки, через которые вы в своем невежестве глядите на мир, не замечая их! Сейчас я обойду вас и соберу этот мусор, чтобы сохранить и потом вернуть.

Ослепив большую часть своей аудитории, Старлиц сосредоточился на Макото, извлеченном из зарослей под тамтамы.

— Теперь твоя очередь. Ты будешь главным шаманом. Начни с ритуальной дроби.

Макото, близоруки моргая, постукал для пробы по натянутой коже.

— Эй, это же дешевка!

— Ручная работа! Натуральная кожа, древесина, кровяной клей! Ты думал, племена Новой Гвинеи настраивают свои барабаны на до-минор? Это естественный музыкальный инструмент, конечно же это дешевка? Сыграй на нем, сыграй, как ты чувствуешь!

Солнце село с тропической поспешностью, и площадку заволокло низко стелющимся дымом — Старлиц позаботился о сухом льде. Спрятавшаяся Зета дергала за длинные нити,

привязанные к кустам, пугая собрание ожившими тенями. Японцы, доведенные до состояния племени каменного века — грязные, голодные, — совершенно окаменели. Старлиц поправил свой головной убор и перьевой плащ и выпустил Барбару, голую, как все остальные, на деревянный пьедестал посередине поляны.

— Я боюсь! — прошипела она.

— Спокойно. Поднимись туда и сядь в позе лотоса.

— Но я голая! Я поправилась на пять килограммов!

— Это игра Макото. Ты исполняешь его заветное желание. Будь волшебной.

Старлиц закончил последние приготовления и хлопнул в ладоши. Барабанный бой достиг крещендо.

— Прощай, жестокий мир! — провозгласил он. Пьедестал исчез. Поляна огласилась испуганными

криками. Барбара подняла стройные руки, изобразив ладонями две лилии. Она была сейчас трансокеанской бодхисаттвой, плывущей на огненном облаке.

Факелы окутались искрами и погасли. Барбара мягко опустилась на землю. Старлиц метнулся к ней и накрыл припасенным для этого плащом, чтобы такой, закутанной, передать толпе.

— Я была волшебной? — спросила она шепотом.

— Меня не спрашивай. Спроси у зрителей. Зрители рыдали. Они безоговорочно поверили во все увиденное.

Смывшим с себя грязь и выходящим чистенькими из реки Ваиалуа предусмотрительный Старлиц вручал шорты, майки и шлепанцы. Дрожащая от голода и восхищения публика заспешила вдоль реки к месту, где их ждали такси с работающими счетчиками. Перед особняком Макото для свидетелей волшебства стараниями неутомимого Старлица был приготовлен пир. Он знал, что им требуется. Нагло обманутым необходимо первым делом подкрепиться.

Оставшись на поляне вдвоем, Старлиц и Зета зажгли два прожектора и в их мощных лучах затушили костры, собрали все факелы, закопали яму под лжепьедесталом, собрали все веревки, пружины и шарниры, разбили на мелкие кусочки большие сценические зеркала и сложили все в огромный брезентовый мешок, который сбросили в пропасть. Потом, забрав из потайного местечка арендованную машину, они покатили в дешевый отель в Принсвилле, где купили китайской еды и немного кентуккского бурбона.

После белого риса с креветками Зета стала расшнуровывать свои «мыльные» башмаки, глядя на немой телеэкран.

— Зачем тебе виски, папа?

— На Гавайях он дешевле бензина, — объяснил усталый Старлиц.

— Она действительно волшебница, папа? Она похожа на богиню.

Старлиц утомленно посмотрел на свою дочь, потом его пронзила дрожь. Никто, кроме него, никогда не скажет ей правды. У него был перед ней, еще ребенком, родительский долг.

— Милая, мы их провели. Мы смошенничали. Но в поп-культуре это допустимо. Недаром великий Ино пишет в одном из своих священных трудов, что поп-музыка не следует модели изящного искусства, когда вдохновенная личность, гений одаривает праздную публику шедевром. Поп-культура держится на массовости. Все большие перемены в поп-мире создаются жуликами, которые, слепо используя обстоятельства, творят новую моду, сами ее не понимая. — Он отхлебнул бурбона. — Так сказал Ино. Я ему верю, нам это годится.

— Значит, Барбара не умеет летать?

— Пойми, это неважно. Дело не в этом.

— Все равно я не понимаю, — сказала Зета, хмурясь.

— Попытаюсь объяснить немного иначе. Эти люди — хиппи. Они поверят всему, что, как они считают, не одобряют полиция и церковь. Они проглотят любую дурацкую чушь, которую ты пожелаешь им скормить.

Зета завязала ботиночный шнурок и вскарабкалась на кровать.

— Дай-ка я попробую, папа. По-моему, я могу парить в воздухе. — И она увлеченно запрыгала на матрасе вверх-вниз.

— Это дешевая жесткая кровать, милая. Перестань.

— Лучше посмотри, как я парю! — И она проехалась на одной ножке по стальному ребру кровати. — Как тебе моя лунная походка?

— Успокойся.

— Я спокойна. Ха-ха-ха! — Зета с шумом и треском перепрыгнула на переднюю спинку. — Тебе меня не поймать, папа!

— Ты меня слышала? — прикрикнул на нее Старлиц. — Не зли меня!

Но Зета перенеслась, как пушинка одуванчика, на верхнюю перекладину оконной рамы, прокатилась по ней, медленно проехалась по потолку и задержалась, как клубок паутины, в верхнем углу комнаты.

— Не поймаешь, не поймаешь! Я не слезу! Видишь, папа, как плохо я себя веду! Ха-ха-ха!

— Ты сейчас дождешься!

— Вот я и полетела! Ха-ха-ха!

Не столько сердито, сколько грозно Старлиц извлек из сумки одноразовый фотоаппарат.

— Лучше слезь, Зета! Не заставляй меня прибегать к этому!

Но Зета, исступленно мотая косичками, запрыгала по потолку. Вниз посыпалась штукатурка. Старлиц взял фотоаппарат наизготовку и навел объектив на дочь. Вспышка — и Зета с грохотом рухнула вниз. Воя от боли и злости, она, сжимая ушибленную коленку, стала театрально кататься по полу.

День выдался долгим и утомительным для них обоих.

Зета забылась тревожным сном, а Старлицу было по-прежнему не по себе. Он чувствовал в номере отеля непонятный запах. Угораздило же его напиться в паршивой ночлежке, накуриться и смертельно устать посередине Тихого океана! Его мучила отрыжка, он не исключал закупорку артерии или какие-нибудь еще внутренние неполадки, вплоть до готовящейся смертельной коронарной катастрофы.

Винить Гавайи было вовсе не обязательно. Что-то разладилось в нем самом, в городке, на острове, на планете, во всей Вселенной. От проблемы было некуда деваться: он чувствовал ее запах, в каком бы далеком космосе она ни зародилась. Неоновое солнце, прячущееся за воняющую хлоркой кучу мусора… Пустота, холодный синий бассейн, последние безжизненные пузыри, губная помада, как застывший жир, шприцы с обломанными иглами…

Старлиц нашарил телефон и набрал номер.

— Shtoh vy khotiti?

— Виктор? Это Леха Старлиц.

— Вы на Кипре?

— Нет, на Гавайях.

— Гавайи? Телевизионный полицейский боевик? Брюнет, автокатастрофы, негодяи, револьверы?

— Да, нет, может быть. Я насчет группы, Виктор.

— Можете раздобыть мне грин-карту?

— Виктор, с группой ничего не случилось?

— Как же не случилось! — Виктор громко облизнул губы. — Одна из них умерла.

— Ты мне уже говорил. Француженка.

— Кто, та? Нет, теперь Итальянка.

— Ты шутишь! Итальянка?!..

— Утонула в гостиничном бассейне. Наркотики, купание… Все как обычно.

— Где сейчас группа? Где Озбей?

— Мехмет Озбей в Стамбуле, дрессирует новую Итальянку.

Это будет мусульманка из Албании.

Старлиц застонал.

— Твой дядя близко? Передай ему трубку.

— Вы что, пьяны? Кажется, вы напились. Мой дядя все еще труп, Леха. Он находился на авиабазе в Белграде в первый натовский налет. Разве вы не помните?

— Он жив.

— Даже если бы Пулат Романович был жив, вы бы не смогли с ним поговорить. НАТО напало на суверенное социалистическое государство и взрывает все электростанции и телефонные узлы.

— Не болтай глупости. Авианалеты всегда лучше выглядят на бумаге, чем если взорвать телефонную станцию.

— Даже если бы мой дядя был жив, а югославские телефоны работали, он бы с вами не поговорил, потому что геройски защищал бы демократически избранного президента славянского народа Слободана Милошевича.

— Расскажи это Жириновскому, парень. Сколько воздушных боев дали НАТО югославские ВВС? Я немного не в курсе событий.

— Не слишком много, — признал Виктор.

— В таком случае наш ас мог остаться в живых. Зета села в постели.

— Кто это, папа? Моя мама?

— Нет.

Зета угрюмо шмыгнула носом. Она была бледной и напуганной.

— Я хочу поговорить с мамой.

— Помнится, она была на Кипре. Туда я сейчас и звоню.

— Насчет группы?

— Да.

— «Большая Семерка» погибнет?

— Нет, у группы все отлично. Умрут только девушки.

— Ты должен их спасти, папа.

— Зачем?

— Не знаю. Но ты должен это сделать, папа. Ты просто должен спасти их!

Старлиц вернулся в особняк с мыслью выклянчить у Макото денег. Но Макото никого не принимал. Служанка, выполнявшая его распоряжения, повела Старлица и Зету к Барбаре.

Барбара нежилась в саду в шезлонге, надзирая за прислугой, которая лениво выпалывала розы-мутанты.

— Какая прелестная крошка! — воскликнула она, увидев Зету.

— Mahalo [72], — сказала Зета. — Можно мне кокосового молока? Оно так хорошо пахнет!

Барбара подозвала другую служанку и велела ей проводить Зету на кухню.

— Макото занят монтажом студийных записей, — сообщила она. — Он никого не принимает. Особенно тебя.

— Он не бесится?

— Нет, но произошла путаница с контактными линзами. — Старлиц промолчал. — Я теперь проклятая? — спросила Барбара. — Макото сказал, что я была сверхъестественной. Не зашла ли я слишком далеко? Я обречена?

— Не больше любого другого, — отмахнулся Старлиц.

— Я действительно была волшебной? Это правда?

— Правда в том, что ты — кумир, Барбара.

— Это ему и не нравится, — проговорила она, дрожа нижней губой. — С кумирами у нас иногда возникают проблемы.

— Ты сожительствуешь с психованным музыкантом, детка. Брось.

— Я — кумир. Он меня сломает?

— О чем ты?

— Он меня сломает, да? Вечно он заставляет меня читать эти свои дурацкие книжки, где совершенных женщин ждет смерть.

— Макото мог бы тебя сломать, но я уверен, что он этого не сделает.

— Значит, он меня бросит? Ради другой богини? — Оставаясь в солнечных очках, Барбара поджала губы.

— Да, бросит. Когда ты его похоронишь. Когда его не станет.

— А не ради другой богини?

— Ни в коем случае.

— Это хорошо. — Судя по ее виду, у нее отлегло от сердца.

— Успокойся, Барбара. У ситуации есть преимущества. Макото не замечает, как ты стареешь. Он тебя вообще не видел. Он видит только волшебство. — Старлиц перевел дух. — Люди любят кумиров из-за звезд, сыплющихся у них самих из глаз. Макото — твой главный поклонник. В некотором смысле это обуза, но это можно пережить.

— Я вынуждена жить на пьедестале.

— Конечно, но только до тех пор, пока он не умрет. Барбара потерла щеку.

— Пораскинь мозгами! Ты трижды в день занимаешься аэробикой-хулу, а твой мастер игры на укулеле [73] жует мясной фарш и курит марихуану без фильтра. У этого сюжета возможен один-единственный конец. Есть все шансы, что ты переживешь Макото на двадцать — двадцать пять лет и получишь все. Конец кумирам и толпам, ты сама себе хозяйка — пожилая дама, которой не нужно думать о сексапильности, фотографировании,

восхищенном свисте вслед, вызовах на бис. Пожилая женщина с кучей собственных денег — это же совсем другая жизнь! Никто на свете не может тобой помыкать: мужчины перестали тебе приказывать, потому что больше тебя не замечают. Вот когда ты станешь собой!

— Это мое будущее? Говорят, ты умеешь предсказывать будущее.

— Дай-ка мне для верности ладонь. — Подавив зевок, Старлиц пригляделся к узору линий. — Все правильно.

Барбара выдернула у него руку и смущенно потерла ладонь.

— Я подумаю обо всем этом.

— Подумай, очень тебе советую. Пораскинь мозгами. Трудно стать собой, когда ты всю жизнь ублажала других.

Барбара оглядела сад. Разговор давался ей с большим трудом.

— Ненавижу эти мерзкие розы! Они — будущее, но не мое. Я рада, что уничтожила все до одной. — Старлиц молча кивнул. Барбара поймала его взгляд: — Если я дам тебе денег, ты уедешь и пообещаешь долго-долго не возвращаться?

8

Озбей прислал за ними в стамбульский международный аэропорт имени Ататюрка правительственный лимузин. Кожаная обивка сидений блестела от частого ерзанья высокопоставленных турецких бюрократов. В салоне пахло лихорадочным курением и злоупотреблением ракией. Зета бросила свою рюкзачок с символикой «Большой Семерки» на пол и загородилась желтой от никотина кружевной занавесочкой. Старлиц, измученный дальним перелетом, тупо прилип взглядом к окну.

Вот он и вернулся в Стамбул, хотя не планировал проводить здесь так много времени. Этот город привлекал его неотвратимо. Он был гораздо сильнее его, так что никто не мог бы ему помочь. Город по горло утопал в непроглядной выгребной яме истории. Стамбул был неофициальной столицей многих истлевших империй и по очереди именовался Византией, Визан-том, Новым Римом, Антузой, Царьградом, Константинополем…

Застряв в адской турецкой пробке, водитель включил радио и принялся проклинать футбольный матч. Судя по надписям на номерных знаках машин, город состоял из множества отдельных городов: Галата, Пера, Бешикташ, Ортакой. Это был мусульманский Лондон, исламский Нью-Йорк, смешение непохожестей и противоположностей, вроде Блумсбери или Бронкса.

Стамбул. Грозящие обрушиться византийские акведуки, заросшие плющом и обвешанные турецкими знаками, запрещающими парковку. Привычные к смогу уличные торговцы с бубликами на палочках. Желтые бульдозеры на огромных резиновых колесах у стен мечетей. Ночные клубы для непритязательных туристов, готовых любоваться танцем живота в украинском исполнении. Огромные желтые плакаты, призывающие заскучавших турецких домохозяек изучать английский. Банкоматы в будочках, похожих на минареты. Лавки со сластями. Каштаны. Пятнистые уличные собаки доисторических пород, несущие вечную вахту у помоек.

Стамбул был живее Софии, Белграда, Багдада. Двадцатый век не сумел, как ни пытался, расправиться с этим городом. Стамбул утратил столичный статус, но все еще стоял на собственных ногах, превозмогая боль. Его не разрушали, не завоевывали, не подвергали ковровым бомбардировкам, никогда не принуждали существовать за счет чужих страданий.

И первейшей причиной этого было и осталось турецкое олицетворение двадцатого века — Кемаль Ата-тюрк. Он был

воинствен и не выпускал из рук оружие. Он основал турецкую республику, выгнал пашей, положил на полях битв несметное количество греков, присвоил Турции новое имя, одарил ее новым алфавитом, конституцией, флагом. Этот мусульманский Муссолини заставил ходить турецкие поезда, но каким-то чудесным образом избежал фашистской западни.

Поэтому из кучи диктаторов двадцатого века — Насер, Чаушеску, Диас, Пол Пот и еще сотня других — один Ататюрк остался жить в умах и владеть ими. Только он один из всех самозванных «спасителей наций» мог не опасаться наступления Y2K. Благодарные турки не стали бы переименовывать названные его именем улицы, сносить аэропорт его имени, валить десять тысяч его бронзовых бюстов и мачистских конных статуй. Стальной взор Ататюрка еще много десятилетий будет пронзать мысленный пейзаж нации. Ататюрк попросту не иссяк и не собирался иссякать еще долго.

Наконец лимузин подкатил к величественному розовому отелю, лежащему, как бриллиант, на азиатском берегу Босфора. Это традиционное летнее убежище богачей, известное в городе под местным именем Yali, возвел в девятнадцатом веке оттоманский визирь. Ататюрк недолюбливал упадочническую султанскую мишуру, поэтому двадцатый век был с этим приморским дворцом строг. После Первой мировой войны его разграбили греческие солдаты. В тридцатые годы на верхнем этаже жил Ким Филби [74], в сороковые здесь находился оплот зловещего турецко-германского союза, в пятидесятые и шестидесятые он превратился в мрачную ночлежку для советских коммивояжеров-параноиков. В семидесятых и восьмидесятых этот обломок империи чуть было не рухнул от ветхости: его изящные некогда портики обвисли, как вдовий подбородок, причал сгнил, крыша, облюбованная летучими мышами, растеряла большую часть изогнутой черепицы.

Но однажды министр, дядя Озбея, решил, что расширяющиеся деловые интересы турецкой разведки нуждаются в надежном причале для скоростных судов. В девяностые годы Черное море стало морем «черного рынка», ибо омывало зараженные мафией берега Болгарии, Румынии, Украины, Грузии и России. Во всех этих странах понятия не имели, что такое честное правительство, их население ни в грош не ставило таможенников, сборщиков налогов, агентов служб борьбы с распространением наркотиков и огнестрельного оружия.

Эти сказочные возможности стали для умирающего оттоманского yali облаками, пролившими золотой дождь. Через него хлынул поток денег, выручаемых контрабандой наркотиков

и оружия. Вместе с ее тайными распорядителями расцвел и этот небольшой дворец. В нем опять забила ключом жизнь, его стены, озаренные восходящим солнцем — богатством нуворишей конца века, были вновь покрашены традиционной темно-розовой краской оттоманской эпохи. Территория дворца, огороженная витым чугуном, насквозь просматривалась камерами слежения, у электрифицированных ворот встали турецкие парашютисты в белых касках с белыми ремешками на подбородках, в белых перчатках.

Ворота распахнулись, пропустили лимузин и снова затворились. Старлиц и Зета вылезли, забрали сумки и зашагали мимо сиятельного коллекционного «астон-мартина», чудовищного бронированного «мерседеса» и автомобильчика спортивного класса. Дворцовый вестибюль встретил их головокружительной элегантностью: фантастической золотой росписью на стенах, диванами под красным бархатом и синим шелком, восьмиугольными черепаховыми и фаянсовыми столиками. Дежурный трудился за внушительной стойкой красного дерева при свете лампы в виде огромной жемчужины. Он почтительно пригласил вновь прибывших в изящный зеркальный альков с ослепительным марципановым потолком, подал им кофе в крохотных серебряных чашечках и леденцы.

Старлиц с удивлением узнал в этом услужливом человеке Дрея, бывшего громилу, состоявшего при Озбее.

Дрей происходил из затерянной деревушки Верхней Анатолии, в его тяжелые ручищи так и просились кусачки или нож для сдирания бараньих шкур. Теперь на нем был безупречный итальянский костюм, физиономия гладко выбрита, зубы сияли белизной, волосы напомажены, как у парламентского атташе. Самое странное, Дрей чувствовал себя здесь как рыба в воде, словно считал владельца казино, залитого цементом, естественной ступенькой к своей уютной ливрейной синекуре. Он принял у Старлица визитную карточку и неслышно удалился. Старлиц смутился: карточка долго пролежала в портмоне, а портмоне — в заднем кармане, что не могло не сказаться на качестве полиграфии.

Поерзав на диване, он взял чашечку с кофе. Напиток его не оживил, но по крайней мере отвлек. Густой аромат кардамона. По-каирски. Кофе был превосходный, он такого не заслужил.

Время текло медленно. Зета совершенно расклеилась: у нее текло из носа, немытые волосы спутались. Она нервно постукивала каблуками по полированной диванной ножке. У Старлица были напряжены нервы, настроение было ни к черту. Но он знал, что все испортит, если засуетится. Даже подняться с

дивана было бы для него героическим усилием, поэтому он попросил Дрея принести Зете апельсиновой «фанты». Зета с бульканьем выпила всю бутылку до дна и, отдуваясь, уронила липкую посуду на трапезундский ковер ручной работы, чтобы, сраженная детской скукой, повалиться на диван. Ей очень хотелось выглядеть непокорным подростком, отловленным в диких просторах Кавказа и доставленным пред очи безразличного султана.

На одной из ближайших дверей повернулась серебряная ручка. Появилась суперзвезда, за ней семенил мультимиллионер. Зета выпрямилась, как пружина.

— Это она!

На Гонке Уц были серьги-слезки, волосы зачесаны наверх в стиле «замороженная бомба», умопомрачительный торс был заключен в кольчугу из персиковой тафты от Александра Маккуина [75]. Ее преследователем был коренастый загорелый субъект в розовых авиаторских очках, костюме банкира и галстуке капитана индустрии с виндзорским узлом.

— Вы! — изрек мультимиллионер, указывая на Старлица. — Молодой человек!

— Да? — пролепетал тот, обомлев от такого обращения.

— Вы говорите по-турецки или по-французски?

— Я говорю по-французски! — поспешно вмешалась Зета. — Я брала домашние уроки!

— Здравствуйте, Гонка, — сказал Старлиц, привстав. Гонка Уц разглядывала его с олимпийским спокойствием.

— Вы знаете мисс Уц? — недоверчиво спросил субъект.

— Мы встречались некоторое время назад.

— Вы с телевидения?

— Поп-музыка. У меня была группа…

— Ага! — Мультимиллионер облегченно кивнул. — Отлично. Скажите мисс Уц, что меня ждет самолет. Она должна улететь со мной в Сан-Пауло. Сегодня вечером.

С запинками, немыслимой грамматикой и яростной жестикуляцией Зете удалось донести эту мысль до Гонки. Та приложила изящную ладошку клинышком к алым губам и мелодично прыснула.

— В этом турецком игровом шоу она зря теряет время, — настаивал бразилец. — Зато у нас в Бразилии

настоящее всемирное телевидение. Международный масштаб! Наши «мыльные оперы» стоят на первом месте в Москве и на втором в Тайбее. Они бьют все рекорды в Бейруте и Каире. Скажите это мисс Уц. Добейтесь, чтобы она поняла.

Зета предприняла новое переводческое усилие, но Гонка

показала им свою гибкую спину и убежала в дворцовый сад. Бразилец устремился за ней следом, вытянув руки, как любовник с древнегреческой амфоры. Вскоре до слуха Старлица и Зеты донесся богатырский рев двигателя «ягуара», от шума выброшенного колесами гравия чуть не обрушилась лепнина на стенах.

Старлиц поспешил сесть: он заметил, что испачкал шелковый диван.

— Она даже со мной не поздоровалась! — пожаловалась Зета с искаженной загорелой мордашкой. — А ведь она однажды расписалась на моей руке и все такое… Я ее так любила!

На лестнице раздался молодецкий солдатский топот.

— Ну и растяпы!

Старлиц испуганно задрал голову. Американка завершала приземление. На ней был синий десантный берет, короткая пятнистая майка и необъятные штаны военнослужащей взвода химзащиты.

— Американка! — взвизгнула обрадованная Зета. — Папа, гляди! Мы спасены!

— Привет, крошка! Легги, что ты тут забыл?

— Жду Главного, — доложил Старлиц.

— Вставай! — приказала Американка и, обняв его за талию кофейной рукой, сорвала с дивана. — Прежде чем ты поговоришь с Озбеем, выслушай меня. Это серьезно. Дипломатические переговоры на высоком уровне, парнишка.

И она потащила Старлица вверх по лестнице. Зета послушно поплелась следом, чтобы выползти за ними на залитый солнцем балкон второго этажа. У Старлица заболели уставшие от перелета глаза, он схватился за резные перила ограждения. Перед ним раскинулся переливчато-синий Босфор, благородное водное пространство, слегка подернутое несмываемой нефтяной пленкой.

Американка вдохнула свежий морской воздух и убрала под кожаный ободок берета выбившуюся не свою прядь.

— Надеюсь, теперь тебе лучше?

— Да, нет, может быть. Спасибо, Американка.

— Меня зовут Бетси, ты забыл? Бетси Росс. — Миссис Росс достала из красной пачки «Мальборо» сигарету, оторвала фильтр, зажгла то, что осталось, и налегла на перила.

— Будешь? — спросила она, протягивая пачку Зете.

— Нет, спасибо… — простонала Зета, зардевшись от гордости.

Миссис Росс лягнула розовую дворцовую стену тренированной ногой.

— Здесь все не так, как в обычных отелях на гастролях «Семерки». Все эти зеркала, плитка, хрусталь и так далее… Прямо голова кругом!

— Это точно. — Стоя на балконе, Старлиц сполна оценил притягательность дворца.

— Самое красивое здание, которое я когда-либо видела. Другой мир, фантастика! Грэйсленд [76] не годится ему в подметки. Какой же я раньше была дурой! — Она геройски затянулась своей укороченной цигаркой, зеленея лицом под своим солнечным козырьком змеиной расцветки. — Но внутри творятся опасные вещи. Видел бы ты подвал! Настоящий питомник привидений!

В сторону дворца летел в пене и брызгах белоснежный катер.

— Здесь настоящий гарем Гонки. Мы, дурочки из «Большой Семерки», — случайные гостьи, а Гонка здесь зацепилась, это ее дом, она переделывает свои спальни, заваливая их барахлом с Крытого рынка. Гонка — та еще штучка! Мы по сравнению с ней — беспородные шавки.

— Ну уж… — промычал Старлиц.

— Не пудри мне мозги! Мы — пустое место. Уж я-то знаю! Но это наша работа, и мы можем на этом подняться. Мусульманская деревенщина даже не представляет, на что мы способны. Мы так плохи, что у них глаза лезут на лоб. Мы их сломаем и похороним, такая мы дрянь! Это мое открытие в поп-бизнесе. Раньше я этого не понимала, зато теперь меня не проведешь. — Глаза Американки пламенели, как два факела на кувейтском месторождении. — Это гениальная дерьмовая афера, Старлиц! От нее весь мир встанет дыбом. Я голосую за нее руками, ногами и задницей! — Старлиц смолчал. — Но тебе вряд ли что-нибудь обломится. Ты по уши в дерьме. От тебя разит до небес!

Зета, слушавшая с широко разинутым ртом словесные выкрутасы взрослой особы, в конце концов не стерпела и перешла в дальний угол балкона, откуда стала с притворным интересом наблюдать за причаливающим внизу катером. Миссис Росс подошла к Старлицу вплотную и заговорила тише:

— Знаешь что? Ты попал в точку! Как только я тебя увидела, я сказала себе: «Бетси, этот жулик — твой счастливый билет, он вытащит тебя из казармы. Так что лови каждое его словечко! И не жалей сил». Улавливаешь?

— Вполне, детка. — Старлица уже раздувало от гордости.

— Я не говорю, что «Большая Семерка» — удачный проект. Это стопроцентное дерьмо, Легги. Но я в поп-бизнесе новенькая, мне нужно было раздать долги, так что дерьмовая работенка в «Большой Семерке»— это именно то, что мне требовалось. Теперь

я научилась петь. Махалией Джексон [77] мне не стать, но я усвоила правила. Я узнала, где находятся голосовые связки. Не так уж это трудно.

Старлиц кивнул. Он был вынужден с ней согласиться. Трудно создавать настоящую музыку, но исполнять музыку, лишенную музыкальности, почти не составляет труда.

Ее голос дрожал от волнения. Казалось, она сейчас выпрыгнет из одежды, а то и из собственной шкуры.

— Легги, мне хочется гораздо больше! Я хочу стать звездой первой величины, сиять на весь мир! Ослепительной звездой! Монстром поп-сцены!

— Но ты знаешь, что это значит, да, Бетси?

— Наверное, что я стану жирной наркоманкой и тупицей и подохну молодой? Но вот что я тебе скажу: с «Большой Семеркой» я заглянула за угол. Я проехала с гастролями через половину гребаного исламского мира. Видала я этих надутых сукиных сынов с их бородами под аятоллу. Я побывала с ними нос к носу и знаю, что говорю. Они прозябают в Средневековье. Это орава хреновых первобытных козлов. Для меня и для них одновременно в мире не хватит места. Если я достигну вершины, то этим разиням придется прикрыть лавочку. — Она швырнула окурок в Босфор. — Их мало просто долбануть атомной бомбой, придется лишить их всего, во что они верят. Я знаю, как они меня ненавидят. Больше всего не свете они не выносят нахальных сучек. Я сама такая, и у меня

есть против них одно верное средство: раздеться до трусов и усесться им прямо на морды. Занять голой задницей весь их спутниковый телеэкран. Как же они зашлепают своими волосатыми губами, вечно бормочущими Коран! Это их до смерти пугает. Они смельчаки, воздушные налеты России или НАТО им нипочем, но это! — Она шлепнула себя по ягодице. — Этого им не пережить.

— Бетси, ты слыхала, что болтуны из национальной безопасности назвали Столкновением цивилизаций? [78]

— Я мало читаю. — Она нахмурилась. — Ну, что, поможешь моей культурной войне, или мне придется расправиться не только с ними, но и с тобой?

— Да, нет, может быть. Всецело тебя поддерживаю. Это следующий век.

— Слушай, я все это тебе рассказываю, потому что хочу, чтобы ты знал, откуда я взялась. Я — всюду, я льюсь с неба. Мое время еще не наступило, мой черед впереди. После Y2K грядет явление Вавилонской Блудницы. И я приду не с миром. Я — разрывной снаряд!

Старлиц сочувственно покивал.

— Как выглядит твой бизнес-план?

— Первый шаг — угробить Озбея-эффенди. Мехметкик — классный парень и все такое, у него крепкие связи с наркомафией, его охране палец в рот не клади. Всем этим я восхищаюсь. Он со мной безупречно вежлив с тех пор, как я переспала с его дядей-министром. Но мне теперь подавай сольную карьеру!

— Бетси, для этого тебе нужен менеджер, рекламный агент, бухгалтер и юрист. И, между прочим, какая-никакая музыка…

— Один британский ди-джей уже написал для меня любовную песенку, — неуверенно сказала она.

— Случайно не Дэд Уайт Евросентрик?

— Он самый! — призналась она со смешком. — После Киргизии у меня был короткий выходной, вот я и прилетела, пришла прямо к нему в студию, представилась и… После сеанса орального секса ему захотелось на мне жениться. Но музыкант он неплохой. Сценическое имя ни к черту, зато его танцевальные хиты занимают первые строчки в чартах.

— Верно, этот парень — студийный кудесник. Он может превратить тебя в звезду.

— Прекрасно! Я тащусь! Так и знала, что ты в курсе таких вещей. — Миссис Росс томно почесала подмышку. — Надеюсь, Мехметкик не очень обидится, если я его немного пощиплю. Знаю я его штучки! Француженка нюхнула лишку, и он мигом взял вместо нее французскую арабку. Случилась беда с Итальянкой — а у него наготове албанка из Италии…

— Не противься потоку, детка. — Старлиц вынул из кармана пиджака ручку, потекшую в самолете и испачкавшую ему рубашку. — Тебе повезло, у меня есть для тебя полезный человек. Он собаку съел в шоу-бизнесе. Шикарный фотограф. Зовут Тим.

— Что за Тим?

— Из «Эшелона».

— Почему-то в этом бизнесе люди предпочитают клички. — Бетси взяла клочок бумаги с нацарапанным телефонным номером.

Старлица отвлек шум внизу. Там разгружали причаливший к отелю катер. Работой руководил сам Мехмет Озбей, явившийся на причал в незапятнанных парусиновых туфлях, белых брюках и двубортном синем блейзере яхтсмена. Бархатный салон катера был забит огромным количеством дорогих белых чемоданов одинакового размера и формы, их извлекали наружу с конвейерной бесперебойностью. Чемоданов набралось несколько десятков — все тяжелые, словно полные тугих пачек купюр. Не

иначе, Озбей занялся производством дорогих чемоданов из телячьей кожи.

— Если я уже сегодня улизну, ты меня прикроешь? — осторожно спросила Бетси.

— Обязательно!

— Пока, увидимся!

Миссис Росс тряхнула глянцевой шевелюрой и зашагала прочь. Зета бросилась за ней с перекошенным личиком.

— Подождите, не уходите!

— А что?

— Вы же из «Большой Семерки»! Это моя любимая группа, самая лучшая на свете!

Миссис Росс посмотрела на нее со смешанным чувством любопытства и жалости.

— Немудрено! Что я могу для тебя сделать? Дать автограф? — Она похлопала себя по пятнистым бокам. — У меня нет фотографии. Но не беда, я подарю тебе свой любимый лифчик.

— Я просто хочу… — Зета была близка к панике и слезам от преклонения перед знаменитостью. — Вы звезда! Будьте звездой для меня! Объясните, что к чему.

Бетси, успевшая задрать леопардовую майку, замерла.

— В каком смысле? Ты о поп-музыке?

— Конечно! Допустим!

— Ладно, — кивнула миссис Росс. — Иди сюда, я все тебе выложу как на духу. Я выдам тебе главный секрет. Скажу то, что известно нам, поп-звездам, и это будет чистая правда. — Высокая Бетси нагнулась, сияя глазами и вызывая восторженное доверие, и чмокнула Зету в лоб. — Не будь как твои родители!

И она, пнув дверь, исчезла, не оглянувшись.

— С ума сойти! — От изумления Зета не могла шелохнуться.

Старлиц почесал затылок.

— Не такое уж это откровение.

— Для меня — да, — молвила Зета. — Раньше никто не говорил этого мне. — От радости Зета расплакалась, не переставая сиять. — Я так счастлива, что это сказали мне!

Старлиц долго слонялся по верхнему этажу yali, пока не нашел еще одну девушку из «Большой Семерки» — Немку. Она сидела в одиночестве в бывшем гаремном будуаре, смотрела по спутниковому каналу «Немецкой волны» репортаж о балканской войне и нервно кусала наманикюренные ногти. На ней был турецкий банный халат, светлые волосы накручены на бигуди, перед ней лежало нарезанное яблоко и немного салата.

— Бетси уходит, — сообщил ей Старлиц. — Кажется, мы

снова остаемся без Американки.

— А, это ты… — пробормотала Немка, не сводя с телеэкрана синих глаз с покрасневшими веками. — Что значит одна девушка теперь, когда в Европе тысячи беженцев, дети и бедняки лишились крова и им негде преклонить голову? — В ее голосе звучал пафос вперемешку с испугом. — Все эти грязные попрошайки только и мечтают, чтобы укатить в Берлин! Надеюсь, Йошка Фишер, наш «зеленый» хиппи [79], справится с этим ужасным кризисом!

Старлиц взял дочь за сутулые плечики.

— Где миссис Динсмор?

— Кто?..

— Миссис Динсмор, Тамара. Дуэнья «Большой Семерки».

— Ах, она… — Немка рассеянно кивнула. — Ей пришлось остаться в Азербайджане. У нее возникли проблемы с паспортом.

Старлиц принял недобрую весть мрачно, но без удивления.

— Послушай, Немка, эта девочка еле держится на ногах. Можешь ненадолго составить ей компанию? Мне надо вниз, поговорить с мистером Озбеем.

Немка безразлично глянула на Зету.

— Ладно, только пусть не ревет. Терпеть не могу слезы.

— Вы — Немка? — дерзко спросила Зета.

— Ja. Ich bin. Пока что.

— Вы в группе с самого начала! У меня есть ваша пластмассовая фигурка, ваши туфли на платформе и ваш леденец. Кажется, я даже знаю ваше настоящее имя…

Немка оживилась и похлопала ладонью по дивану.

— Садись! Хочешь вкусного салату с телятиной?

Старлиц ушел. Он уже научился избавляться от цепкой власти этого дворца над его душой: надо было просто решительно шагать, прикрыв глаза. Иначе прелесть интерьеров становилась слишком пленительной, хотелось даже остаться среди них на несколько неспешных оттоманских веков.

Голос Озбея, говорившего по телефону, заставил Старлица поторопиться. Он постучал в дверь и услышал приглашение войти по-турецки.

Увидев его, Озбей сразу повесил трубку, словно опасался выдать государственную тайну.

— Рад тебя видеть, Мехметкик.

— Что за вид? — удивился Озбей, оглядев его с головы до ног.

Новый кабинет Озбея поражал воображение. Стены были увешаны оттоманскими указами, выполненными искусными каллиграфами-левшами, сиденья блестели бронзой ручной

работы, целый угол был занят богатой коллекцией кривых янычарских ятаганов.

Озбей прикоснулся к лацкану своего щегольского синего пиджака, примерно там, где у человека положено быть сердцу.

— Клянусь, я скучал по тебе!

— Очень мило с твоей стороны. Ценю твои теплые чувства.

— Я думал, ты уже не вернешься.

— У меня не оставалось выбора. Так складывалось повествование.

— Впрочем, я не удивляюсь. Я так и думал, что эта проблема возвратит нам тебя. Проблема трупа.

— Двух трупов.

— Я только что говорил по телефону, и…

— Только не это! Которая на этот раз?

— Она жива, Легги. Говорят, она выйдет из комы и сможет ходить. Не танцевать, но ходить.

— О которой речь? — повысил голос Старлиц. — Только не говори, что о Британке! Она была такой отменной пропагандисткой! С ней всегда можно было умно поговорить.

— Все складывается очень плохо, не стану от тебя скрывать. — С этими словами Озбей покинул изящное директорское кресло, открыл дверцу буфета из дымчатого стекла и достал серебряный шейкер. — Речь о Японке. Наглоталась таблеток. Попытка самоубийства. Издержки японского характера. — Старлиц молчал. — Прямо не знаю, что делать с Японкой. Других еще можно заменить. В Японии случайно нет угнетенного мусульманского меньшинства?

Старлиц попытался представить себе ситуацию с позиций Озбея. Здесь, во дворце, это было несложно.

— В Японии, главным образом, в Токио, немало иранских рабочих. Незарегистрированная рабочая сила.

— Неужели? — Озбей просиял. — Значит, судьба!

— Мне очень жаль, что все так обернулось. Возможно, я сейчас не гожусь на роль советчика. Только что я лишил тебя Американки.

— Ни за что не поверю, что ты ее прикончил.

— Она жива.

— Еще бы! Такая крупная, крутая, с револьвером! Где тебе ее убить! Даже не думай.

— Это не смерть, Мехметкик, а сольная карьера.

— Вот как? — Озбей достал хрустальный графин с кипрским бренди лимонный микс. — Горластая янки, ей бы пошла полицейская форма… Она изрядно мне надоела своими речами об угнетении женщины и о меньшинствах. Должен сказать, я

ожидал, что ей с нами наскучит. Скажи, ты знаком с черными американскими мусульманами? Знаешь, такие, в галстуках-бабочках? Они настоящие мусульмане? Умеют танцевать и петь?

— Сейчас… — Старлиц провел ладонью про лбу. — В Силиконовой долине тысячи пакистанских инженеров, работающих на «Интел» или «Моторолу». Их дочерей и подавно не счесть.

Озбей расплылся в улыбке.

— Отлично! Видишь, мне бы ни за что до этого не додуматься! Американская кибер-мусульманка, да еще из Калифорнии. Лучше не придумаешь!

— Ее поиски могут оказаться опасной тратой времени. Y2K уже на пороге.

Озбей уклончиво улыбнулся и затряс шейкером.

— Будь добр, сядь. Тебе надо выпить.

— Кипрский бренди — это то, что мне сейчас нужно, — согласился Старлиц. — Еще бы сигаретку…

— У меня целая коробка первосортных гаванских сигар. Куда она запропастилась?

Не найдя коробку на просторном столе, Старлиц встал на колени и, заглянув под стол, нашарил там, кроме сигар, пару туфелек на высоком каблуке.

При виде туфель Озбей поморщился.

— Их искала Гонка.

Он подал Старлицу хрустальный бокал, тот сделал большой глоток.

—Живительная влага!-воскликнул он.-От этих перелетов у меня мозги набекрень. Душу я оставил на Гавайях, мой призрак реет где-то над Тихим океаном. — Он зажег сигару от фарфоровой настольной зажигалки. Жить снова становилось приятно. Он поспешно уселся.

Озбей пригубил бренди и поставил рюмку.

— Мне нравится смешивать напитки, — признался он, закуривая сигару. — Нравится коллекционировать украшения для бутылок и бутылки-сувениры, дорогие графины и палочки для помешивания коктейлей. Но пить я уже не люблю. Не могу захмелеть! То телефонный звонок среди ночи, то выстрел, то сирена… Не могу расслабиться с рюмкой в руке и стать самим собой. Я больше не принадлежу себе, вот в чем дело. — Озбей трагически расширил глаза. — Даже мои ребята уже не те.

— Такова цена успеха, дружище. Деньги меняют все. Озбей запустил руку в карман пиджака и достал

крохотную дозу кокаина в обертке.

— Это еще работает. Кокаин расширяет личность. Благодаря

ему ты становишься исполином. — Он провел по фольге ухоженным ногтем и втянул в ноздри порошок. — Когда ты оставлял группу на мое попечение, — продолжил он, задумчиво потирая пазухи, — я пожал тебе руку, помнишь? Я поклялся, что буду беречь девушек. Сейчас я признаюсь: я их не сберег. Они умирают, все они умрут. Мне все равно. Человек, сказавший тебе, что они ему важны, не был мной. Девушки не имеют значения. Я значение имею. — Он оглядел свой роскошный кабинет. — Это имеет значение.

Старлиц стряхнул с кончика сигары белый пепел.

— Точка зрения, — согласился он.

— Однажды ты мне сказал, что я должен решить, кто я. Это были мудрые слова. Но решить непросто. Меня зовут не Мехмет Озбей. Мое имя — Абдулла Октем.

Старлиц сочувственно приподнял брови.

— Мне должна быть важна разница?

— Известно тебе о турецком киприоте по имени Алпарслан Тюркеш? Он военный, бывший глава службы государственной безопасности Турции. Слыхал про генерала Алпарслана Тюркеша? Это был один из величайших людей в мире. Мне он был как отец.

— Жаль, но я его не знал.

— Толпы на турецком Кипре у меня на глазах носили его на руках. В Туркмении и в Азербайджане ему со слезами целовали руки. У него было девять детей. Он был основателем «Серых волков». У тебя есть девять детей, Старлиц?

— Нет.

— У меня четверо.

— Для начала неплохо.

— Но я не знаю, что говорить сыновьям. Их фамилия — Октем, они дети Абдуллы Октема, а не Мехмета Озбея. Как им сказать, что друзья их отца называют себя терминаторами и работают на организации, вроде «Турецкой бригады мстителей»?

Озбей сел за стол, выдвинул ящик и вынул оттуда фотографию в золоченой рамке. Поставив ее перед собой, он грустно проговорил, не стесняясь слез:

— Бедняжка Мерель… Когда мы поженились, я был старшим молодежной бригады. Мы, молодые «Серые волки», разбивали палатки в лесу и пели патриотические турецкие песни. Мы учились завязывать тугие узлы, раскладывать костры, мы избивали профсоюзные демонстрации. Это была скромная жизнь, посвященная нации. Мерель родила мне сыновей, но я ее пережил, что неудивительно.

— У меня та же проблема, — сознался Старлиц. — Знаешь, я уверен, что люди, счастливые в семейной жизни, никогда мне не

попадались и не попадутся.

— Я знал, что ты меня поймешь, — сказал Озбей благодарным тоном. — Потому что ты философ. В моей жизни был один-единственный период, когда я серьезно относился к философии, — это когда я был студентом Американского университета, но ведь тогда я отбывал семилетний срок в швейцарской тюрьме… В цюрихском аэропорту у нас нашли четыре килограмма героина. Нас выдали наши враги. ASALA, Армянская тайная армия [80]. Мы тогда занимались ее ликвидацией.

— Тебя схватили швейцарцы? После того как ты дал показания в Италии на процессе Мехмета Али Агджи? Ты смелый парень!

— Сначала они сцапали Мехмета Сенера, но он так и не заговорил. Мехмет Сенер — славный малый, патриот, человек, которому можно доверять. Я иногда с ним вижусь, хотя теперь он носит другое имя. Мы не сказали чертовым швейцарцам ни словечка. Так прошел год, другой, третий, четвертый… А потом нас передали ЦРУ и через систему организаций GLADIO [81] вернули обратно. Я попал в тюрьму мальчишкой, недавно из университета. Тюрьма меня закалила. Тюрьма сделала из меня сурового мужчину.

— Таково влияние тюрьмы, — согласился Старлиц. — Вацлав Гавел [82] говорил то же самое.

— Я вспоминаю эти пять лет в тюрьме, — продолжал Озбей. — Когда я занимаюсь любовью с Гонкой Уц, обычно вот на этом диване, когда она меня ласкает и кричит своим дивным голосом… Я провел пять лет в тюрьме, я погибал там от одиночества и предвкушал этот момент. И вот теперь, когда я могу повторять с Гонкой это мгновение столько, сколько мне захочется, приходится признать, что я не совсем здесь… Я планирую этот момент и потом им хвастаюсь. Но я никогда не был тем, кто наслаждается происходящим. Где я себя потерял? Жизнь выглядит такой безупречной! Где исказилась эта история? Почему я такой, Старлиц? Что сделал со мной мир? Можешь ты мне ответить?

— Многие пошли бы на убийство, чтобы сравняться с тобой.

— Я ради этого убивал, — веско промолвил Озбей. — Вся болтовня о сожалении и вине всегда была ложью. Я ни о чем не сожалею. Закладываешь бомбу, и плохие люди погибают. Взрываешь ресторан, и плохим людям настает конец… Мне не нравится убивать своих коллег, вроде Орала Селика, предавшего нас, такие

дела меня гнетут. Но речь не об убийствах. У нас, турок, есть

два соперничающих правительственных «эскадрона смерти», JITEM и MHP. Наверное, тебе не хочется об этом слушать, это все наша местная бюрократия, сплошная скука… Сам я симпатизирую JITEM, но, убивая врагов государства по заданию JITEM, не могу серьезно к этому относиться.

Озбей стряхнул с сигары пепел и закинул на стол ноги.

— Мы по-прежнему убиваем врагов государства, потому что они — враги Турции, но это в моей карьере не главное. Сегодня мы создаем новый черный рынок: продаем наркотики и оружие, строим казино и отели по всему тюркоговорящему миру. Мы скупаем телевизионные станции и газеты. Мы финансируем курдскую войну и политические партии. Мы процветаем. После завершения холодной войны мы разбогатели. Поэтому не называй меня наемным убийцей, политическим экстремистом, мафиозо, торговцем героином. Теперь, в конце века, я в эти понятия уже не умещаюсь. Я сотрудник нефтяных корпораций, вхожу в совет директоров трех банков, я зарабатываю не меньше арабского шейха. И ставлю на эти корпорации в принадлежащих мне казино, чтобы выигрывать даже при проигрыше!

Старлиц потер свой двойной подбородок.

— Картина становится полнее. Превосходный материал! Продолжай.

— Нет таких денег, за которые я бы согласился убить врага государства! Я должен сделать это из патриотизма, из любви к родине. Когда я не в гастрольной поездке, то сижу за своим удобным письменным столом здесь, во дворце JITEM, звоню по надежным дипломатическим линиям. Недавно я продал «Армии освобождения Косово» на пять миллионов долларов джипов и минометов. АОК заработала эти денежки продажей героина в Швейцарии — в безмозглой юности этим занимались мы, турки. Они продают героин, который получают от нас. Мы делаем деньги двумя способами, тремя, пятью, шестью. Мы можем зарабатывать бесконечным количеством способов, лишь бы денежки были черные.

— Теперь это не должно представлять трудности. Особенно когда идет война.

— Самое замечательное, что это первая настоящая война НАТО, а мы в него входим. Представляешь? Мы выигрываем войну! Турки впервые за триста лет выигрывают войну мусульман в Европе! Надо было дожить до этих дней! Иногда мне начинает казаться, что такая шикарная жизнь, как моя, не может быть настоящей.

Старлиц в задумчивости кивнул.

— Грядет новый мир. От этого иногда перехватывает

дыхание.

Расширенные глаза Озбея сияли энтузиазмом.

— Разве войну выигрывает турецкая армия? Турецкая авиация? Нет, друг мой, ее выигрывают турецкие тайные службы. Поимка Абдуллы Оджалана [83] в Кении была величайшей турецкой победой за полвека. Три человека в черных балахонах похитили в Африке Оджалана. Я знаю всех троих, они мои близкие друзья, я снабжаю их девчонками и машинами, они играют в дядином казино и живут теперь, как принцы!

— Полностью тебя понимаю, — пробубнил Старлиц с сигарой во рту, тут же ее вынул и взмахнул рукой. — Знаешь, что меня восхищает во всей этой постановке?

То, что этот хренов дворец — настоящий, а не какой-нибудь туристический «Диснейленд». Здесь царит серьезная, всамделишная оттоманская атмосфера, Мехметкик. Здесь пахнет сказочными богатствами, палачами в масках, дворцовыми заговорами, великими визирями, подкупами, переворотами, перерезанными в темных закоулках глотками. В довесок у тебя есть целый международный гарем танцовщиц, лакомящихся шербетом и красящих себе ногти на ногах. Созерцать все это — нешуточная привилегия. Ради таких мгновений я и живу.

— Я думал обо всем этом иначе, — медленно проговорил Озбей. В голове у него созрела какая-то важная мысль. Хотя, возможно, ему в голову ударил кокаин. — Наверное, здесь отчасти и кроется моя проблема с индивидуальностью. — Он нахмурил брови. — Я считаю себя прозападным, современным деятелем. Я не отношу себя к оттоманской традиции. Это меня беспокоит.

— Это мой вклад, — неуверенно проговорил Старлиц. — Иногда человек со стороны может лучше разглядеть твои проблемы.

— Знаешь, — сказал Озбей, — когда ты предупредил по телефону, что возвращаешься, я стал строить планы твоего убийства. — Старлиц молчал. — Я склонялся к тому, чтобы зашить тебя в мешок и швырнуть в Босфор. Это традиционный способ. Нет ничего проще. В Турции тысячи нераскрытых политических убийств. Не сомневаюсь, что утопил бы тебя в глубоком море. Но это не решило бы проблем, потому что я не верю, что это бы тебя убило.

— Что за мысли?!

— Я много раз репетировал этот сюжет. Глядя в одно из многочисленных зеркал дворца, я повторял: «Я убил Легги Старлица. Я всадил в него несколько пуль. Я швырнул его в море в мешке, скованного тяжелой цепью». Но это звучало

недостоверно, совершенно неубедительно, невозможно фальшиво. Тебе знакомо это чувство? Наверняка знакомо. Когда пытаешь человека, что-то от тебя скрывающего, то всегда угадываешь, когда он говорит правду, а когда врет. Фальшь сразу узнаешь. Старлиц стряхнул пепел с сигары.

— А как тебе вот это: «Легги Старлиц умер в первый день двухтысячного года»?

Рука Старлица застыла.

— Старлиц взял и исчез. Со Старлицем покончено. Его больше нет. Легги Старлиц прекратил существование. Для грязного типа по фамилии Старлиц пробил его час. Новому миру Старлиц ни к чему. В повествовании нового тысячелетия для него нет места.

— Замолчи!

Озбей торжествующе расхохотался.

— Наконец-то я заговорил на твоем языке! — Он подошел к стене и вынул из усеянных жемчужинами ножен зловещий кинжал. — Я не утверждаю, что убью тебя этим ножом. Оставить на тебе шрам, отрезать тебе палец, даже руку еще можно, но убить нельзя. — Озбей положил кинжал на стол, снял синий пиджак и картинно швырнул его на спинку кресла. — Возьми нож и убей меня.

— Нет уж, спасибо.

— Минуточку… Какой же я дурень! — Озбей снял рубашку и распахнул легкий натовский кевларовый бронежилет. — Вот так. Валяй! Убей меня! Я каждый день дразню смерть. Я ставлю на кон свою жизнь, нюхаю кокаин, гоняю на спортивных машинах, занимаюсь незащищенным сексом со случайными роскошными женщинами. Я — международный плейбой и шпион. Давай же, заколи меня! Бей прямо в сердце. — Он ударил себя в грудь. — Ну!

— Это не в моем стиле, Мехметкик. — Старлиц аккуратно поставил бокал. — Ты полностью выбился из сценария, да и на полу такой роскошный ковер, что…

— Не оправдывайся. Ты не можешь!. Вот глубокая реальность. Не можешь! Это не в твоей власти. Что бы произошло? Повествование не позволило бы этому случиться. Сюда вбежал бы Дрей, сломался бы нож… Я не могу погибнуть от твоей руки. Потому что я велик. Я знаю о своем величии. Я — лев турецкой нации. Меня нельзя просто убить, я могу стать только мучеником. Я не могу умереть как простой смертный, каким раньше был. Я больше не принадлежу себе. Я не совсем здесь, не совсем в этом времени. Мелкая реальность повседневной жизни не для меня. Я достиг подлинного господства, Старлиц. Я могуч, но невыразим.

События проходят сквозь меня, вплетаются в ткань истории, не совершаясь.

— Лучше перестань болтать и отойди, Мехметкик. Ты размазался слишком тонким слоем и покрыл всё вокруг. Главное повествование отторгает такое дешевое, дармовое дерьмо. Будь либо Возвышенным Гуру, либо Щеголем с кордебалетом, либо Тайным агентом, подсевшим на героин, но не всем сразу!

— Это твоя версия повествования, а не моя.

— Мы в моем повествовании, дружище.

— Неправда! Ты в моей стране, в моей культуре, и это мое повествование.

Старлиц застонал.

— Избавь меня от всей этой ерунды! — Он схватил кинжал и вонзил кривое лезвие глубоко в крышку стола. — Возможно, я не могу тебя заколоть, но не потому, что ты это говоришь. Ты мне не хозяин. Ты не можешь распоряжаться моим повествованием, потому что мы говорим на чертовом английском!. Послушай самого себя! Тебе больше нечего сказать. А я тебе говорю, что ничего этого не самом деле не произошло!. И ты не можешь со мной спорить, потому что условия диктует мой язык. Ты больше не можешь это обсуждать, потому что этого вообще не было.

Озбей уставился на Старлица в изумлении, быстро сменившимся гневом. Его лицо побагровело. Он разинул рот, попытался что-то сказать, но исторг только глухой писк. Плюнув на ковер, он сжал кулаки и, свекольно-фиолетовый от ярости, рванулся вперед.

Но в сфере непроизносимого что-то заклинило. Озбей согнулся пополам от боли, его колени, обтянутые белыми флотскими брюками, подогнулись, он тяжело задышал.

С характерным рокочущим звуком, всегда сопровождающим рвоту, на ковер шлепнулся патрон пятидесятого калибра, за ним другой, — здоровенные, с пулями размером с фалангу большого пальца и с пугающими медными гильзами.

Последовавшие за боеприпасами туго набитые мокрые пакеты с героином выглядели еще чудовищнее. Это были не стандартные надувные шарики и не презервативы, которые обычно глотает наркокурьер, чтобы потом от них избавиться, усевшись на унитаз. Нет, это были тщательно закупоренные килограммовые кирпичи с белой массой, слегка отдающей желтизной. Озбей изрыгал их, все сильнее потея и все больше напоминая изголодавшийся призрак.

— Ладно, хватит, — решил Старлиц и гулко постукал Озбея по спине рукояткой ножа. — С кем не бывает!

Озбей откашлялся, сплюнул, отдышался. Воздух в комнате стал невыносимо зловонным: запахло чем-то подземным,

кладбищенским, мерзкими органическими отбросами. Пахло куда хуже, чем просто смертью, — это был дух чего-то подлинного, реального, чему, тем не менее, категорически запрещено существовать. Доблести и геройства на службе неправого дела. Самоотверженности во имя торжества зла. Взрослых поступков, к которым принуждают несмышленых детей. Заляпанных грязью скелетов переписанной истории с сияющими зубами лагерных призраков. Апокалиптического хаоса на службе у Нового мирового порядка. Сожженных дотла ради их же спасения деревень. Интеллектуалов, расстрелянных во имя познания.

Старлиц лихо подхватил Озбея под мышки и выволок из зловещего, разваливающегося на глазах кабинета. От его пинка дверь чуть не слетела с петель. Найдя туалет, он оставил Озбея рядом с дверью.

Через шесть минут Озбей вернулся в реальный мир. Он успел умыть лицо, причесаться, застегнуть рубашку.

— Что скажешь теперь? — строго спросил его Старлиц.

Озбей опасливо дотронулся до распухших губ и ноющей челюсти.

— Хорошо. Ничего не было.

— Так-то лучше. А теперь поговорим как профессионалы. Это несравненно полезнее. — Старлиц положил руку на потное плечо Озбея, словно в готовности признать в нем коллегу. — Что слышно в поп-бизнесе, Мехметкик?

В вестибюле дворца Озбей напугал своим видом Дрея и был вынужден усадить его на место повелительным взмахом руки.

— Слыхал о новой девичьей группе «Худа»? — прокаркал Озбей.

— Нет, расскажи, — сказал Старлиц. Озбей оживал на глазах.

— Это малайзийские мусульманки, четыре девушки, то есть четыре замужние женщины, имеющие детей. Они выступают в головных платках, как требует мусульманская традиция, но при этом красят губы и носят туфли на платформе, танцуют и поют.

— Серьезно? Черт! Когда они начали?

— В девяносто седьмом. В Сингапуре и Куала-Лумпуре они страшно популярны. Поют исключительно ко-ранические суры. Еще они снимаются в религиозных поп-роликах: любовь к Аллаху, положительный пример для мусульманских детей…

— Ты знаешь, как зовут их импресарио?

— Фараддин Абдул Фаттах.

— Этот Абдул — настоящий гений! Такого лучше даже не пытаться свалить… — Спохватившись, Старлиц сказал: — Считай, что я этого не говорил.

— Пойдем, я покажу тебе новую машину, — позвал Озбей.

— Отличная мысль! Пойдем.

Они вместе побрели на стоянку перед дворцом, ради которой был принесен в жертву патриархальный цветник. На западе, над Европой, медленно садилось солнце.

Старлиц замер перед серебристым «астон-марти-ном DB5». Его рыбьи очертания и двойные зеркала будили какие-то воспоминания. Он быстро вспомнил: в 1964 году фирма «Корги» выпустила игрушечный «астон-мартин», первую в мире модель для коллекционирования, скопированную с автомобиля из кино-' фильма. Эту игрушку по-прежнему производили и продавали, потому что серебристый «астон-мартин DB5» переехал из «Голдфингера» в «Шаровую молнию», а оттуда «На секретную службу Ее Величества».

Эти фильмы смотрела половина населения планеты. То было воистину планетарное кино, предвещавшее господство Свободного Мира. К концу века «бондиана» позаимствовала у третьего мира туземные кинематографические замашки: отказалась от модернистских сюжетов ради непрерывных массовых побоищ, дорогих декораций и обнаженных красоток. Садизм, Снобизм и Секс — формула Свободного Мира, кошачья мята для масс образца двадцатого века.

То, что подобной машиной владел Озбей, было слишком unheimlich [84] Такого щегольского самодвижущегося аппарата он не видел с тех пор, как обнаружил в подвале Капитолия штата Юта реактивный болид для гонок по солончакам. Казалось, передние фары «астон-мартина» сейчас отъедут, и вместо них из утробы автомобиля выползут два фаллических символа — старомодные перфорированные стволы скорострельных пулеметов.

Неужели это та самая машина? Старлиц в ужасе вспомнил, что автомобиль, снимавшийся в фильмах, загадочно пропал из авиационного ангара коллекционера-американца…

— Симпатичная, но в ремонт ее уже не берут, — небрежно проговорил Озбей.

— О!..

— Британский стиль в прошлом. Все эти игрушки отказали. Ни тебе телефонов в подметках туфель, ни взрывающихся авторучек. То ли дело — настоящий револьвер! — Озбей поманил Старлица за собой. — Полюбуйся этим лимузином. «Мерседес», настоящий евроавтомобиль: совместное изделие двенадцати стран. Компьютерное управление, современная бронезащи-та. В багажнике — целый военный арсенал.

Старлиц подошел ближе. Машина была даже не металлической. Старлиц назвал бы этот материал полимерным

углеродом или пенистым алюминием, дальше его фантазия не шла.

— Красота! — прошептал он.

— Подарок, — гордо молвил Озбей. — Подарок другу, депутату парламента Седату Северику. — Озбей оперся о сияющий бампер. — Иностранцы считают, что все турки ненавидят всех курдов. Ложь! Они не знают хороших, достойных курдов нашей страны, а я их знаю.

Они не бывают в Сенлиурфе, Газиантепе, Адане, где простые жители турецких гор стараются вести мирную жизнь, без политиков и коммунистов. Северик-бей — уважаемый старый горец. Я горжусь, что могу называть его своим другом. — Озбей ласково похлопал ладонью по капоту. — У него свои плантации, оливковые рощи, ковроткацкие мастерские, сотни собственных солдат… Он любит, чтобы в его владениях царил покой. Он любит все добротное, гостеприимство, лошадей, женщин, ему пригодится хорошая машина. Предатели и террористы его ненавидят. Курды-предатели тратят почти все свое время и энергию на убийство добропорядочных курдов. За дело нашего национального единства полегло много кузенов Северик-бея. Но этому бронированному «мерседесу» не страшен даже иракский танк.

— Старик умеет водить?

— Какая разница? Он раздавит любого, кто встанет у него на пути.

— Следует отдать тебе должное, Мехметкик: у тебя все получается отлично. И ты чрезвычайно щедр.

— Спасибо. Твой босс-японец с Гавайев на меня не жалуется?

— Его беспокоят мертвые девушки, а в остальном он от тебя в восторге.

— Я ценю его доброе отношение, — сказал Озбей. — И твое тоже, конечно. Почему бы тебе не переночевать во дворце? У нас намечена небольшая видеовечеринка с членами парламента от Партии верного пути и МНР, банкирами и их любовницами… Когда мы схватили Оджалана, по всему миру начались курдские бунты. Курдские предатели совершали самосожжение! — Озбей со сконфуженным видом развел руками. — Как ни странно это звучит, но когда охваченные огнем курды-террористы атаковали и захватили греческое посольство, то это, признаюсь, был один из самых великолепных моментов в моей жизни. Да что там, это один из величайших моментов всего двадцатого века! У меня записаны на видеопленке сообщения об этом всех каналов: Си-эн-эн, «Немецкой волны», бразильского «Глобо Ньюс». Нам никогда не надоедает их пересматривать. Мы показываем их дипломатам,

политикам, тайной полиции, всему турецкому высшему обществу. Они всегда и у всех вызывают улыбку. Старлиц обдумал предложение. Оставить Зету ему было не с кем.

— Боюсь, не смогу. У меня другие планы.

— Потом мы поедем на свалку, стрелять по крысам из револьверов с жемчужными рукоятками.

— Увы, дружище, никак не могу. Мне очень жаль.

— Ты не хочешь приспосабливаться, — веско заключил Озбей. — Я не могу приспособить тебя к грядущему миру. Извини, Старлиц, но я больше не хочу тебя видеть. Это не нужно нам обоим. Пока я не понимал свою собственную реальность, то мог терпеть соседство с тобой. А теперь не могу. От тебя пахнет обреченностью.

— А как же группа?

— Я нарушаю твое первое правило. Они полезны мне, они важны. После Y2K их важность только возрастет. Я превращаю их в свое оружие.

— Если ты нарушишь первое правило, дружище, то в Y2K тебе не жить.

— Нет, Старлиц. Твои западные умозаключения не сработают. Это ты встретишь Y2K трупом.

— Помяни мое слово: либо ты оставишь группу, либо двухтысячный год начнется уже без тебя.

— Я не умру, Y2K будет для меня только началом. А ты подохнешь!

— Очнись, Озбей! У тебя уже два с половиной трупа. Сколько можно? По-твоему, героин — это кока-кола? Они обе наркоманки, но все решают наркотики и их количество.

— Я турок! Мне ли бояться героина? Это наше оружие! Афганцы завоевали с его помощью свободу! Албанцы ведут смертельную борьбу, применяя героин! И хватит спорить! — Озбей вздохнул. — Довольно! Сиди тихо. Я тебя покупаю, и дело с концом. Для денег нет языковых преград. В моем кабинете стоит чемодан, набитый болгарскими деньгами… как они называются?

— Форинты? — предположил Старлиц.

— Нет, по-другому…

— Кроны?

— Тоже нет.

— Болгарские левы!

— Точно. Такие новенькие, хрустящие. Еще не побывали в руках, ведь Болгария только вступает в капитализм. Забирай чемодан, отправляйся с ним на Кипр, отмывай денежки. Скройся с глаз! Ты не можешь меня спасти. Ты даже самого себя не спасешь.

— Ты надеешься, что я способен отказаться от своего обязательства перед этими девочками, польстившись всего на один кожаный чемоданчик дешевых болгарских бумажек? После всего, что я для них сделал? После всех моих планов?

— Да, надеюсь. Забирай или так проваливай. Старлиц почесал в затылке.

— Разве что за два чемоданчика… Я путешествую не один.

9

Старлицу осточертели авиаперелеты. Самолет представлялся ему теперь слишком чистым, нечеловеческим, отупляющим транспортным средством. Он взял в Стамбуле напрокат дешевый автомобиль и радостно покатил через всю Турцию в плотном потоке местных приверженцев скоростной езды по плохим дорогам. Он нашел Зету в номере Немки. Девочка крепко заснула, не вынеся голода, расстройства биоритма из-за дальнего перелета и нервотрепки, неизменно сопровождающей фанатичное поклонение поп-звездам. Сон пошел ей на пользу. Теперь она радостно барабанила пальцами по своему персональному чемоданчику из телячьей кожи.

— Правда, папа, иметь много денег — это здорово?

— Еще бы!

— Когда Немка заработает свой миллион? Старлиц откашлялся.

— У Немки талант. У нее лимузины, ее встречают орущие толпы. Но таланта сохранить денежки она лишена.

— Знаешь, что она мне сказала? Что люди думают, будто быть звездой здорово, ведь она носит красивые шмотки и не вылезает с вечеринок. А она вкалывает не разгибаясь, папа. Все время в гимнастическом зале, никогда не наедается досыта. Она говорит, что дождется Y2K, заберет свой глупый миллион, вернется домой, в Бремен, и завалится спать лет на пять. Якобы такой у вас договор.

— Возможно, так и будет, но это уже не наша проблема. Помочь «Большой Семерке» теперь невозможно. Она застряла в Турции и преображается на глазах. Скоро от нее вообще ничего не останется. Если кто-то и вырвется из повествования и унесет с собой заработанное, то это будем мы.

Зета погрузилась в задумчивое молчание, сменившееся через некоторое число километров укаченной угрюмостью, близкой к рвоте.

Переночевав в Анталии в приморском отеле, они погрузились с утра на автомобильный паром, отправлявшийся на турецкий Кипр. На берег они сошли зеленые от качки и дизельного выхлопа и снова покатили по суше, через остров, к Лефкосе с ее тесными средневековыми улочками.

Виктора они отыскали в рабочем квартале столицы турецкого Кипра. Виктор облюбовал обшарпанный ресторанчик на первом этаже иссеченного пулями многоквартирного жилого дома шестидесятых годов. Там было уютно, как в бункере: толстые

бетонные стены, маленькие, затянутые занавесками окошки на северную сторону, единственная дверь. Когда-то в доме был выход на юг и соответствующий приличный вид из окон — на Зеленую линию и греческий Кипр. Немудрено, что южную стену наглухо заложили кирпичом.

На Викторе была цветастая рубаха, темные очки, модные брючки цвета хаки и псевдоитальянские турецкие ботиночки. Он поглощал густое темно-красное харчо. За соседним столиком утоляли голод четверо солдат ООН — усатые аргентинцы в сапогах, камуфляже и небесно-синих беретах. За острым кебабом они болтали по-испански о местных шлюхах. У них были внимательные глаза снайперов, однако служба в войсках ООН не слишком их тяготила. На свете наперечет уголки, где ветеранов Фолклендской кампании [85] согласны считать миротворцами.

Владелец заведения сновал между столиками в грязном фартуке. Один глаз у него был затянут бельмом, и он смахивал на жулика настолько, насколько скромный повар имеет возможности для жульничества. Старлиц полистал малограмотное многоязыкое меню. В скитаниях он успел соскучиться по превосходной кипрской кухне и теперь отважно заказал тушеные мозги, острую жареную печень и почки. Зета ограничилась супом из белого риса.

— Мне нравится ООН, а вам? — сказал Виктор по-русски, косясь на военных. — Она гораздо добрее НАТО.

Старлиц оторвал кусок лепешки и окунул его в ну-товый соус. Виктор наигранно вздохнул.

— Почему я люблю ООН? Потому что они не демократы. Несовременные, не рыночники, ничего не смыслят в высоких технологиях. А какие пройдохи! Что это за мировое правительство — организация ни к черту, неуклюжее, продажное, убогое! И все же сейчас, на закате века, они тут как тут — курят цигарку за цигаркой и лопают от пуза. — Виктор бросил потертую ложку и глубокомысленно сложил ладони домиком. — Само понятие «мировое правительство» как будто подразумевает чистоту, абстракцию, утопичность. Но это не голая концепция мирового правительства — вот оно, настоящее, рядом, обедает рядом с нами! Правительство, чьи скучающие солдаты из Украины и Шри-Ланки тянут лямку в гнилых захолустьях, среди племенных вождей и пиратства.

Объединенные Нации — мировая империя, только слабая, продажная, лживая, вся в очагах бунтов. Прямо как империя турецких султанов. Или русских царей.

Зета не сводила с Виктора расширенных, сияющих глаз. Она не понимала ни слова по-русски, но сразу улавливала главный

смысл и понимающе дрожала.

— Как указал Пелевин в своем романе «Жизнь насекомых», — разглагольствовал Виктор, — мы живем как паразиты. Почему? Потому что нас это устраивает. Закон, порядок, правосудие — абстракции, они слишком обтекаемы, для людей с сохранившейся душой это модернизм. Большинство людей на этом свете живут как крысы в щелях. В жульнических империях таких щелей больше. Больше убийств, но и больше местечек, где можно спрятаться.

— Полностью согласен, — проурчал Старлиц. — Обожаю русские теории. Но после того, как погорел бухгалтер «Большой Семерки» Ник, все мои любимые здешние банки кишат крысоловками. Я столкнулся с конкретной проблемой, Виктор: при мне два чемодана. С ними надо что-то делать.

Виктор ухмыльнулся, облизывая ложку.

— Новая миссия с вашими вещичками через Зеленую линию, мистер Старлиц?

— Мне надо отмыть деньги на греческом Кипре, Виктор. С турецким Кипром покончено, это вчерашний день. Мне нужно, чтобы ты перебросил мои денежки в прачечную на той стороне. Если банки греческого Кипра годятся для семейки Милошевичей, то мне они тем более подходят.

Старлиц и Виктор перешли к прямым переговорам. Юный Виктор прожил полный событий год. В отсутствие Старлица и Хохлова он не терял времени. Наоборот, без присмотра взрослых предпринимательские инстинкты Виктора расцвели буйным цветом. Тайком переходя взад-вперед Зеленую линию, Виктор сделал блестящую коммерческую карьеру.

Этнический апартеид создал колоссальное осмотическое давление [86] между двумя экономиками маленького острова. Табу национальной ненависти не пропускало товар на рынки, поэтому Виктор стал специализироваться на поставках женщин. В процветающей греческой половине Кипра проститутка славянской национальности и православного вероисповедания стоила впятеро-вшестеро дороже, чем на турецкой стороне. Посещение турецкого Кипра требовало минимума формальностей, тогда как официальный въезд в греческую часть по воде или по воздуху был немыслим без визовой бюрократии. Поэтому Виктор накапливал опыт в противозаконной переправке женской плоти прямиком по мусору, под лучами прожекторов, через колючую проволоку. Это занятие всегда было прибыльным, но редко приносило столько денег, как в 1999 году. Политические катаклизмы неизменно приводят к повышению качества уличных женщин.

Виктор попросил его извинить, закурил и стал звонить по

мобильному телефону.

— Что он говорил, папа?

— Мы обсуждали причитающийся ему процент, надежность сделки и ликвидность средств.

— Папа, Виктор хороший?

— Нет.

— Так я и знала!. — торжествующе провозгласила Зета. — Знала, и все. Теперь я разобралась в Викторе.

Мамашам Номер Один и Номер Два не хотелось бы, чтобы я с таким познакомилась, правильно?

— Правильно.

— Как и с тобой, папа. Они не хотели, чтобы я знакомилась с тобой и тем более — с Виктором.

— Я рад, что ты разобралась с Виктором. Взгляни на него! Это же кошмар любой мамаши!

Зета поставила локти на стол, сцепила пальцы.

— Хочешь, я кое-что тебе скажу, папа? Виктор — крутейший парень. Раньше я думала, что ребята из рок-групп самые крутые, но теперь вижу, что самый крутой — Виктор Билибин. Он — настоящий гангстер из моей мечты. У него потрясающие глаза, совсем как у моей домашней змеи.

Старлиц обдумал это бесхитростное признание. На первый взгляд, это был повод для тревоги, но, с другой стороны, она недаром была его дочерью.

— Виктор тебе ни к чему, — сказал он, аккуратно подбирая слова. — У тебя теперь собственный, совершенно законный американский паспорт. К твоим услугам весь мир, за исключением Кубы, Ливии, Северной Кореи, Ирака, Сербии и Черногории.

Виктор вернулся, сел и заказал турецкий кофе.

— Думаю, наше дельце выгорит, — сказал он по-русски. — Главное, чтобы деньги не оказались поддельными.

— Купюры настоящие. Не думаю, чтобы Озбей-эффенди подсунул мне фальшивые левы.

— Мехмет Озбей? — Виктор испуганно встрепенулся.

— Он самый. Или ты знаешь других владельцев чемоданчиков из белой телячьей кожи, набитых наличными?

— Но Мехмет Озбей мертв!

— Заблуждаешься, мой мальчик! — сказал Старлиц со смешком. — Я виделся с ним вчера вечером.

Он устраивал вечеринку и просмотр видеофильмов с неистовыми курдами и моделями, демонстрирующими нижнее белье.

Виктор побелел.

— Я знаю, что он мертв! Я сам его заказал. Никто не мог выжить.

Старлиц огляделся. Температура в ресторанчике упала градусов на десять, но этого никто не замечал. Разговоры с участием одиннадцатилетних девчонок редко подслушивают.

— Папа, — задумчиво произнесла Зета, — Виктор кого-то убил?

— Нет.

— Он считает, что убил.

— Это разные вещи.

Виктор выставил указательный палец, изображая револьвер.

— Я убил человека, — сказал он Зете по-английски гулким голосом приведения. — Он сам хотел меня убить, потому что я слишком много знаю. Он включил меня в список на ликвидацию. Но я его опередил. Бабах — и его нет в живых!

— Здорово! — восхитилась Зета. Глаза у нее стали размером с блюдца, по рукам побежали мурашки. — Какой кошмар!

— Так действует уличное правосудие, — произнес Виктор нараспев.

— В этом он весь, — бросил Старлиц и перешел на русский. — Виктор, я думал, ты постараешься не высовываться. Тебе этот тип не по зубам. Ты — малолетний хулиган, а он засел в Стамбуле в собственном дворце и всеми помыкает, что твой министр. Если будешь задирать нос и кричать в наркотическом одурении, что убрал Мехмета Озбея, я сочту тебя радиоактивным и буду тебя сторониться.

Виктор был уязвлен.

— Я не утверждал, что сам в него стрелял. Но я знаю, когда Озбей появляется на Кипре, — потому что это знают все. Я его выследил и заложил международному отряду классных киллеров. А они разнесли его на кусочки! — И Виктор победно ухмыльнулся.

— Что? Кто? Как? У тебя связи с какими-то супер-ниндзя?

— Именно!

Старлиц отодвинулся от стола.

— Ты псих!

— А вот и нет! Зачем мне такое выдумывать? Это были тайные агенты из ГУУАМ.

— Откуда?

— ГУУАМ. Я напишу. — Виктор вооружился дешевой ручкой из греческого отеля в Никосии и написал на грязной салфетке несколько букв.

— Это кириллица, но в русском языке такого слова нет, — сказал Старлиц.

— Тогда латинскими заглавными буквами… — И Виктор аккуратно вывел: «GUUAM».

— Гуам? — удивился Старлиц. — Причем тут этот остров? Я там был.

— Нет, — не унимался Виктор, — это многонациональная организация людей из бывших советских республик: Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана, Молдовы. Вот вам и «ГУУАМ».

— Что еще за чертовщина? — Старлиц усмехнулся. — Какая-то инвалидная команда!

— В ГУУАМ Озбея ненавидят. Чего он только не вытворял на их территории! Шантажировал сына азербайджанского президента, взорвал машину с заместителем министра обороны Узбекистана. Они знают, как опасен Озбей, но кто им поможет? НАТО? Озбей в НАТО! Россия? Но в ГУУАМ собрались националисты, ненавидящие Россию. — Виктор так двинул по столу кулаком, что подскочила его тарелка с супом. — Если вы не слыхали о ГУУАМ, ничего не могу поделать! ГУУАМ существует и по величине почти не уступает Европе. Что же им, задрать лапки и признать победу какого-то турка?

— Ты хочешь сказать, что Молдова держит за границей отряд убийц? Страна без нормального фондового рынка?

— Она состоит в ГУУАМ. Они могут делить расходы на пятерых.

— Ммм… — промычал Старлиц, щуря глаза.

— ГУУАМ может воевать. У этих стран есть сухопутные и военно-морские силы. У них тысячи ветеранов Советской армии, никогда не дравшиеся под родным флагом.

Старлиц поразмыслил над услышанным. При всей беспрецедентности такой организации ее существование нельзя было полностью исключить. Ведь шел 1999 год. Напоследок планета усиленно чудила.

— Где его укокошили?

— Могу показать.

— Любопытно взглянуть, — согласился Старлиц.

Они расплатились, захватив в дорогу долму в виноградных листьях и липкий кусок пахлавы. Японский автомобиль, арендованный Старлицем, ждал их в тени мечети — бывшего собора французских крестоносцев в Леф-косе, заморского Нотр-Дам, обросшего минаретами.

До разрушенной деревни у Зеленой линии оказалось сорок минут приятной езды. На задворках турецкого Кипра осталось много таких городков-призраков: дороги, связывавшие их раньше с побережьем, оказались перерезаны, их жители-греки в ужасе

бежали, а годы экономического эмбарго совсем их прикончили.

Взволнованный Виктор указал на проселочную дорогу под разросшимися деревьями, ведущую к заброшенной ткацкой фабрике. Ржавая железная крыша фабрики местами провалилась, стены покрыла буйная субтропическая растительность. Приблизительно так же выглядели старые хлопкоочистительные заводики в романах Фолкнера.

— Какого дьявола здесь надо Озбею? — удивился Старлиц.

— Не знаю, но он часто сюда приезжает, привозит друзей, иногда подружку… Я решил, что они перерабатывают здесь героин.

— Разумная мысль.

— Чувствуете запах гари? — спросила Зета, отрывая подбородок от покусанного края своего белого чемоданчика.

Старлиц запер оба чемоданчика в багажнике машины и спрятал в карман ключи.

— У тебя есть пистолет? — спросил он Виктора.

— Нет, а у вас?

— У меня есть спутниковый телефон, — похвастался Старлиц, вынимая из-под сиденья аппарат. Прочный корпус и огромная батарея делали его похожим на дубинку.

— Лучше купим настоящее оружие! — жизнерадостно предложила Зета. — У нас полно денег!

Фабричный поселок не полностью обезлюдел: кое-где виднелись подрезанные апельсиновые деревья, подлатанные каменные стены, скромные фермерские грузовички. В разгар прозрачного средиземноморского дня, на свежем ветерке, гоняющем по небу облачка, было бы абсурдом по-воровски красться вдоль стен. К тому же одиннадцатилетняя девчонка, пытающаяся передвигаться крадучись, — одно из самых вызывающих и мелодраматических зрелищ.

Ситуация с каждой минутой делалась все сложнее. В зарослях у самой заброшенной фабрики обнаружился рухнувший с небес вертолет. Машина была не из маленьких — размером с лондонский двухэтажный автобус, с огромными обутыми в резину шасси и чудовищным пятилопастным винтом. На продолговатом фюзеляже типичной советской камуфляжной раскраски — «песок со шпинатом» — не оказалось ни национального флага, ни регистрационного номера.

— Эй, папа, папа, папа, не заглядывай внутрь! — взмолилась Зета дрожащим голоском. — Вдруг внутри мертвецы?

— Может, тебе лучше вернуться в машину, детка? На это Зета даже не соизволила ответить. Они молча заползли в заросли.

— Папа, папа, — зашептала девочка, — что, если это и

вправду страшно? Вдруг у кого-нибудь оторвало руку? — Зета охнула, но шелест ветвей на ветру был громче ее охов. — Папа, что, если там лежит оторванная рука? Что, если это рука мертвеца, а на ней крутые часы, но ты до нее не дотронешься, потому что — ик! — Она икнула.

Виктор сердито рванул ветку дерева.

— Зачем мы взяли ее с собой?

— Эй, папа, — не унималась Зета, — я бы не могла прикоснуться к руке мертвеца, если она оторвана. Никогда, ни за что! Ик! Разве только если в руке зажат синий слоненок Бини-Арахис: коллекционеры дают за него пять тысяч долларов!

— Зета, дай мне сообразить, что к чему. — Старлиц ободряюще похлопал ее по тощей спине. — Виктор, откуда здесь взялся этот чертов вертолет? Как мог вертолет бывшего Советского Союза залететь так далеко на юг? Турция нашпигована натовскими радарами.

— Из Сирии! — догадался Виктор, показывая пальцем на восток. — Сирия здесь, под боком.

Старлиц задумался. Его представление о планете уже повернулось на девяносто градусов.

— Ты хочешь сказать, что Хафез Асад [87] или какая-то неведомая организация совершает из воздушного пространства Дамаска налеты на турецкого сателлита?

— Очнитесь! Холодная война закончилась, когда мне было девять лет. Теперь все друг друга ненавидят.

— Да, нет, может быть… — пробормотал Старлиц.

Вертолет лежал среди поломанных деревьев, сильно накренившись, лопасти сорвались с винта, как крылышки стрекозы, ударившейся о ветровое стекло разогнавшегося спортивного автомобиля. Следов попадания зенитной ракеты заметно не было, хотя для этой огромной и мощной уродины наибольшую угрозу представляли именно ракеты с тепловой системой самонаведения. Не было и цепочки пробоин от снарядов зенитной пушки. Оставалось предположить, что дрянные тридцатилетние двигатели, сделанные русскими еще во времена холодной войны по украденным образцам, наконец отказали.

Впрочем, эта версия тут же отпала. Забравшись на облезлый бронированный фюзеляж, Старлиц обнаружил, что пилоту вертолета выстрелили в голову. Стреляли из оружия небольшого калибра, несерьезными пулями, которые тем не менее пробили и пуленепробиваемый плексиглас, и бронированный радиошлем. После этого вертолет врезался в склон, погубив и второго пилота.

— Не может быть! — пробормотал Старлиц, съехав вниз и задумчиво сплюнув в траву.

Но нелепости этим не исчерпывались. В упавшем вертолете было только два трупа, хотя трудяга Ми-8 мог взять на борт двадцать четыре солдата. Пилот успешно их высадил и был застрелен, когда возвращался в отчаянной попытке снова сесть и забрать их.

Стены безмолвного здания пугали уже издали. — Стой здесь и гляди в оба, — велел Старлиц Зете. — Увидишь кого-нибудь из местных — свисти изо всех сил и сматывайся.

Кто-то уже разрядил целый магазин Калашникова в замок и цепь на фабричной двери. Ничто не помешало Старлицу и Виктору проникнуть внутрь.

Брошенная фабрика была превращена в театр, где репетировали смерть. Озбей устроил в ней нечто вроде военного тренировочного зала, мастерской для отладки старых шпионских рефлексов. В огромных исцарапанных пулями зеркалах отражались силовые стенды и штанги, «груши» для боксирования, зеленые армейские маты и запертые стальные ящики. Здесь же находился пистолетный тир. Там и сям были разбросаны тюки с кипрской шерстью, выглядевшие откровенной декорацией, и весь огромный ангар цеха больше всего походил на заржавевший полигон ужасов в брошенном «Диснейленде». Над головой раскачивались зловещие крановые крюки, вдоль стен тянулись неповрежденные конвейерные ленты, торчали обмотанные канатами стропила, громоздились пустые намоточные барабаны, светящиеся дырками от автоматных очередей.

Но самым занятным элементом декорации был пролом в дальней стене, идеально воспроизводивший очертания спортивного автомобиля. Судя по высоте пролома, автомобиль умел летать.

То, что здесь произошло, не подходило под понятие «перестрелка», потому что для бойни, в которой один человек отправляет на тот свет полтора десятка вооруженных вояк, требуется другое название. Здесь состоялся не бой, а нечто вроде героического, семиотического балета. Профессиональные убийцы действовали на совесть. Они представляли собой традиционный Spetsnaz, диверсионную группу мгновенного развертывания, обученную устранять вражеских лидеров. Все были в тропическом камуфляже, шлемах, бронежилетах. При них было нешуточное оружие — АКС-74 и жуткие бесшумные пистолеты, пояса были увешаны ручными гранатами, в шлемы были встроены радиопередатчики. У одного из убитых, юноши с бесконечно изумленным и удрученным выражением мертвого лица, был даже противотанковый гранатомет SA-7.

Старлиц и Виктор переходили от трупа к трупу, молча

переглядываясь. Спецназовцев не просто убивали — их уничтожали разнообразными, невиданными способами. Один рухнул спиной на стену, обрушив ее, другой лежал, засыпанный канистрами. Некоторые, беспомощно паля в воздух, были перед смертью ослеплены вылитой им в лицо краской. Один бедняга сгорел заживо, не успев упасть.

Обычно жертвы смертельной перестрелки валяются как бесформенные куклы у Матью Брэйди [88], эти же почему-то выписывали перед лицом гибели балетные па и оставались лежать на спине с картинно задранными ногами, закручивались в падении штопором, врезались в стену с вычурно повернутой головой.

Как ни странно, двое-трое не то ожили и попытались оказать сопротивление, не то просто пришли в сознание под конец бойни, и Озбей, почему-то не прибегая уже к своему безотказному оружию, скосившему всех остальных, забил их насмерть ногами и кулаками.

Виктор нагнулся и потрясенно поднял обрывки веревок и тонкий оранжевый платок. Понюхав платок и почувствовав запах дорогих духов, он молча встретился глазами со Старлицем.

Все это с самого начала было ловушкой. Их было двое: Озбей и Гонка Уц. Озбей затащил ее сюда. Хуже того, плохие парни ее захватили, а Озбей освободил.

Озбей и его любовница покинули сцену вместе, торжествуя, в той самой спортивной машине, которая перед этим, уподобившись птице, врезалась в стену. При этом она не потеряла стекол, не обронила ни чешуйки краски. Правда, на полу остались лежать обугленные покрышки с ее колес.

Старлиц и Виктор вышли на свежий воздух, молча ежась. Говорить было не о чем. Случившееся не поддавалось описанию. Для такого нагромождения чудовищных нелепостей не было ни английских, ни русских выражений.

В кронах деревьев чирикали птички. Зета, терпеливо караулившая свой пост, посмотрела на Старлица и, разом побелев, испуганно спросила:

— Что там произошло, папа?

Старлиц хотел было ответить, но издал только нечленораздельное мычание. Слов у него не нашлось. Ему показалось, что он навсегда лишился дара речи.

И тут ожил его спутниковый телефон. Старлиц обнаружил, что способен вертеть головой, даже нажать клавишу ответа и выдавить ритуальное «алло»:

— Deus ex machina [89]. — Голос в телефоне был далекий, неузнаваемый, со смазанными интонациями.

— Что это значит? — простонал Старлиц.

— Попробуй произнести это вслух. Скажи: «Deus ex machina».

— Зачем?

— Deus ex machina, «дух из машины» — моя сюжетная линия. У тебя тематический затор, Старлиц, кризис главного повествования. Ты не можешь двинуться ни вперед ни назад. Безвыходная ситуация! Но тут появляется бог в сверхъестественном летательном аппарате и спасает тебя. Это я о себе. Пришел мой черед. Улавливаешь?

— Вроде… — Старлиц растерянно почесал потную голову. — Это Тим из «Эшелона»?

— Он самый, прошу любить и жаловать. Старлиц поглядел по сторонам. Виктор смотрел на

него с удивлением, ужасом, неуверенной надеждой. Зета не сводила взгляд с деревьев, широко разинув рот и вобрав в плечи голову.

— Не вижу, кого мне жаловать, Тим.

— Посмотри вверх, — посоветовал Тим. Старлиц послушно поднял глаза к синим небесам.

Разведывательный спутник?..

— А вниз?

Датчики движения? Сейсмографы?

— Вокруг! Видеокамеры?

— Не потеряй штаны! — радостно сказал Тим. — Левая вставка, правая вставка. Точка с запятой, перенос, скобка открывается.

— Эй, папа, — неуверенно проговорила Зета, тыча пальцем в воздух. — Кто это? Чего ему надо?

— Какой он из себя? — спросил Старлиц.

— Похож на Билла Гейтса. Если бы у Гейтса были более сильные очки и жалкая официальная должность.

— Ха-ха-ха! — засмеялся в телефоне Тим. — Какое чувство юмора! Позволь пожать тебе руку, девочка! Можешь называть меня дядя Тим.

— Он говорит, что хочет пожать тебе руку, — передал Старлиц. — Говорит, что его зовут Тим.

— Слышу, слышу! — Зета схватила воздух, яростно тряхнула рукой, поморщилась, когда невидимка потрепал ее по голове.

— Настал момент истины, — сказал механический голос Тима. — Охранять беззащитную американскую молодежь от угрозы международного терроризма — вот моя задача.

— Что происходит? — неожиданно крикнул Виктор. — Что за уродливая черная тень там, в лесной чаще?

— Он говорит, что помогает нам, — сказал Старлиц.

Виктор дернул ногой, вскрикнул, схватился за поясницу. Его бумажник, выпорхнув из кармана, раскрылся, в высокую траву полетели визитные карточки и денежные купюры разного достоинства.

— Велите ему прекратить! — потребовал Виктор.

— Тим, — сказал Старлиц в телефон, — мой партнер недоволен твоим вторжением в его частные дела.

— Пусть катится! — бойко ответил Тим все тем же неодушевленным голосом. — Куда ему деваться? Русский панк остался с пустыми руками. Он мелкий статист. Интереса для наблюдения не представляет.

Виктор отчаянно сверкнул глазами. Происходящее его категорически не устраивало.

— Остынь, Виктор, — посоветовал ему Старлиц. — Сейчас я скажу тебе важное словечко: это «Эшелон».

— Вы сказали «Эшелон»?

— Не слыхал? Произнести по буквам?

— Конечно, слыхал! «Эшелон» — легендарная капиталистическая система глобального наблюдения, наивысшее достижение темных сил, воюющих с прогрессом!

— Это близко к действительности.

— «Эшелон» — совместный проект Великобритании, США, Австралии и Новой Зеландии. Они подключаются к подводным линиям связи и используют шпионские спутники «Аквакейд», «Риолит» и «Магнум». Шпионят за Интернетом и держат под контролем электронную почту по ключевым словам.

— Заткнись! — посоветовал голос Тима в телефоне. — Это секретные сведения.

Старлиц пристроил телефон на плече и, щурясь, уставился на солнце.

— Ты видишь Тима, Виктор? Сам я слышу его по спутниковому телефону, но ни черта не вижу. Этот парень абсолютно невидим.

— А я вижу какого-то черного уродливого психа, — доложил Виктор. — Похоже на безликий кошмар, растекшийся по всей Земле.

— Что видишь ты, Зета?

— Я его отлично вижу и слышу, даже чувствую его запах. Он редко меняет одежду.

— Я слишком занят, — пожаловался Тим.

— И вообще, он смахивает на одного мерзкого типа, моего учителя математики. На переменках он заглядывал нам под юбки.

— Девочки не любят математику, — проворчал Тим. — Двоеточие, дефис, левая скобка.

— Математика мне нравится, Тим. А ты — нет.

— В общем, хватит мне терять с вами время! — фыркнул рассерженный Тим. — У меня восемнадцать акров в пещерах под Форт Мид занято старым «Крэем» [90], и нам надо еще сделать апгрейд перед Y2K.

— Могу себе представить… — кивнул Старлиц.

— Зачем ты притащил эту девчонку в эпизод третьего уровня национальной безопасности? Это непрофессионально. Вам, болванам, просто повезло, что я появился.

— Тебе не надо было появляться, Тим. Я тебя не звал. Не знаю, зачем ты здесь. — И Старлиц небрежно пожал плечами.

— Тогда позволь мне тебя просветить. Ты меня даже не видишь, потому что чаще всего я опережаю на много световых лет твой убогий, уличный, приземленный дискурс. Потому что «Эшелон» — это Олимп сетевой глобализации. Мы настолько для тебя непостижимы, что даже невыразимы. Такие примитивы, как ты, не могут даже поднять тему «Эшелона» в разговоре о современной реальности. Мы, «Эшелон», всесильны, вездесущи, всеведущи, абсолютно технически совершенны. Мы тайно спасаем шкуру англо-американской империи еще с тех пор, как Алан Тьюринг стал заниматься минетом на автостоянках. Мы всегда все записываем, но никогда ничего не говорим. Улавливаешь?

— Да, нет, может быть.

— А это значит, что такой парень, как я, никак не может проникнуть в повествование традиционным путем. Я всегда deus ex machina. Главное повествование двадцатого века не работает, если за кулисами не стою я. Если о возможностях и деятельности «Эшелона» всем станет известно, изменится весь мир. Покушение на «Эшелон» — это нарушение всех политических и общественных законов. Это переворачивает всю историю двадцатого века. Это как если бы на Би-би-си снимали спокойную телепостановку в британском духе — и вдруг из Темзы вылезло огромное извивающееся чудище!

— Ближе к делу, Тим. За что нам такая честь?

— Мне позвонила Бетси. Мы поговорили до душам.

— Так… — Старлиц обдумал услышанное и обнаружил некий смысл. Возможно, дела были не так уж плохи. — Чем именно мы можем быть тебе полезны, Тим?

— Будучи богом из машины по профессии и по природной склонности, — заговорил Тим, — я, кажется, могу помочь вам выпутаться. Я заглянул в свои базы данных и нащупал основные параметры проблемы. Дано: разгулявшийся турецкий супершпион, возомнивший, будто двадцать первый век будет турецким, и строящий из себя образцового культурного героя.

Следите за мыслью?

— Следим.

— Этого мы допустить не можем. Это идет вразрез с тенденцией глобализации в главном повествовании. Все равно как если бы блуждающая подпрограмма подавила главные циклы обработки данных. Сейчас, когда НАТО демонизирует Милошевича, мы не можем тратить время и силы на какие-то турецкие выверты. Если эта периферийная ветвь попадет на Си-эн-эн, будет испорчено самое лучшее представление НАТО.

— О чем вам толкует эта мерзкая темная сила? — нервно спросил Виктор.

— Кажется, он вербует нас в отряд прикрытия, — отозвался Старлиц.

— Правильно, — сказал Тим. — Вам вообще не нужно было встревать в такие тонкие государственные дела. Теперь, когда вы влипли, в повествовании для вас осталась всего одна законная роль. Управление последствиями.

— То есть мы — плебеи, наше дело — подобрать за Озбеем отходы, — перевел Старлиц.

Виктор помрачнел. Было видно, что этого он и ждал.

— Вам придется убрать все следы и улики, — твердо произнес Тим. — Судя по спутниковой съемке, у местных жителей есть тракторы с навесным оборудованием. Скажите им, что вас прислал Озбей, позаимствуйте их технику и заройте все и всех. Потом подожгите здание.

— Как быть с вертолетом?

— Пусть местные снимут с него лопасти и элероны. Из фюзеляжа выйдет славная закусочная с шиш-кебаб.

— Столько возни! — проворчал Старлиц. — Что, если я откажусь?

Телефон зловеще смолк. Через некоторое время Тим проговорил:

— Насколько я понимаю, Старлиц, ты не очень любишь видеокамеры.

— При чем тут это? — насторожился Старлиц.

— Как ты отнесешься к тому, что сверхчувствительная орбитальная камера стоимостью в сорок восемь миллионов долларов, рассылающая кадры по всему миру, сфокусируется лично на тебе?

— Только не это! — быстро ответил Старлиц.

— Ты превратишься в щепотку сажи, приятель. Тебя развеет легким ветерком, как в мультиках Industrial Light and Magic [91].

— Я все понял, Тим, и все сделаю.

— Вот это другое дело.

— Он нам заплатит? — с надеждой спросил Виктор.

— Nyet! — рявкнул Старлиц по-русски.

— Вот дерьмо! Так я и знал.

Неприятное присутствие Тима стало действовать Старлицу на нервы. Ему не терпелось покончить с тематическим беспорядком, вернуться в предсказуемый мир, перестать решать глобальные проблемы.

— Чем еще мы можем тебе помочь, Тим?

— Сейчас скажу. — Тим заглушил высокие частоты и перешел на шепот. — Я немного придвинусь, чтобы меня не услышал ребенок… Вот так. Расскажи мне о Бетси Росс. До чего она хороша! Как у нее с оральным сексом?

— Спроси ее сам.

— Но ты ведь знаешь? Я превращаю ее в знаменитость на alt точка nude точка celebrity. Бетси будет звездой alt точка binaries точка erotica точка voyeur. Я уже убрал экранную заставку с Моникой Левински и заменил

ее Бетси. — Том вздохнул со всей искренностью, на которую была способна его плоская душа. — Настанет день, когда я смогу к ней прикоснуться!

— Почему это тебя так беспокоит, Тим? Бетси Росс мечтает переспать со всем миром. Это как будто не подразумевает сильной разборчивости.

— Я же работаю на правительство, дубина! На этой службе не сколотишь состояние. У меня нет сверхдоходных акций интернет-компаний, я не миллионер, не связан с коммерцией. Что я могу предложить такой горячей штучке, как Бетси?

— Власть.

— Действительно! — обрадовался Тим. — Как я сам не додумался? Отлично. Ну, пока! — И связь прервалась.

Престарелые киприоты, доживавшие свой век в деревне, не слишком удивились появлению Виктора и Стар-лица. Еще меньшим оказалось их удивление, когда Старлиц изложил свое намерение. Местные жители были рады помочь, но вопросов не задавали. Дед в жилетке завел дряхлый ковшовый экскаватор и молча указал на ближайшую лимонную рощу.

Пока бабушка в платке поила Зету лимонадом, Виктор и Старлиц заехали на дребезжащем агрегате в сад. Там их взору предстал длинный ряд заросших холмиков разной давности и размеров.

Это были без вести пропавшие. Люди, легшие в эти могилы, слишком далеко ушли от турецкого повествовательного консенсуса, как его представлял себе Оз-бей: кто в коммунистическую партию, кто в курдский национализм,

которому не полагалось существовать, кто в жертвенный шиитский культ. Этим они подписали себе негласный смертный приговор. Им не полагалось некрологов, могильных камней, слез безутешных близких. Вообще ничего.

— Ты когда-нибудь работал на экскаваторе? — спросил Старлиц Виктора.

— Нет.

— Хочешь научиться?

— Я что, похож на крестьянина?

— Ладно, хвастунишка, будешь подтаскивать трупы.

Виктор и Старлиц трудились почти до темноты. Старлиц оказался мастером могильного дела: он выкопал в саду второй ровный ряд могил.

С наступлением вечера картина бойни, устроенной Озбеем, изменилась. Трупы солдат не ожили, ибо это было бы слишком. Наоборот, они коченели и на глазах теряли недавние лихие позы, все больше приобретая вид нормальных жертв кровавого боя. Вместо аккуратных круглых дырочек в местах расположения жизненно важных органов появились раны, оставленные пулями, рвущими человеческую плоть. Оказалось, что на вылете пули выдирали клочья мяса, а перед этим гуляли внутри тел, дырявя внутренности и дробя кости. Картину завершали чудовищные гидростатические кровоподтеки. Ободрить это зрелище не могло, но оно означало, что труд Старлица и Виктора не напрасен: аномалия исчезала, вместо нее утверждалась банальность. Система снова стала функциональной.

На закате беззубая бабка догадалась принести им баранины, молока и лепешек. В деревне жили сердобольные люди, им нельзя было отказать в гостеприимстве.

— Как вы можете есть? — спросил Виктор. Его испачканные землей руки мелко дрожали.

— Проголодался от тяжелой работы. Физический труд преобразил не только убитых, но

и Виктора. Теперь его можно было принять за юного, но уже успевшего опуститься наркомана: модная рубашка превратилась в измызганную робу, изящные ботинки лопнули по швам, на коже краснели комариные укусы и прыщи. Он сам не заметил, как потерял один зуб.

— Я не должен этим заниматься, Старлиц. Я не для этого создан. У меня в жизни другая роль.

Старлиц присел на корточки. Счастья он не испытывал, но настроение стало гораздо лучше.

— Братская могила, привыкай. В двадцатом веке они появлялись без счета.

— Может, вас это устраивает, а меня нет! У вас вид могильщика. И замашки могильщика. Вы превратились в какого-то тролля. Только посмотрите на себя! Вы смахиваете на отродье, прячущееся под мостами и нападающее на невинных людей. Меня от вас тошнит!

— А что, мне нравится на самом дне жизни. Приятно сознавать, что у системы еще сохранилось каменистое основание. Даже в 1999 году.

— Почему мы зарываем людей, которых угробило это чудовище Озбей? Я даже не смог похоронить своего любимого дядю! Зачем мне заниматься грязной работой на дурацком турецком острове? Где мой гордый дух? В Югославии герои славяне выходят на мосты и дружно поют, бросая вызов натовским воякам!

— Ты ошибаешься, парень. В Югославии все в точности как у нас с тобой здесь, только в еще большей степени.

— Нет, Югославия — маленькая отважная страна, она отстаивает свою честь в борьбе с наглым агрессором!

— Отстаивает честь, сжигая документы и воруя номерные знаки?

— Слушайте, Старлиц, вы должны взглянуть правде в лицо. Нас принудили к мерзкому, подлому делу. Озбей и Тим действуют заодно, вопреки разуму, традициям, всем понятиям. Мы не должны допустить исторического унижения! Надо объединиться и бороться против жестокой всемирной диктатуры одной стороны!

Старлиц безразлично зевнул.

— Просто тебе противен честный труд.

— Спасем живую душу нового века! Нельзя позволить, чтобы великая православная система, наследница угасшей Византии, оказалась зажатой между мусульманами и НАТО и раздавленной ими. Славянский мир — единственный настоящий мир во всем мире!

Старлиц выпрямился и оперся о заступ.

— Что конкретно ты предлагаешь? Объясни.

— Мне опасно оставаться на Кипре. Я должен покинуть этот остров, прежде чем Озбей вернется и убьет меня. Этого не избежать. В Белград, под бомбы, мне не хочется, но я серьезно подумываю о Будапеште.

— Не пропусти вечернее представление, Виктор. Как только мы зароем последний труп, я спалю эту спортшколу Озбея. Уверен, ты никогда не любовался настоящим искусством поджога. Полезная наука, ее стоит перенять.

— Хватит болтать как грязное животное, Старлиц! Я вижу

славное будущее — видение посетило меня внезапно, когда мы складывали украинцев в ямы. Пять миллионов сербских женщин! Сербки находятся в еще более отчаянном положении, чем женщины России. Они сильнее нуждаются в деньгах, у них меньше предрассудков. К тому же сербки очень красивы. Это сулит блестящие коммерческие возможности для первого, кто начнет разрабатывать эту золотую жилу.

— Ты портишь прекрасный момент, — сказал Старлиц. — Конечно, мы грязны, мы смердим, у меня выпадают волосы, а ты теряешь зубы, но в повествовании появляется много свободного места, когда ты подходишь к краю геноцида и хаоса. Представляешь, стоит проявить немного небрежности с керосином — и мы подожжем половину этой хреновой деревушки. Пусть пакостник Тим увидит со своей орбиты языки пламени. Ему это полезно.

Виктор зажмурился, нарочито содрогнулся и снова открыл глаза. Они были полны светлой славянской убежденности.

— Вот ты и спятил.

— Нет, на самом деле это ты свихнулся, Виктор. Говорю это не в осуждение тебе.

— Ты безумец, Старлиц. Ты утратил всякое представление о пропорциях. Приближается Y2K, и ты достиг конца своей веревки. Тебя покинула последняя выдержка и достоинство. Осталось только лопнуть и исчезнуть, как биржевой пузырь.

— Не смей называть меня безумцем, Виктор, понял? У меня ребенок и хорошая репутация среди коллег. А ты, ты даже под ковровой бомбардировкой не занялся бы честным трудом. Ты такой молодой, а уже стопроцентный вымогатель.

— Все! — Виктор засопел. — С меня довольно. Я знал, что рано или поздно услышу от тебя несмываемое оскорбление. Когда-нибудь, когда ты преодолеешь свою мерзкую алчность к долларам и дурацкое преклонение перед технологией, ты пожалеешь, что пытался разделаться с вольным духом Виктора Билибина.

— Прекрасно! — Старлиц махнул рукой. — Ступай, наплюй на недоделанную работу. Посмотрим, куда это тебя заведет.

Виктор встал, отвернулся и поспешил в кипрскую тьму, в стрекот цикад. Ему так хотелось убраться, что он перешел с шага на бег вприпрыжку.

Старлиц продолжил работу в одиночестве. Это его не слишком огорчило. Дело было зловещим и разговоров не требовало.

Около полуночи он поджег тренировочный зал. Из темноты, озаренная пламенем, вышла Зета.

— Эй, папа!

— Что?

— Почему ты стал таким уродом?

— Я стал уродом?

— Да, папа. Ты весь в противной краске, воняешь дымом и кровью. — Она ударила в землю носком ботинка. — А на затылке у тебя теперь проплешина.

Старлиц потрогал затылок и убедился в ее правоте: у него действительно стали вылезать волосы.

— Не знаю, как тебе об этом сказать, Зенобия, но иногда взрослым приходится заниматься неприятными делами…

— Послушай, папа, пока я сидела с этими стариками и смотрела репортажи о войне и футбол по их спутниковому телевизору, у меня появилось новое чувство… Что-то легло на сердце. Кажется, я поняла, кем хочу стать, когда вырасту.

— Поняла, говоришь?

— Да, папа! Я знаю. Я хочу быть похожей на тебя.

— Ничего себе… — Старлиц вздохнул.

— Это правда, папа. Я хочу проводить много времени в машинах и самолетах. Ездить в заброшенные, грязные места, где происходят ужасные события. О которых большинство людей ничего не знает. Но они все равно важные, пусть до них никому нет дела. Вот какой будет моя жизнь. Дело моей жизни.

— Не скажи, — отмахнулся Старлиц. Языки пламени рвались все выше.

— Нет, скажу, папа. Теперь я тебя поняла. Я твоя дочь, и я наконец познакомилась со своим отцом. Со своим славным старым папой. Хотя, конечно, ты хоть и старый, но не такой уж славный. Ты плохой, папа.

Старлиц наблюдал, как обрушивается стена, поднимая столб искр.

— Плохой, Зета?

— Совершенно, папа! То есть не активно злой, но весь такой условный, совсем без морали. Ты можешь олицетворять тенденции текущего дня в своей жизни, но никогда не опережаешь тенденции. Ты никогда не совершенствуешь мир. Для этого у тебя нет сил, в тебе это отсутствует. Но дело в том, что я-то не плохая. Я хорошая, я это в себе чувствую. Я хочу быть по-настоящему прозорливой, уступчивой, мудрой. Могучей силой на службе добра.

— В таком случае тебе лучше будет вернуться к своим мамашам. А старого папу оставить на обочине.

— А вот и нет! Теперь, когда я побыла с ними врозь, я и их поняла и не хочу на них походить. Они убогие хиппи, мелкие

мошенницы и наркоманки. Они — вчерашний день, папа. Я уже прошла Y2K. В моем сердце двадцатому веку пришел конец. — Старлиц помалкивал. — Двадцатый век никогда не был так важен, как ты воображал, папа. Это был грязный век, дешевый и подлый. В ту самую секунду, когда он испустит дух, о нем все позабудут. В двадцать первом веке у нас не будет ваших пакоаных проблем. Наши проблемы будут серьезными и сложными.

Зета проследила за медленным сползанием крыши в бушующее море огня.

— Я рада, что увидела это, потому что это мое посвящение. Значительная часть моей жизни пройдет в подобных ситуациях. Твоя жизнь проходит так же. Разница между нами в том, что, когда появляюсь я, люди рады меня видеть. Когда появляется Зета Старлиц, люди принимают ванну, устраивают чистый туалет, начинают нормально питаться, перестают чесаться. Дети прекращают крик. Приходит конец панике и ужасу.

— Ты сказала «Зета Старлиц»? — спросил Старлиц, удивленно приподнимая брови. — Ты станешь Зетой Старлиц?

— Да, папа, я возьму эту фамилию. Так мне хочется. Нельзя же заставлять людей произносить: «Зенобия Б. Г. Макмиллен прилетела со спасательными вертолетами»! «Зета Старлиц» — это то, что надо. Стиль Си-эн-эн, оживляющий и бодрящий. Да еще начинается и кончается с буквы "Z". Разве не здорово? Старлиц потер жирный, грязный подбородок.

— Как я погляжу, ты видишь себя бюрократкой из гуманитарной организации вроде «Врачей без границ»?

— Правильно, папа. Только очень высокого уровня. Владение девятью или десятью языками, костюмчик от модного дома, медицинская научная степень, почетные ленты и медали от шведских благотворительных комитетов…

— Твой старый папа лопнет от гордости. Зета вздохнула.

— На самом деле, папа, цель как раз в том, чтобы держаться подальше от тебя. — Она подняла глаза. — Не физически, а в самой удаленной части повествования.

— Понимаю. Рад, что ты мне это сказала, Зета. Очень продуманно и осуществимо. Думаю, все так и будет.

— Как же мне этого добиться, папа? Есть же какой-то приличный способ? До этого я еще не додумалась.

Старлиц покорно кивнул.

— Школа благородных девиц в Швейцарии.

— Что это такое?

— Элитарное европейское учебно-воспитательное учреждение для детей дипломатов и богатых мафиози. Я отдам тебя в дорогой швейцарский интернат. Там тебя научат ужимкам

аристократических леди — гордой осанке, игре на скрипке. Дальше — элитное медицинское училище и всякие… как их там… гуманитарные курсы.

— Звучит отлично, папа! Давай начнем немедленно. Переправим наши денежки прямиком в швейцарский банк, без всякой «отмывки» на Кипре.

— Нет, милая. В Швейцарию отправишься ты. Без меня. После этого мы будем видеться уже нечасто.

Возможно, мы будем встречаться на Рождество, и то не всегда. По крайней мере, не на Рождество Y2K. Скорее, годом позже. Если я окажусь поблизости. Ну, и иногда на рождественские праздники в следующем столетии. Если я смогу. Во всяком случае, я попытаюсь. И подарю тебе что-нибудь полезное. Идет?

Щеки Зеты алели от пожара. По ним текли слезы.

Из дальнего угла закусочной за ним наблюдали. Турок шестидесяти с лишним лет, очки, утомленный вид. Не то отставной адвокат, не то учитель на краю могилы. Старлиц решил не обращать на него внимания и продолжил есть. Горячие лепешки. Тушеный ягненок. Кебаб. Котлетки. Потроха с пряностями. Бутылка за бутылкой «Эфес Пилснер». Теперь, оставшись один, Старлиц никак не мог наесться. Он вознамерился проглотить все до последней крошки.

Человек оставил на столике рюмку с ракией, встал и приложил к груди фетровую шляпу с узкими полями.

— Вы ведь мистер Старлиц?

Старлиц приподнял голову, рыгнул, убрал жирные волосы с воротника.

— Вам-то что?

— Меня зовут Джелал Кашмас. Пишу обзоры. Для Milliyet. Вы о ней, конечно, слыхали.

— Слыхал.

— Ведь вы подкупили нашего обозревателя высокой моды, чтобы он расхвалил наряды ваших танцовщиц.

— Когда это было, мистер Кашмас! Я больше не занимаюсь поп-бизнесом. У меня компания грузовых перевозок.

— В свое время вы обещали, что группа «Большая Семерка» прекратит существование с наступлением двухтысячного года.

— Хотите фаршированных баклажанов? У меня много.

— А «Большая Семерка» вместо этого готовится совершить в двухтысячном году крупный тур: Марокко, Тунис, Алжир, Египет, Пакистан, Малайзия.

— У нее новый импресарио.

— Какая разница? Вы же обещали. Старлиц беспомощно

пожал плечами.

— Озбей все переиначил. Все перевернул с ног на голову. Девушки должны были остаться жить, а группа — исчезнуть, как мыльный пузырь. Вместо этого выживет группа. «Большая Семерка» превращается в чрезвычайно успешный проект. А девушки умирают одна за другой.

— Забавно…

— Это не шутки, приятель. Кашмас выдвинул табурет и сел.

— Вы читаете мою колонку? «День, когда пересох Босфор». «Как я потерялся в зеркале». Романтические рассказы о гангстерах в Бейоглу. Обозревателю всегда нужен свежий материал.

— Я не читаю по-турецки.

— А турецкого писателя Орхана Памука читали? Его много переводят. Он написал «Белый замок» и «Черную книгу».

— Кажется, я видел рекламу его книг.

— Памук понимает турок. Нашу благородную, измученную светскую республику. Со всеми ее воспоминаниями и забывчивостью. Он еще молод, но уже сравнялся с Кальвино и Гарсия Маркесом.

— Итало Кальвино умер, а Гарсия Маркес угодил в больницу.

— Что ж, значит, в следующем веке настанет время, когда мир хотя бы немного прислушается к Турции.

— Не возражаю, — пробурчал Старлиц.

Кашмас поставил обтянутые пиджаком локти на стол и почесал висок.

— Каким ветром вас занесло в этот уголок нашей страны, в цитадель Северика Бея? Разве вас не предостерегал ваш Госдепартамент?

— Я не турист, а владелец компании грузовых перевозок, вожу товары, продукты. Плевать я хотел на госдеп!

— Вы разлюбили музыку? Гонку Уц? Это ее родной город. Она родилась у сирийской границы. Здесь ею очень гордятся. Наверное, вы видели ее на афишах, ее компакт-диски, видеокассеты. Она повсюду. — Старлиц не прореагировал. — А мистер Мехмет Озбей? С ним вы хорошо знакомы?

— Неплохо.

— Почему у него нет детства?

— Что?!

— Можно прочесть о его публичных появлениях, деловых контактах. На его светских встречах толпится народ. Но детства у Мехмета Озбея нет. Я проверял. Ни школьных табелей, ни родителей. Никаких исходных анкетных данных. Копнуть чуть глубже — и Мехмет Озбей исчезает.

Старлиц положил вилку.

— Послушайте меня. Верно, я раз десять вымогал денежки у этой вашей Milliyet, поэтому я вам кое-что растолкую, но повторять не буду. Не вздумайте раскапывать прошлое Мехмета Озбея, иначе от вас останется только меловый контур на тротуаре. Если вы все равно приступите к раскопкам, то хотя бы не занимайтесь этим в родном городе Гонки Уц. Здесь хозяин Северик Бей, а он — горский бандит, барон-разбойник средневекового замеса. Похититель людей, вымогатель, автомобильный вор, наркоторговец первой гильдии. К тому же у него собственный телеканал. Журналисты, начинающие задавать здесь вопросы, кончают жизнь с наручниками на руках в украденных машинах, отправленных на дно озера.

Кашмас устало пожал плечами.

— Вы думаете, для турецкого журналиста это новость? Эта страна — моя родина. Я прожил здесь всю жизнь. Это моя плоть и кровь. А Северик Бей — известный сторонник правительства, член парламента от правящей партии, выступающий с речами о светском государстве и политехническом образовании.

— Образцовый персонаж!

— Я вас утомляю, мистер Старлиц? Иностранцам скучны разговоры про турецкую политику. У нас ведь одни дервиши, убийства и скандалы. Лучше поведайте свою историю.

— У меня ее больше нет.

— Вижу по вашему лицу, что есть, и прелюбопытная. Некоторые различают истину в кофейной гуще, а я наблюдаю ее в лицах.

— Я стар и утомлен, заядлый курильщик. Тут и сказочке конец.

— Правда, что вы гоняете свои машины по всей Турции, уговаривая людей обменивать старые лампы на новые?

— Это правда. За океаном существует большой коллекционный спрос на старинные турецкие изделия из меди.

— Я беседовал с водителями ваших грузовиков, — продолжил Кашмас. Его глаза, отягощенные мешками, глядели тепло и доверчиво. — Они рассказывают о вас странные вещи. Месяцами вы прочесывали закоулки Стамбула и Анкары. Вас видели вблизи мечетей с рухнувшими минаретами, среди старых развалин, в домах, переживших пожары и землетрясения, в брошенных лачугах дервишей. В грязной одежде, но в зеркальных очках. Вас интересуют грязные сделки, местные чудеса, тени погибших мошенников и наркоманов. Вы вечно спешите, словно за вами гонятся, словно ваше время истекает. У вас бледное лицо и бегающий взгляд. Стамбульские ночи никогда не кончаются.

— Послушайте, Шахерезада, я вынужден рассеять ваше

заблуждение насчет водителей-турков. Они непроходимые невежды. Да, я смотрю на часы, потому что внедряю современную эффективность в вашу хромающую систему доставки. Я осуществляю поставки в строго назначенное время, заказы выполняются за одну ночь, и это в стране с паршивыми дорогами без дорожных знаков. Это наука, ясно? Грузовики должны приезжать в точное место в строго назначенное время. Глобальный контроль, компьютерное слежение.

— Как таинственно и поэтично! Почему здесь, мистер Старлиц?

— Мне нравится здешняя кормежка. Я здесь завсегдатай. Постоянный клиент. Мое любимое кафе.

— Почему этот пограничный турецкий городок? Здесь не проворачивают больших дел. Жизнь здесь дешева и скучна. Здесь селятся отставные полицейские. Те, кто выходит в отставку после половинной выслуги из-за предпочтения к традиционным методам пыток, а не к новым, интернациональным.

— Мне нравится собирать антиквариат, — сказал Старлиц и встал из-за стола, чтобы отодвинуть занавеску и выглянуть в окно.

По крутой извилистой дороге ехал один из его грузовиков, груженный обычным грузом. Обязательным, на котором он нес убытки. И другим, упрятанным в запечатанный, не дребезжащий даже на самых гиблых ухабах контейнер.

— Не думайте, что я напрашиваюсь на неприятности, — сказал ему Кашмас. — Или что хочу доставить вам беспокойство. Кто нынче читает газеты? Это вам не шестидесятые годы. Я безобидный чудак, интеллектуал от поп-культуры, писака со смешными идеями, пользующийся языком меньшинства. Иногда мне самому кажется, что я пахну смертью.

С горы донесся высокий рев. С каждой секундой он становился ближе.

— Иногда я улавливаю это в людях, — добавил Кашмас. — У меня особый дар.

Из-за поворота, издавая невыносимый визг резины, вылетела красная спортивная машина Гонки. Стар-лиц прижался к стеклу лбом, вобрав голову в плечи. На Гонке развевался длинный шарф, как на Айседоре Дункан, лицо закрывали малиновые солнечные очки.

Со скоростью крылатой ракеты она поравнялась с неуклюжим громыхающим грузовиком и тут же, дико сигналя, вырвалась вперед, как красная молния или как взмах опасной бритвы.

— Глазам своим не верю! — прошептал Старлиц. — Не думал, что у нее получится.

За спортивной машиной мчалась другая, противоположного класса, — тяжелый бронированный лимузин Северик Бея. За рулем восседал, вдавливая в пол педаль газа и безумно улыбаясь, сам феодал. Не успев отвернуть в сторону, он со всего маху врезался сзади в грузовик. Раздавшийся звук напомнил визг с концерта хэви-метал. Пуленепробиваемое стекло не треснуло, а сильно вогнулось внутрь салона, суперсовременная броня не лопнула, а пошла волнами. Тяжелый грузовик встал на дыбы, покачался на задней оси, с оглушительным стальным скрежетом осел на капот «мерседеса», как слон, насмерть пронзенный острым носорожьим рогом.

Старлиц бросил на столик деньги и без единого слова покинул придорожное кафе. Кашмас поспешил за ним, на бегу доставая из вместительных карманов твидового пиджака блокнот и фотоаппарат.

Вздыбленный металл возмущенно стонал и испускал жар. Кашмас топтался на месте, громко причитая по-турецки и пытаясь заглянуть внутрь автомобиля.

— Помогите! — обратился он к Старлицу по-английски.

У водителя сработала воздушная подушка. Окровавленный Северик Бей был еще жив. Кашмас замахал руками, останавливая транспорт, чтобы Старлиц, выволокший раненого курдского вождя из машины, мог уложить его на асфальт. Северик Бей мог бы пострадать гораздо сильнее: у него было сломано плечо и несколько ребер, но это не мешало ему ковырять асфальт ногтями, плеваться кровью и клясть судьбу.

Двум его пассажирам повезло меньше. Человека, сидевшего справа от старого бандита, швырнуло на бронированное стекло, так что от него осталась лишь кровавая масса в полицейском мундире.

А на заднем сиденье находился Озбей, которому претило пользоваться ремнями безопасности. Если бы за рулем сидел он, ничего бы не произошло. Но здесь, в Курдистане, он всего лишь убивал время, развлекая своих друзей. Увлекшись мартини и сигаретой, он ударился о потолок, как тряпичная кукла.

Из кабины грузовика выполз шофер — смертельно испуганный, в синяках и царапинах, но, в сущности, почти не пострадавший. Он застыл посреди дороги, не обращая внимания на скопившиеся машины, парализованный ужасом, как всегда бывает с участниками смертельных аварий, оставшимися в живых.

Старлиц подошел к нему и похлопал по спине.

— Герой! — сказал он.

Потрясенный шофер, увидев на асфальте кровь, что-то

крикнул по-турецки и зарыдал.

— Извини, — сказал ему Старлиц, — я имел в виду, что тебя назовут героем. В будущем году. Когда закончится парламентское расследование.

— Это не Мехмет Озбей — тот самый, о котором мы только что говорили? — спросил Кашмас.

— Он все еще дышит? — осторожно спросил Старлиц.

Действуя, как рычагом, то носком башмака, то коленом, то плечом, Кашмас умудрился распахнуть заднюю дверцу. Озбей повалился на сиденье. Из рукавов щегольского пиджака высовывались безжизненные, словно восковые, руки, мускулистая шея выглядела хрупкой, как сломанный стебель одуванчика, из обеих ноздрей красивого носа текла кровь.

— Нет, не дышит. Он мертв.

— Вы уверены?

— Да.

— Абсолютно?

— Я не врач. Но я часто бывал на месте преступлений. Этот человек мертв.

— Сфотографируйте его. Не жалейте пленку.

— Хорошая мысль! — И Кашмас несколько раз щелкнул надежной автоматической камерой немецкого производства.

— Фотоаппарат исправен? — спросил Старлиц.

— Конечно!

— Хорошо. Итак, перед вами Мехмет Озбей, — осмелился выговорить Старлиц. — Вернее, Абдулла Октем.

— У Мехмета Озбея было два имени?

— Их было у него не меньше шести. Проверьте, есть ли при нем паспорта.

Подбежал водитель одной из остановившихся машин — пузатый торговец-турок с лицом доброго самаритянина. От удара у «мерседеса» распахнулся багажник, и кандидат в спасатели теперь в волнении размахивал руками: он обнаружил, что багажник лимузина набит автоматами.

— Вы знаете, кто этот полицейский? — спросил Кашмас.

— Знаю. Заместитель начальника Национальной полицейской академии Турции, специалист по психологической войне и борьбе с мятежами. Забыл его фамилию…

Старлиц залез в кузов грузовика. Висевший на капоте «мерседеса» кузов застонал от его шагов. Старлиц погладил плотно запечатанный контейнер — свой бесценный груз.

Медные кувшины. Старые сигареты «Бафра», давно снятые с производства. Турецкие буквари десятых и двадцатых годов с зебрами и цеппелинами на картинках. Непогашенные билеты

государственных лотерей. Розовые турецкие лиры доинфляционной поры. Средства от зубной боли на травах. Запасные части для американских «паккардов» и «Де Сото». Банки с айвовым и вишневым вареньем. Пахнущая розой пена для ванны в протекающих пузырьках. Мятная зубная паста и шоколадные конфеты с коньяком, окаменевшие в фольге. Пожелтевшие противомоскитные сетки. Раскрашенные черно-белые фотографии юных улыбающихся невест. Сухой инжир в джутовых мешочках. Тяжелые черные телефоны и поеденные молью красные фески.

Пузырьки сладострастных очертаний с одеколоном «Йорги Томатис». Детские комиксы про Дикий Запад под названием «Техас» или «Том Микс». Треснутые доски для игры в триктрак с розовыми фишками. Засаленные, залитые кофе карточные колоды. Зажигалки в форме пистолета и жемчужные мундштуки. Монокли. Пояса-шарфы. Изъеденные червями воспоминания Сафии Айлы, певички двадцатых годов, хваставшейся, что отдалась Кемалю Ататюрку.

Как долго он все это собирал! Трогательные материальные свидетельства турецкого двадцатого века, его падения в банальность и разложение. Неизбежное — о, какое неизбежное! — убожество столетия. Старлиц решил забрать с собой все эти улики, стереть их со сцены, подобно тому, как время стерло их значение. Но грузовик попал в аварию, а бесценный контейнер был слишком тяжел, чтобы сдвинуть его с места.

Приходилось все бросить. Дважды подчеркнуть, списать. Похоронить все мертвое внутри себя.

Тем временем появилась Гонка, оповестившая о своем приближении визгом резины и пронзительным гудком. Распахнув алую дверцу, она рванулась наружу, пронзила собравшуюся толпу, потеряла на бегу солнечные очки и уронила с плеча бретельку платья.

Воздев в горе руки, она опустилась перед телом возлюбленного на одно колено, потом обвила тонкими руками в браслетах, пальцами в кольцах его размозженную голову. На одно страшное мгновение возникло чувство, что эта преданность непобедима, что Озбей сейчас оживет, ухмыльнется и подмигнет. Но через минуту Гонка раскрыла рот и издала такой отчаянный крик, что одна женщина упала в обморок, а двое мужчин заплакали.

— Какой сюжет! — задумчиво произнес Кашмас. — У вас есть телефон?

К тому времени, когда в неповоротливой турецкой прессе разгорелся настоящий скандал, Старлиц успел продать свою компанию грузовых перевозок. При всех официальных попытках

замять скандал, случившееся оказалось слишком вопиющим. Торговец героином, давно разыскиваемый Интерполом за побег из швейцарской тюрьмы в компании с высокопоставленным полицейским чином, бывшим телохранителем турецкого посла в Вашингтоне, и курдским вождем, оставшимся в живых, но отказывающимся говорить. Все они оказались связаны с хорошенькой поп-звездой из телевизионного игрового шоу. Слишком лакомая история.

Старлиц покинул Турцию. В последние месяцы и недели века он перенес свою штаб-квартиру в Швейцарию. Приближался Y2K, а в этой стране имелось золото, способы отмывать деньги, убежища от радиоактивных осадков. Старлиц стал совладельцем небольшой компьютерной компании и резко увеличил свои доходы благодаря хитрости под названием «изымание стоимости».

Многие продавцы компьютерных программ совершали непростительную ошибку: пускали в продажу лучший товар, какой только могли произвести. К счастью, изучение стратегии ценообразования в информационной отрасли показало, что в настоящей информационной экономике это не лучший источник дохода. Люди нервничали и огорчались, когда достойные программы им продавали по достойной цене. Достойные программы следовало продавать только по крайне завышенным ценам, непременно вместе с ненужными дополнениями, вроде колокольчиков и свистков. После этого среднему слою покупателей предлагалась более дешевая, хотя все еще дорогая, усеченная версия оригинальной программы. Новичкам, студентам, всему многотысячному нижнему слою сбывалась дешевка, едва работающая версия с «изъятой стоимостью».

Старлиц занялся сознательным разрушением программ, и рынок щедро его отблагодарил. Через выходной он ездил в интернат к Зете. С ней самой он никогда не разговаривал, а только делал ее фотографии с помощью мощного телескопического объектива. Зета, которой очень шла школьная форма, стала появляться на фотографиях, что было отрадным признаком, учитывая ее карьерные устремления. Старлиц вел подробные досье на ее учителей, лелея утонченную форму мести людям, превращающим его дочь в принцессу, которая станет смотреть на отца сверху вниз, как на какого-то неотесанного деревенского автомеханика.

Преследование и подглядывание делали его жизнь пустой, но и у этого положения были свои плюсы. Он установил через океан неплохие отношения с Мамашами Номер Один и Номер Два. Вана и Джуди по-прежнему находились в ссоре и не разговаривали, но

к швейцарскому интернату относились одинаково положительно — потому, вероятно, что самому Старлицу мысль о таком образовании не могла бы прийти и в страшном сне. Они читали его электронную почту и с любопытством рассматривали приложенные к письмам фотографии. Былая война полов затихала вместе с умиранием последних месяцев года. Старлиц объяснял это возрастом. Молодость и красота канули в прошлое, ставки были очень низки, чтобы за них бороться. Все они слишком постарели, чтобы их продолжало тянуть к людям, которых они не могли вынести.

Джуди даже предприняла усилие, чтобы подняться с инвалидного кресла и что-то заработать: арендовала косметический салон в Орегоне для участия в расходах на образование Зеты. Зета хорошо училась. Ее соученики были нервными, лишенными родительской ласки богатыми детьми, которыми она успешно помыкала. В свои двенадцать лет она была непререкаемым авторитетом, потому что зналась со звездами поп-музыки и могла это доказать. На ее восторженные письма отвечала сама Бетси Росс.

Со стороны Бетси это было весьма дальновидно. Зета или кто-то другой вроде нее мог бы в случае надобности поместить Бетси в лечебницу для наркоманов. У Зеты был железный внутренний стержень. Добро долго не живет, но к Зете это не относилось: она была слишком решительной и деловитой для ранней смерти. Просто выживать было для нее недостаточно, ей нужно было побеждать. Ей было на роду начертано похоронить всех, с кем ее столкнет жизнь.

Когда наконец Y2K наступил, Старлиц встретил его в толпе. Толпа отражалась во множестве зеркал и распевала хором. Все было совершенно предсказуемо. Он был всего лишь одним лицом из великого множества лиц, частицей в могучей волне, толстым, невзрачно одетым пьяницей посреди незнакомого ему города. Великая перемена не должна была его отыскать.

Но она все равно до него добралась и выместила на нем свою ярость. Удар был нанесен изнутри: сердце пронзил высоковольтный разряд, боль ударила в плечо. Он упал, как подстреленный олень, и молча канул в багровую тьму.

— По крайней мере, ты выбрал правильную страну для сердечного приступа, — сказал Хохлов.

— Верно, — хрипло отозвался Старлиц, — по части оживления сердечников Швейцарии нет равных.

— Как ты теперь себя чувствуешь?

— Я только что перенес операцию на сердце. Самочувствие такое, словно меня отдубасили молотком. — Старлиц навалился

на хромированный бортик больничной койки, чтобы понюхать огромный букет цветов, принесенный Хохловым. — Спасибо, что пришел меня навестить, Пулат Романович. Да еще с цветами! Этого я от тебя не ожидал.

— Я подобрал их по пути, — сказал Хохлов в свое оправдание. — В соседней палате умер физик-ядерщик.

Старлиц кивнул.

— Их в Швейцарии что кроликов. В Женеве расположен Европейский центр ядерных исследований.

— Одного профессора они недосчитались.

— Умная была голова, судя по букету. — Старлиц почесал место, где ему вставляли иглу для внутривенных вливаний. — А теперь рассказывай. Как тебя занесло в страну скрытных гномов?

— Это очень странная история. В общем, когда разразился балканский кризис, я прилетел на своем невидимом для радаров самолетике на выручку Милошевичу. Он страшно обрадовался, увидев меня. Рассыпался в благодарностях. Его очаровательная дочь тоже была мне очень благодарна. Я уже готовился к семейному перелету в Грецию, как вдруг… Каким-то образом я оказался в эпицентре взрыва в белградском военном аэропорту. В ночь первого натовского налета. Наверное, я стоял прямо под крылатой ракетой стоимостью в миллион долларов.

— На твоем месте я никому бы не стал об этом трепаться.

— Произошло что-то вроде временного отключения новостей. Шипение на пленке. Какой-то щелчок. Утечка. Думаю, все из-за того, что я русский. У меня была полная событий жизнь. Россия получила от двадцатого века сполна, больше других стран. Наверное, я тоже превысил свой баланс на счету двадцатого столетия. В двадцатом веке мне уже нечего было делать.

— Это я могу понять.

— Меня нашли гораздо позже, в аэропорту косовской Приштины, когда русские войска бросились туда, чтобы опередить НАТО. Видимо, я лежал упакованный вместе со своим самолетом, герметически закупоренный.

— Что стало с самолетом?

— Конфискован. Отправлен на изучение в Москву, вместе с разбившимся американским бомбардировщиком «Стеле». Но со мной обошлись по-хорошему, выдали квитанцию.

— Не повезло тебе, Пулат.

— С тех пор мне полегчало. Кажется, благодаря этой невольной отставке я воспрянул духом. Переехал к племяннику в Будапешт — у него там занятные делишки — и поправил здоровье. Когда наступил Y2K, меня просто продуло сквозь этот момент, только и всего. Подумаешь! Обычный день в календаре.

А ты? — Хохлов подбоченился. — Не завидую человеку, угодившему в больницу!

— Вот лежу здесь и размышляю. Объясни, Пулат, почему для людей, творящих зло, всегда готов психоанализ? Все объясняется происхождением, генетикой, прошлым, нищим детством, дурным нравом и тому подобной ерундой. А когда ты сделаешь какое-нибудь беспримерное, неслыханное добро, на это всем наплевать.

— Хорошо, что ты снова философствуешь. Мудрость вырастает из страданий.

— Послушай, у меня есть теория. Хороший человек может включиться в повествование плохого. Ведь хорошему легко вообразить себя плохим. А плохой не может подключиться к повествованию хорошего, потому что понятия о нем не имеет. Это превышает его возможности, у них разные языки.

— Мне нравится эта теория, — сказал Хохлов. — Это математика. Поверхностные слои. Нравственная топология.

Старлиц молча кивнул. Летчики — хорошие математики, русские — очень хорошие математики. Русские летчики — асы математики.

— Кстати, о злосчастной «Большой Семерке», — вспомнил Хохлов. — Какой бесславный конец! Половина девушек мертвы…

— Половина живы, — возразил Старлиц.

— Отмена гастролей, увольнение персонала, скандал с турецким импресарио… Проект мертв. Вчерашняя новость, хладный труп. А как чудесно все было задумано!

— Проект отжил свое. Ничего не поделаешь: когда время для сюжета прошло, он превращается в фарс. Или становится смертельно опасным. Бывает то и другое сразу.

— Да, но если вникнуть в проблему, — не уступал Хохлов, — если не отвлекаться на твои обычные словесные выкрутасы, то в чем была сердцевина замысла «Большой Семерки»? Семь дрянных девчонок из семи могущественных стран, поющие поп-музыку и обреченные на скорое исчезновение.

— Именно так.

— А что, если изменить полярность? Вывернуть концепцию наизнанку, в духе нового тысячелетия? Получаем семь очень талантливых девушек из семи неспокойных стран, прозябающих в отсталости. Их музыка волшебна, чиста, искренна. И они намерены продержаться как можно дольше.

— Почему именно семь?

— Почему бы нет? Хорошее число, простое. Скажем, Восточный Тимор, Чечня, Кашмир, Курдистан, Косово… Ну, баскская девушка и индеанка племени мискито из ощетинившегося оружием социалистического Никарагуа.

Старлиц задумался. Поворот выглядел заманчиво.

— И они поют на своих никому не ведомых языках? Играют на туземных инструментах? На гамеланах? Если на Восточном Тиморе есть гамеланы…

— Все так, Старлиц, но музыка хороша! Самая лучшая музыка! Искреннее исполнение. Мировые гастроли женщин из стран, меньше всех подвергнутых глобализации! Моральное доверие всех честных критиков мира нам обеспечено.

— Не вижу коммерческого потенциала. Денег так не заработаешь.

— Это и есть краеугольный камень всей схемы, Ле-ха! Мы не зарабатываем деньги. Теперь мы выше этого.

Зачем заботиться о бюджете? После того, что нас заставил пережить двадцатый век, мы, может быть, лишились даже души. Мы будем терять деньги. Чужие деньги. Предложение нечистой совести неисчерпаемо. Они не успокоятся, пока не заставят нас просадить все их деньги.

Старлиц сел в кровати как здоровый.

— Все правильно! Вот оно! Я полностью за, братишка! Мне уже не терпится начать. Ты уловил дух современности. — Его физиономия разъехалась в улыбке от уха до уха. — Это будет та-а-кое!..

notes

Примечания

1

Это печально (франц.).

2

Мухсин Эртугрул — турецкий режиссер театра и кино, работал со Станиславским и Мейерхольдом

З

Серия ламп, изготовлявшаяся на ленинградском заводе «Светлана».

4

Тека Эйвери — замечательный американский мультипликатор, один из создателей поросенка Порки, кролика Багза Банни, пса Друпи и других.

5

Хальцион (другое название — триазолам) — сильнодействующее снотворное.

6

Как поживаешь, Француженка? (франц.)

7

Турецкие политические партии и группы: МНР — ультраправая Партия национального действия (Серые волки); ANAP — центристская Партия Родины; DHKC — левацкая группа Революционный народный освободительный фронт; РКК — Курдская рабочая партия.

8

То же самое по-английски, по-французски и по-немецки

9

Лефкоса — турецкое название разделенной Зеленой линией столицы Кипра (греч. Лефкосия, или Никосия).

10

Жиль Делез, Феликс Гаттари, Жак Деррида, Мишель Фуко — французские философы-постструктуралисты. Теодор Адорно — немецкий философ-неомарксист.

11

На французском? (франц.)

12

Жан Бодрийяр — современный французский философ-постструктуралист, его «Соблазн» и «Фатальные стратегии» — работы 1990-х годов.

13

Главное повествование (мастер-нарратив) — понятие из книги французского социолога и философа Жана-Франсуа Лиотара «Ситуация постмодерна», в которой диагноз современной эпохи выглядит как распад главного нарратива, метаконцепции, на основе единых принципов описывающей картину мира, и замена его множеством частных и локальных повествований.

14

Ризома — хаотическое сплетение корней растений в поверхностном слое почвы, понятие-образ из книги Делеза и Гаттари «Mille plateaux», противопоставляемый ими центрированному и однозначному образу «дерева».

15

UNPROFOR (United Nations Protection Force) — Силы Организации Объединенных Наций по охране.

16

Vida loca — сумасшедшая жизнь (исп.).

17

Роберт Джонсон — легендарный американский блюзмен. Джимми Роджерс — известный исполнитель музыки в стиле кантри.

18

Брадда Из — известный исполнитель гавайских песен.

19

RU-486 (или мифепристон) — абортивные таблетки

20

CERT (Computer Emergency Response Team) — организация, занимающаяся отслеживанием проблем компьютерной безопасности в Интернете.

21

Шакал Раф — персонаж из рассказа «Самый маленький шакал» из сборника «Старое доброе будущее», опубликованного Брюсом Стерлингом в 1999 году.

22

«Сладкая жизнь» — фильм Федерико Феллини (1959)

23

Фотомодель Кристин Килер была любовницей военного министра Великобритании Джона Профьюмо, подозревалась в сотрудничестве с КГБ, а в 1963 году была арестована.

24

«Эшелон» — система электронной и радиоразведки Агентства национальной безопасности США.

25

Джон Уэбстер (ум. 1634) — английский драматург, младший современник Шекспира, популярен и в современном английском театре.

26

Амилнитрат — синтетический препарат, используемый как релаксант, вызывает изменение восприятия времени.

Мах — скорость звука.

28

Гуарачи — кожаные сандалии.

29

Сантерия — синкретическая афроамериканская религия

30

Чупакабра — мифическое существо, козий вампир.

31

La Frontera — граница (исп.)

32

Pistola en la mano — пистолет в руке (исп.).

33

Старлиц, не симпатизирующий Бодрийяру, полемизирует здесь с его книгой «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» (1982).

34

«О вас и вашем теле» («Our Bodies, Ourselves») — книга, посвященная проблемам, связанным со здоровьем, сексуальной жизнью и проблемами деторождения, адресованная женщинам и созданная неправительственной общественной организацией Boston Women & Health Book Collective. Начиная с 1970 года книга неоднократно переиздавалась, в том числе на 18 иностранных языках (на русском — в 1995 году).

35

Последняя фраза «Логико-философского трактата» Людвига Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать».

36

Старлиц перечисляет имена французских философов: Люси Иригарей (теоретик феминизма), Ролан Барт (литературовед, философ-постструктуралист), Юлия Кристева (философ-постструктуралист, психоаналитик, теоретик феминизма), Луи Альтюссер (философ-неомарксист). Альтюссера («они душат своих жен…») и Барта («…и попадают под грузовики») имеет в виду Старлиц в конце пассажа.

37

Кэрол Пэйтмен и Мишель Ле Дофф — современные теоретики феминизма.

38

Нуклеарная семья — семья, состоящая из супружеской четы с детьми или без детей или одного из родителей со своими детьми, не состоящими в браке. Нуклеарная семья — наиболее распространенная семья индустриальной эпохи. Постнуклеарная семья — семья вроде семьи Зеты Старлиц.

39

«Home Depot» — сеть крупных магазинов хозтоваров.

40

«Quonset» — крупная американская фирма по строительству ангаров.

41

Песенку «Белое Рождество» Бинг Кросби исполнил впервые в 1942 году. К нашему времени эта песня занимает первое место среди синглов всех времен и народов.

42

Читателю, видимо, следует знать, что папаша Джо изъясняется почти исключительно палиндромами, то есть фразами, читающимися одинаково как слева направо, так и справа налево. Надо ли извиняться за то, что сохранить «палиндром-ность» пассажей Джо оказалось невозможно?

43

Имеется в виду один из основателей кибернетики — Алан Тьюринг, который в годы Второй мировой войны трудился над расшифровкой секретных кодов нацистов.

44

Святой Грааль: в рыцарских романах — священная чаша, из которой Иисус Христос пил во время Тайной вечери, ставшая в результате средоточием чудесных свойств и целью поисков рыцарей Круглого стола.

45

Borrachos — пьяницы (исп.). Tenemos tequila — у нас текила (исп.).

Feliz Navidad — счастливое Рождество (исп.).

47

La Migra — распространенная в США кличка для силовых структур, занимающихся поиском нелегальных иммигрантов (исп.).

48

Грейс Хоппер — одна из основательниц современного программирования и контр-адмирал ВМФ США. Джанет Рино и Мадлен Олбрайт — соответственно генеральный прокурор и глава Госдепартамента США во время президентства Клинтона.

49

ATF (Bureau of Alcohol, Tobacco and Firearms) — Бюро по вопросам продажи алкоголя,табачных изделий и оружия Министерства финансов США.

50

Теодор Качински — бывший профессор-математик из университета Беркли. Террорист-одиночка. Известен под кличкой Унабомбер, рассылал замаскированные бомбы по почте тем, кого он считал врагами окружающей среды.

51

Проволоне — твердый итальянский сыр, как и пармезан, добавляемый в блюда из пасты (макарон).

52

Устаревший вариант Интернета, который был распространен во Франции в 1980-х — начале 1990-х годов.

53

Тара — священная столица древней Ирландии, резиденция верховного короля; Тарой называлось поместье семейства О'Хара, выходцев из Ирландии.

54

Ал и Типпер — Ал Гор, бывший вице-президент США, и его жена Типпер. Йоко и Шон — Йоко Оно, вдова Джона Леннона, и ее сын Шон. Тед и Джейн — Тед Тернер, создатель Си-эн-эн, и его жена, актриса Джейн Фонда.

55

«Spam» — «Спам», марка консервированного колбасного фарша.

«Шар дракона», «Сейлор Мун», «Покемон», «Привет, Китти» — японские комиксы и анимационные фильмы.

57

Удон — японская лапша из гречихи.

Да (япон.).

59

Gomen nasai — я извиняюсь (япон.)

60

Giri и ninjo — «долг» и «гуманность» в самурайском кодексе чести (япон.)

61

Goruden Gai (япон.), или «Golden Guy» (англ.), — «Золотая улица», улица в центре Токио с многочисленными крохотными барами, популярное место среди японской богемы.

62

«Metropolis» и «I.D.» — модные глянцевые журналы по дизайну и архитектуре.

63

«Стейнвей» — знаменитая марка роялей фирмы «Stein-wey & Son».

64

Укиё-э — направление японской ксилографии (печать гравюр с деревянных досок).

65

Ohana — семья; семейные ценности; община (гавайск.)

66

Веганство — вариант вегетарианства, системы питания, исключающей потребление продуктов убоя — мяса, рыбы, птицы. Веганцы исключают из своего питания также молочные продукты и яйца.

67

PLeather — название искусственной кожи, выпускающейся фирмой «Pleather».

68

«Мясо — это убийство» — песня английского певца Стивена Моррисси.

69

Кам — куполовидный холм из слоев песка, гальки и гравия, образовавшийся после таяния ледника. Такие холмы использовались для ритуальных церемоний. Мана — магическая сила.

Пакалоло — марихуана (гавайск.)

71

Гранола — подслащенная овсянка с добавлением орехов и изюма.

Mahalo — благодарю (гавайск.)

73

Укулеле — маленькая четырехструнная гавайская гитара.

74

Ким Филби — сотрудник английской разведки, работал на советскую разведку. Стерлинг, видимо, путает даты: Филби был резидентом английской разведки в Стамбуле в 1947— 1949 годах.

75

Александр Маккуин — английский модельер, изобретатель рейверских штанов, преемник Джона Гальяно на посту главного дизайнера Givenchy.

76

Грэйсленд — поместье в штате Теннесси, где жил и умер Элвис Пресли и где находится его музей.

77

Махалия Джексон — выдающаяся негритянская певица в стиле госпел.

78

«Столкновение цивилизаций» (1996) — книга профессора Гарвардского университета Сэмюэля Хантингтона, описывающая грядущую мировую историю как противостояние не стран, но цивилизаций, прежде всего — западной (христианской) и арабской (мусульманской).

79

Йошка Фишер — один из лидеров партии «зеленых», нынешний министр иностранных дел ФРГ.

80

ASALA (Armenian Secret Army for the Liberation of Armenia) — Армянская секретная армия освобождения Армении, армянская террористическая организация марксистско-ленинского толка, осуществлявшая акции международного терроризма, поддерживала левоэкстремистское и национально-освободительное движение во многих странах мира.

81

GLADIO — сеть секретных организаций, организованных ЦРУ и НАТО в Европе в годы «холодной войны».

82

Вацлав Гавел — бывший диссидент и первый президент Чешской Республики после краха социализма.

83

Абдулла Оджалан — глава курдского национально-освободительного движения. Приговорен к пожизненному заключению.

Unheimlich — жутко (нем.).

85

Фолклендская кампания — военный конфликт между Аргентиной и Великобританией в мае — июне 1982 года вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов.

86

Когда два раствора с разной концентрацией растворенных веществ разделены полупроницаемой мембраной, на нее действует сила, направленная от более разбавленного к более концентрированному раствору. Эта сила и называется «осмотическим давлением».

87

Хафез Асад был президентом Сирии с 1971 года до своей смерти в 2000 году.

88

Мэтью Брэйди (1823-1896) — знаменитый американский фотограф, прославившийся в частности своими снимками с полей Гражданской войны.

89

Deus ex machina — бог из машины (лат.).

«Cray» — известная марка суперкомпьютеров фирмы Cray Inc.

91

Industrial Light and Magic — одна из фирм Джорджа Лукаса по кинопроизводству и спецэффектам.